

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

5 (112) сентябрь-октябрь 2022 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С.А. ЗАБЕЛИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ, А.А. РОЖИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., МИРОНЕНКО В.И.,
НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL
EST. JANUARY 2000

CONTENTS

SUTYRIN V. EU Policy in the Area of Official Development Assistance in the Post-Soviet Space: Geopolitical Factors • **MASLOVA E., SOROKOVA E.** The Dialectics of Ethics and Law in the Regulation of Artificial Intelligence: Case of the EU • **MIKHALEV O.** Changes in the International Role of Poland after the Beginning of the Russian Special Operations in Ukraine • **RYAZANTSEV S., KUZNETSOV N.** Migration Processes between Russia and Armenia in Times of Crisis • **ROGINKO S.** French Tax for EU: Genesis of Cross-Border Carbon Adjustment • **KONINA N.** Contemporary European Multinationals: Changes in the Balance of Market Power • **OVCHAROV A., TEREKHOV A.** Digital Divide in European Countries: Approaches to Definition and Assessment • **VODOPIANOVA E.** The Impact of Science and Technology on Modern European Society • **PRONINA T.** The European Experience of Religious Education and Education on Religions in Modern Russia • **ANDREEVA L.** Association “Turkish-Islamic Union for Religious Matters” in Germany as a Tool of Influence of Turkey • **EVSTAFIEV D., MEZHEVICH N.** Competition of Sovereignty Models as a Basis for the Transition to a Post-Global World • **NEVSKAYA N.** Sustainable Development in Unsustainable Conditions of International Relations • **MAKSIMYCHEV I.** Moscow and Berlin in a World Full of Crises. Is there a Future for the Russian-German Tandem? • **SHOGUNTS A.** Horizontal Migration Governance in the European Union: a Case of Italy • **NAZARUK T.** Transformation of the Role of Third and Minor Parties in the Political and Party System of Great Britain in 2010–2022 • **NEIMARK M.** What awaits Europe and the World in the Near Future

INHALT

SUTYRIN V. EU Politik im Bereich der internationalen Unterstützung zur Entwicklung im post-sowjetischen Raum: geopolitische Faktoren • **MASLOVA E., SOROKOVA E.** Dialektik der Ethik und des Rechts in der Regulierung künstlicher Intelligenz: EU-Erfahrungen • **MIKHALEV O.** Veränderung der internationalen Rolle Polens nach dem Anfang der speziellen Militäroperation • **RYAZANTSEV S., KUZNETSOV N.** Einfluss der Pandemie COVID-19 auf der Arbeitsmigration aus Armenien in Russland • **ROGINKO S.** Französisch Steuer für EU: Genesis des CO2-Grenzausgleichssystems • **KONINA N.** Zeitgenossene europäische multinationale Konzerne: Verschiebung des Marktgleichgewichts • **OVTSCHAROV A., TEREHOV A.** Digitale Kluften in europäischen Ländern: Ansätzen, Besonderheiten und Bewertungen • **VODOPIANOVA E.** Einfluss der Wissenschaft und der Technologie auf der modernen europäischen Gemeinschaft • **PRONINA T.** Europäische Erfahrungen aus der Religionserziehung und russisches Model der Religionsunterricht • **ANDREEVA L.** Türkisch-Islamische Union der Anstalt für Religion als Instrument der Türkei zur Beeinflussung in Deutschland • **EVSTAFIEV D., MEZHEVICH N.** Wettbewerb der Modelle der Souveränität als Grundlage für Übergang zur nachglobalen Welt • **NEVSKAJA N.** Nachhaltige Entwicklung unter den instabilen Bedingungen der internationalen Beziehungen • **MAKSIMYTSHEV I.** Moskau und Berlin in der krisenvollen Welt. Hat russisch-deutsches Tandem eine Zukunft? • **SCHOGUNTS A.** Horizontale Zusammenarbeit im Migrationssteuerung in der EU am Beispiel Italien • **NAZARUK T.** Transformation der Rollen der kleiner Parteien in politischen Parteisystem Großbritanniens in 2010–2022 • **NEJMARK M.** Zukunftsperspektiven: was Europa und Welt erwartet

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Сутырин В.В.</i> Политика Евросоюза в сфере содействия международному развитию на постсоветском пространстве: геополитические факторы	5
--	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Маслова Е.С., Сорокова Е.Д.</i> Диалектика этики и права в регулировании технологии искусственного интеллекта: опыт ЕС	19
<i>Михалев О.Ю.</i> Изменение международной роли Польши после начала российской спецоперации на Украине	34
<i>Рязанцев С.В., Кузнецов Н.Г.</i> Влияние пандемии COVID-19 на трудовую миграцию из Армении в Россию	48

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Рогинко С.А.</i> Французский налог для ЕС: генезис трансграничного углеродного регулирования	64
<i>Конина Н.Ю.</i> Особенности рыночного положения европейских ТНК в современных условиях	78
<i>Овчаров А.О., Терехов А.М.</i> Цифровой разрыв в европейских странах: подходы к определению и оценке	92

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Водопьянова Е.В.</i> Влияние науки и технологий на современное европейское общество	107
--	-----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

<i>Пронина Т.С.</i> Европейский опыт религиозного образования и образование о религиях в современной России	119
---	-----

- Андреева Л.А.* Ассоциация «Турецко-исламский союз по делам религии» в Германии как инструмент влияния Турции 131

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М.* Конкуренция моделей суверенитетов как основа перехода к постглобальному миру 146

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- Невская Н.А.* Устойчивое развитие в неустойчивых условиях международных отношений 160

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Максимычев И.Ф.** Москва и Берлин в мире, полном кризисов.
Есть ли будущее у российско-германского тандема? 174

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Шогуниц А.В.* Горизонтальное сотрудничество в управлении миграцией в Европейском союзе на примере Италии 183

- Назарук Т.В.* Трансформация роли третьих и малых партий в партийно-политической системе Великобритании в 2010–2022 гг. 195

РЕЦЕНЗИИ

- Неймарк М.А.* Перспективы будущего: что ожидает Европу и мир 209

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК 327

ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА В СФЕРЕ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ¹

© 2022 СУТЫРИН Вячеслав Валерьевич*

Кандидат политических наук

*Проректор Государственного академического университета гуманитарных наук
119049, Россия, Москва, Мароковский переулок, д. 26*

**E-mail: vsutyrin@gaugn.ru*

Поступила в редакцию 17.06.2022

После доработки 28.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. В статье проанализированы структура, приоритеты, концептуальные основы, методы и ресурсное обеспечение политики институтов ЕС в сфере содействия международному развитию (СМР). Сделан вывод, что с 2010 по 2020 гг. ЕС увеличил более чем в четыре раза финансирование программ СМР для стран постсоветского пространства. При этом государства Центральной Азии стали получать значительно меньшую долю по сравнению со странами западной части постсоветского пространства, доля которых существенно возросла на фоне роста конфронтации с Россией, а также в связи с президентской кампанией в Белоруссии. Перераспределение продиктовано геополитической логикой внешней политики ЕС и его предпосылки восходят к концу 2000-х гг. Декларируемое в последнее время на высшем уровне ЕС укрепление «жесткой» силы и геополитический подход не являются нововведениями, но отражают долгосрочные процессы во внешней политике Евросоюза. Так, значительная часть средств СМР ЕС традиционно выделяется на создание «социальной инфраструктуры», которая прямо или косвенно содействует укреплению контроля Брюсселя над общественно-политическим сектором целевых стран периферии и включению их в сферу влияния ЕС в вопросах экономики, государственного управления, идеологии. Такая политика способствует реализации внешнеполитических интересов ЕС, за-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме «Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты» (FZNF-2020-0014).

крепляя асимметричные отношения с целевыми странами в формате «метрополия-периферия».

Ключевые слова: Европейский союз, содействие международному развитию, официальная помощь развитию, постсоветское пространство, Восточное партнерство, мягкая сила, гуманитарное влияние.

DOI: 10.31857/S0201708322050011

EDN: glmaup

В мае 2022 г. верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель, ссылаясь на конфликт вокруг Украины, заявил, что Евросоюзу «недостаточно быть доброй гражданской силой (*civil power*), нам нужна и военная сила»¹. Текущий состав Еврокомиссии начал продвигать данный тезис задолго до начала специальной военной операции России на Украине. Можно увидеть за этими заявлениями очередную попытку Брюсселя подвергнуть пересмотру свою внешнеполитическую идентичность, мотивируя это внешней угрозой. Альтернативная гипотеза: ЕС артикулирует оформившуюся ранее логику внешней политики, включающую элемент геополитической борьбы за сферы влияния, пытаясь использовать украинский кризис для ее легитимации и оснащения новыми инструментами. Цель настоящей статьи заключается в проверке этих гипотез на эмпирическом материале. Предметом исследования выступает политика наднациональных институтов Евросоюза в сфере содействия международному развитию (далее – СМР)², главной статьи внешнеполитических расходов Брюсселя. Евросоюз давно пытался компенсировать слабость в военно-политической сфере, создавая разветвленную инфраструктуру гуманитарного влияния на сопредельные страны, включая постсоветское пространство. Эта деятельность, представляющая вызов для российских интересов и стабильности региона, заслуживает внимательного анализа. Общие хронологические рамки исследования охватывают период после расширения ЕС 2007 г., вслед за которым Брюссель перешел к активной экспансии на постсоветском пространстве. Анализ новейших тенденций отсчитывается от 2014 г. до настоящего времени с учетом последствий украинского кризиса. Проанализированы официальные документы органов ЕС и политические заявления руководства Евросоюза, статистические данные, а также конкретные проекты ЕС в странах постсоветского пространства.

Внутренняя неоднородность ЕС мешает проводить последовательную внешнюю политику, усиливает ее «импульсивность, иррациональность и агрессивность»

¹ European Council: Press remarks by High Representative Josep Borrell upon arrival, May 31, 2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-council-press-remarks-high-representative-josep-borrell-upon-arrival-0_en (дата обращения: 31.05.2022)

² В рамках настоящей статьи понятие «содействие международному развитию» используется как синоним принятой в Евросоюзе и ОЭСР формулировки «официальная помощь развитию» (*official development assistance*), которая включает официальные гранты, займы и иные финансовые потоки. Подробнее см.: Official Development Assistance (ODA) OECD. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> (дата обращения: 30.04.2022)

[Громько, 2021: 22]. Следствием этого в последние годы стали попытки высшей бюрократии ЕС использовать повестку внешней угрозы со стороны России и Китая для расширения своих наднациональных полномочий [Сутырин, 2021]. Сфера, где заметно проявляется внешнеполитическая автономия наднациональных органов ЕС (а значит и логика их поведения) – это содействие международному развитию. На рабочем уровне осуществляется координация между институтами ЕС и государствами-членами (а порой и конкуренция [Бартенев, 2020]), однако органы ЕС обладают возможностью относительно самостоятельного среднесрочного планирования и определения приоритетов.

Евросоюз начал развертывание на постсоветском пространстве широкомаштабной программы политического, экономического и идеологического освоения региона задолго до украинского кризиса 2014 г., после включения в 2007 г. в свой состав бывших членов Организации Варшавского договора (ОВД) Румынии и Болгарии. Весной 2008 г. Польша и Швеция инициировали программу «Восточное партнерство», нацеленную на глубокую интеграцию шести бывших советских республик в экономическую, политическую и правовую сферу влияния ЕС, игнорируя интересы России. Основным инструментом влияния в рамках этой программы, помимо политического диалога и соглашений с правительствами стран-участниц, стала политика Брюсселя в сфере СМР. Она материально обеспечивала интервенции ЕС в целевых странах на основе комбинирования программного и проектного подходов.

После распада ОВД экспансия Евросоюза не встречала серьезных препятствий, пока не перешла на территорию бывшего СССР. Как справедливо отмечает И.В. Болгова, расширение ценностного подхода ЕС оказалось возможным только в благоприятной внутренней и внешней политической среде, а прямое противопоставление ценностей ЕС политике России привело к дестабилизации региона [Болгова, 2019]. Геополитическая логика внешней политики ЕС открыто декларируется его руководством в последние 6-7 лет, однако имперские черты во внешней политике ЕС (стремление политического центра к установлению контроля и осваиванию периферии путем закрепления асимметричных отношений) проявились раньше. С начала 2000-х гг. они стали заметны ряду западных исследователей [Cooper, 2002; Forsberg & Naukkala, 2018; Zielonka, 2008], но не получили значительного освещения в отечественной литературе. Тем не менее спустя десятилетие эти установки были закреплены в доктринальных документах. Так, в Глобальной стратегии ЕС, принятой в 2016 г., подтвержден традиционный тезис, что «сила привлекательности [ЕС] может подхлестнуть трансформацию [в странах соседства]». При этом перед внешней политикой Брюсселя поставлена задача «справляться со сверхдержавами». Констатируется, что в современном мире «мягкой силы недостаточно», поэтому необходимо «усилить убедительность в сфере безопасности и обороны», а политика расширения рассматривается как «стратегическая инвестиция в безопасность» [Shared Vision, 2016]. Учитывая, что попытки создания европейской армии пока не увенчались успехами, Брюссель стремился к усилению политического влияния через инструментарий СМР [Youngs & Zihnioglu, 2021]. После «арабской весны» и вторжения стран НАТО в Ливию ЕС расширил использование СМР для ограничения миграционных потоков с юга [Kiratli, 2021]. На постсоветском про-

странстве ЕС стремился к расширению влияния через «демократизацию» и переориентацию новых режимов на Запад.

В 2021 г. институты ЕС ассигновали 19 млрд долл. США на содействие международному развитию по всему миру¹. СМР в ЕС курирует Генеральный директорат международных партнерств Еврокомиссии. Комиссия ответственна за администрирование помощи и мониторинг реализации СМР. Европейская внешнеполитическая служба (ЕВПС) осуществляет общую координацию. В бюджетных планах ЕС на 2021–2027 гг. утверждается, что программы помощи странам ближнего зарубежья ЕС, куда входит и западная часть постсоветского пространства, призваны «укрепить социально-экономическое влияние ЕС» в регионе и усилить роль Евросоюза как «глобального игрока»². В 2020 г. принят План действий ЕС по правам человека и демократии, увязывающий вопросы СМР, экологии, миграции, безопасности и торговли ЕС с целевой страной с оценкой ситуации в сфере прав человека. Провозглашен «подход к развитию, основанный на правах человека» и «геополитическая повестка прав человека»³.

Парадигма СМР ЕС заключается в экспорте норм и стандартов ЕС в сферу права и госуправления целевых стран⁴. Приоритеты СМР ЕС определены Глобальной стратегией ЕС, новым европейским консенсусом по вопросам развития и приоритетами Комиссии, которые на период 2019–2024 гг. включают «зеленую сделку», цифровизацию, экономическое развитие (с акцентом на молодежь и малый бизнес), усиление глобальной роли ЕС, продвижение европейского стиля жизни и демократизацию⁵.

Комиссия и ЕВПС – основные игроки в сфере СМР, обеспечивающие оперативное управление фондами СМР и политическое сопровождение, соответственно. Применяются следующие инструменты: политический диалог, диалог по вопросам реформ (*policy dialogue*) с участием НПО и чиновников из целевой страны, проектная деятельность (делегации ЕС, подчиняющиеся ЕВПС, координируют множество

¹ Total flows by donor, 2018-2021. Official OECD Web-site. URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?QueryId=113263> (дата обращения: 14.04.2022)

² The EU's 2021–2027 long-term budget and NextGenerationEU. Luxemburg: Publications Office of the European Union, 2021. P. 19. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d3e77637-a963-11eb-9585-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 14.04.2022)

³ EU Action Plan on Human Rights and Democracy 2020-2024. Joint Communication to the European Parliament and the Council, 25.03.2020. URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN\(2020\)5&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN(2020)5&lang=en) (дата обращения: 14.05.2022)

⁴ Высокий представитель ЕС Жозеп Боррель в своем выступлении в ноябре 2021 г. так откровенно сформулировал этот принцип: «Социально-экономические структуры, труд, баланс сил в мире изменятся. Мы, западные народы, США и ЕС, управляли миром, потому что мы устанавливали нормы и стандарты, мы властвовали над тем, как работали технологии... если мы не сможем больше устанавливать нормы и стандарты, мы не будем править в XXI веке». Источник: J.Borrel's Address at Global Progressive Forum. Official Account of Foundation For European Progressive Studies. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CVNR-ZuXIyM> (дата обращения: 14.04.2022)

⁵ The European Commission's priorities for 2019–2024. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024_en (дата обращения: 14.05.2022)

проектов СМР в странах пребывания и обеспечивают мониторинг), кондициональность. Оценка результатов применения данных инструментов со стороны ЕС влияет на объемы и выбор получателей средств СМР (правительство, НПО, оппозиция), направляемых Брюсселем в целевые страны.

Косвенным подтверждением роста значения геополитического фактора при распределении средств СМР ЕС служит создание Брюсселем институциональных механизмов для быстрой переброски средств СМР между конкретными странами, несмотря на 7-летние бюджетные планы. Речь идет о внедрении в процесс финансового планирования так называемого «оперативного» подхода. При помощи специального резервного фонда (на 2021–2027 гг. на эти цели выделено 3,2 млрд евро) Евросоюз может быстро изыскивать дополнительные средства на работу с целевыми странами, где сложилась чрезвычайная ситуация или возникли возможности «быстрого проведения реформ». Таким образом, ЕС адаптирует свою систему СМР для решения задач не только среднесрочного характера, но и ситуативных интервенций, напоминая опыт Агентства США по международному развитию, давно создавшего подобные механизмы политического вмешательства.

Объемы и приоритеты финансирования

Приоритетные регионы для СМР ЕС – это Ближний Восток и Северная Африка в связи с проблемой миграции, а также западная часть постсоветского пространства, вовлеченная в программу «Восточное партнерство» (ВП). В рамках ВП принимаются планы действий для стран на срок 3-5 лет, в основе которых – политические приоритеты ЕС: «продвижение демократии», «качество госуправления», «верховенство закона», а также поддержка либерализации экономики за счет финансирования малого и среднего бизнеса [Turp-Balazs, 2021].

Страны Центральной Азии получали средства СМР ЕС по линии Инструмента сотрудничества по вопросам развития (DCI) в соответствии с Региональным стратегическим документом¹. В 2019 г. была принята новая стратегия ЕС для региона, определяющая приоритетные сферы для финансирования, совпадающие с указанными выше приоритетами «Восточного партнерства», а также вопросами региональной интеграции, водной безопасности и Афганистана². Брюссель подтвердил ставку на «мягкую силу» как инструмент своего влияния в регионе. При этом активность ЕС в Центральной Азии сокращается, что эксперты связывают со снижением геополитической приоритетности региона – в ЕС сложилось понимание, что в среднесрочной перспективе получить энергоносители из региона не получится³. В

¹ См. оценки Счетной палаты результатов помощи ЕС региону: EU Development Assistance to Central Asia (2013). European Court of Auditors. Special Report No 13/2013.

² Council of the EU (2019). Central Asia: Council adopts a new EU strategy for the region. Press release, 17 June. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/17/central-asia-council-adopts-a-new-eu-strategy-for-the-region/> (дата обращения: 14.04.2022)

³ См. подробнее: Blockmans S., Sahajpal M. (2019) The New EU Strategy on Central Asia. CEPS. 21 June. URL: <https://www.ceps.eu/the-new-eu-strategy-on-central-asia/> (дата обращения: 14.04.2022)

странах, заключивших с ЕС соглашения об ассоциации (АА) и углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (DCFTA) – Грузии, Молдавии и Украине, Брюссель ведет работу по внедрению и контролю за исполнением положений данных соглашений, а также общеевропейских приоритетов. Кроме того, с Казахстаном заключено Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве¹ (полностью вступило в действие в 2020 г.), с Арменией – Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве² (вступило в силу в 2021 г.). Помимо акцента на сближении законодательной базы и экономического регулирования соглашения включают блок вопросов гуманитарного сотрудничества, в том числе «конвергенцию, практически полное сближение» образовательных систем Казахстана (ст. 244) и Армении (ст. 93) с «политиками и практиками Евросоюза».

За 10 лет ежегодно выделяемая ЕС сумма на программы СМР в странах постсоветского пространства, по данным ОЭСР, выросла с 605 млн в 2010-м до 2 834 млн в 2020 г.³ Причем основной скачок произошел в 2020 г. (рост в 2,8 раза по сравнению с 2019 г.) главным образом за счет финансирования проектов на Украине, в Грузии, Белоруссии и Молдавии.

Таблица 1

**Ассигнования ЕС в рамках СМР странам постсоветского пространства
в 2015–2020 гг., млн долл. США**

Страна	Ассигнования			Страна	Ассигнования		
	2015	2019	2020		2015	2019	2020
Азербайджан	27,4	19,1	26,2	Молдавия	70,3	167,2	264,6
Армения	148,8	32,1	126,1	Таджикистан	28,3	34,2	25,2
Белоруссия	25,3	109,5	162,3	Украина	234,8	413	1636
Грузия	146,3	166,7	462	Туркмения	4,6	4	2,6
Казахстан	14,2	2,5	1	Узбекистан	11,8	27,3	52,1
Киргизия	33,5	37	76,5				
Итого: 2015 – 745,3; 2019 – 1012,6; 2020 – 2 834,6							

Источник: данные ОЭСР в постоянных ценах по состоянию на 2022 г.⁴

¹ Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part (2016). Official Journal of the European Union, 4 February.

² Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part (2018). Official Journal of the European Union, 26 January.

³ Здесь и далее расчеты автора на основе данных ОЭСР по состоянию на 2022 г. См. подробнее: GeoBook: Geographical flows to developing countries. Official OECD Web-site. URL: <https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=DACGEO&lang=en> (дата обращения: 14.04.2022)

⁴ GeoBook: Geographical flows to developing countries. Official OECD Web-site. URL: <https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=DACGEO&lang=en> (дата обращения: 14.04.2022)

Как показывают приведенные данные, финансирование проектов СМР ЕС в Казахстане и Туркменистане, минимальное в предыдущие годы, практически исчезло. Ассигнования на программы СМР в Киргизии и Узбекистане увеличилось, однако темпы роста значительно уступают западному флангу постсоветского пространства, а абсолютные объемы не сопоставимы. На постсоветском пространстве больше всего средств ЕС направляет в страны, которые подписали соглашения об ассоциации с Евросоюзом и встали «на путь европейских реформ». Вместе с тем, судя по содержанию программ СМР, которое рассматривается ниже, формирование предпосылок для «политического выбора» национального правительства в пользу сближения с Брюсселем является целью многих программ СМР ЕС. Кроме того, из этого правила возможны исключения, продиктованные геополитикой. Например, за период 2014–2019 гг. более чем в два раза вырос объем выделяемых средств для работы с Белоруссией, хотя данная страна не имеет даже базового Соглашения о партнерстве сотрудничестве (СПС) с ЕС (с 2010 по 2020 гг. рост – в восемь раз). Недавнее увеличение совпало с периодом «потепления» в отношениях Брюсселя и Минска на фоне заинтересованности ЕС в поощрении «нейтральной позиции» Минска по украинскому кризису в 2014–2020 гг. При этом основной скачок пришелся на 2019 (выделено более 100 млн) и 2020 гг. (более 160 млн) и совпал с подготовкой к президентским выборам в августе 2020 г.

ЕС, в отличие от США, не предоставлял странам региона официальную военную помощь, но стремился влиять на силовые органы. Совет ЕС в 2014 г. создал Консультативную гражданскую миссию ЕС по реформе сектора безопасности Украины¹ (EUAM Ukraine). Деятельность комиссии курирует ЕВПС в рамках мандата, предоставленного государствами-членами ЕС. Миссия занимается разработкой стратегических документов и законопроектов, материально-технической помощью, координирует донорскую помощь Украине для реформ правоохранительных органов. Аналогичные миссии ЕС создал в Ираке и ЦАР. В 2019 г. бюджет Миссии на Украине вырос на 25% и составил 54 млн евро на 2 года². Официальная цель – восстановление доверия украинского общества к гражданским службам безопасности³. В миссии официально работает 370 сотрудников, штаб-квартира расположена в Киеве, создана сеть региональных офисов. Повседневная деятельность включает внедрение на законодательном и административном уровнях практик стран ЕС, разъяснение политики Евросоюза, экспертную поддержку, поставки оборудования, программного обеспечения, образовательные программы для полиции, прокураторы, государственного бюро расследований и других органов. Тем самым классические инструменты СМР используются ЕС для влияния на силовой сектор целевой страны.

¹ Council of the EU (2014) Decision 2014/486/CFSP of 22 July 2014 on the European Union Advisory Mission for Civilian Security Sector Reform Ukraine (EUAM Ukraine). Official Journal of the European Union, 27 July.

² EUAM Ukraine (2019) Council extends mission and approves budget increase, May 13. URL: <https://www.euam-ukraine.eu/news/euam-ukraine-council-extends-mission-and-approves-budget-increase/>

³ Там же.

Механизмы и проблемы реализации СМР

Основные средства СМР ЕС на постсоветском пространстве, как и в других регионах мира, направляются в сферу «социальной инфраструктуры» (поддержка гражданского общества, коммуникации, образование, работа социальных и коммунальных служб). Значительная часть деятельности сосредоточена в сферах непосредственной коммуникации и взаимодействия с людьми и обществами целевых стран. Так, за 2016–2019 гг. включительно, по данным Комиссии, только в странах «Восточного партнерства» в программах обменов с ЕС приняли участие 78 тыс. молодых людей, среди них 32 тыс. – это студенты и преподаватели вузов, в программах Брюсселя приняло участие 3 тыс. школ и 7,6 тыс. учителей¹. «Экономическая инфраструктура» включает сферу транспорта (содействие развитию приоритетных транспортных коридоров ЕС), энергетики («зеленая» энергетика и энергоэффективность), коммуникаций и финансовых услуг (кредитование малого и среднего бизнеса). Инфраструктура, создающаяся с использованием финансирования ЕС, должна отвечать стандартам Евросоюза, тем самым расширяя рынки сбыта для европейского бизнеса.

По результатам анализа баз данных проектов ЕС в странах постсоветского пространства² их можно классифицировать по следующим направлениям:

- продвижение реформ институтов государственного управления согласно стандартам ЕС, разработка законопроектов, создание экспертных групп и сетей для популяризации реформ в направлении открытия рынков, либерализации и снижения государственного контроля, децентрализации;
- внедрение норм и стандартов ЕС в инфраструктуре (энергетической, коммунальной, транспортной, пограничной, коммуникационной), как правило, в сотрудничестве с западными институтами развития (Европейский банк реконструкции и развития, Европейский инвестиционный банк, Всемирный банк и др.);
- кредитование и грантовая поддержка малого и среднего бизнеса, формирующие зависимость от поддержки ЕС социально активных групп (отраслей бизнеса) в целевых странах;

¹ European Commission (2020) Structured Consultation on the future of the Eastern Partnership. SWD(2020) 56 final/2. March 18. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jswd_structured_consultation_on_the_future_of_the_eastern_partnership.pdf (дата обращения: 14.04.2022)

² Проанализированы паспорта проектов ЕС по линии СМР, опубликованные на официальных сайтах делегаций ЕС в странах постсоветского пространства, а также содержащиеся в базе данных на официальном сайте ОЭСР за период 2013–2021 гг. Следует отметить, что данный анализ неполный, так как информация о существенной части финансируемых ЕС проектов не публикуется на официальных сайтах ЕС и не содержит описания в базах данных ОЭСР. Таким образом, можно вести речь лишь о тех проектных направлениях, которые ЕС считает целесообразным сделать публичными. См. подробнее: официальные сайты делегаций ЕС в постсоветских странах, а также база данных ОЭСР: Development finance data. Official OECD Web-site. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/> (дата обращения: 14.04.2022)

- стимулирование мобильности между ЕС и целевой страной (студенческие обмены, стажировки, учебные визиты чиновников, бизнеса, экспертов, ученых, журналистов) и научных исследований, открывающее доступ к человеческому капиталу и формированию научных приоритетов целевой страны;
- внедрение в работу государственных органов цифровых платформ, баз данных, реестров, основанных на западных стандартах и программном обеспечении;
- создание институтов общественного или смешанного (государственно-частного) контроля (в сфере борьбы с коррупцией, мониторинга реформ и реализации обязательств перед ЕС), позволяющих влиять на решения и повестку дня органов государственной власти;
- финансирование проектов отдельных НПО и медиа для активных социальных групп (молодежь, предприниматели, городские сообщества, протестные движения, экологи, велосипедисты и т.д.) и меньшинств с целью «выращивания» активных прозападных групп в обществе;
- организация медиакмпаний, экспертных мероприятий и информационных акций, посвященных выгодам сотрудничества целевой страны с Евросоюзом, пропаганде ценностей ЕС, адвокатию реформ, продвижению внешнеполитических подходов ЕС.

Наиболее широко данная инфраструктура представлена на Украине. Для сравнения в предыдущем финансовом периоде 2014–2020 гг. ЕС направил в страны Центральной Азии 454 млн евро¹, а на Украину – 2,2 млрд евро. Созданная в рамках программ СМР инфраструктура, обеспечивающая каналы влияния ЕС на целевые страны постсоветского пространства, активно используется ЕС в политических целях. Так, в 2014 гг. на Украине проевропейские организации играли активную роль в организации массовых протестов [Sharovalova & Bulyuk, 2018]. После 2014 г. Брюссель принял ряд институциональных решений о противодействии «российской дезинформации», в результате которых гуманитарная инфраструктура Евросоюза начала использоваться для борьбы с «российскими нарративами», а фактически – противодействия российским интересам в целевых странах.

Анализ бюджетных планов ЕС на 2021–2027 гг., планов Еврокомиссии и генеральных директоратов показывает, что задолго до начала спецоперации России на Украине Брюсселем были приняты решения о продвижении повестки внешней угрозы (прежде всего, «российской угрозы», но все чаще и «китайской») в содержательную часть основных гуманитарных программ Евросоюза, в том числе в сфере образования, мобильности, науки и культуры [Сутырин, 2021].

ЕС увязывает выделение помощи целевым странам с принятием ими на себя юридических и политических обязательств, в том числе открытием внутреннего рынка, реформами госуправления, внедрением европейских стандартов в энергетике и транспорте, продвижением прав человека в их европейском понимании, монополизацией и децентрализацией власти. СМР выделяется частями с ежегодной оценкой Евросоюзом выполнения взятых на себя страной-реципиентом обязательств.

¹ International Partnerships. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/international-partnerships/where-we-work/kazakhstan_en (дата обращения: 14.04.2022)

Несмотря на общий рост ассигнований СМР для участников программы «Восточное партнерство», ЕС минимизирует прямую бюджетную помощь правительствам стран региона. На их долю приходится лишь около 5% средств по этой глобальной статье СМР ЕС, тогда как страны Северной Африки получают в три раза больше [Сергеев, 2021]. Различие отражает геополитические приоритеты ЕС: на западе постсоветского пространства Брюссель, как правило, заинтересован в решении политических задач через гуманитарное влияние на общества вместо более выраженной в Северной Африке ориентации Брюсселя на создание структурных механизмов ограничения миграции.

В 2018 г. Счетная палата ЕС выпустила доклад, в котором указывалось, что часть средств, направляемых ЕС неправительственным организациям, расходуется бесконтрольно, а конечные бенефициары этой помощи неизвестны [European Court of Auditors, 2018]. Проверки ЕС выявляли хищения средств СМР на Украине и в Молдавии, в том числе перевод средств в офшоры¹. Тем не менее это не стало основанием для снижения объемов СМР, выделяемых Киеву. В докладе Счетной палаты ЕС, опубликованном в 2021 г., отмечается, что «подход ЕС недостаточно фокусировался на коррупции в высших эшелонах власти» (*grand corruption*) Украины. Авторы документа считают, что «ЕС помог сократить возможности коррупции» в стране, но ключевой проблемой является именно коррупция в высших эшелонах, а Комиссия и Европейская внешнеполитическая служба «не разработали и не внедрили специальной стратегии» для ее решения [European Court of Auditors, 2021: 4].

Открытым остается вопрос о случайности или закономерности отсутствия планомерной деятельности ЕС в данном направлении за долгие годы реализации программ на Украине. Так, А.В. Гуцин и А.С. Левченков пришли к обоснованному выводу, что отсутствие успехов в модернизации экономики и конфликты олигархических групп способствовали тому, что Украина следовала в фарватере западных партнеров [Гуцин, Левченков, 2019]. Исследователи выявили схожие тенденции и в отношении СМР ЕС на Балканском полуострове, где «помощь» стала формой ренты для местных властных групп, а доноры ЕС предпочитали закрывать глаза на коррупцию, преследуя свои внешнеполитические интересы [Bartlett, 2021].

Политика СМР остается одним из главных инструментов Евросоюза для экспансии норм регулирования и включения постсоветских стран в общий рынок на условиях ЕС. Широкое внедрение программ в сферах науки, образования, государственного регулирования и кадров усиливает конкурентоспособность европейского бизнеса, дает ЕС доступ к человеческим ресурсам и научным разработкам постсоветских стран, многие из которых основываются на советском наследии. Европейские чиновники при распределении помощи странам региона исходят из политических приоритетов и часто фактически готовы мириться с коррупцией на местах. Однако при отсутствии реальной перспективы членства в ЕС Брюсселю сложно обеспечить реализацию желаемых реформ в целевых странах, особенно когда эти реформы идут вразрез с интересами крупных местных элитных групп и сводятся к «декоративной европеизации».

¹ Gotev G. (2016). Auditors expose failures in EU assistance to Moldova. Euractiv, September 1.

Политика ЕС в сфере СМР в значительной мере обусловлена логикой политико-экономического развития самого Евросоюза – расширением общего рынка вокруг западноевропейского ядра, включением в общий рынок новых территорий и ресурсов. В академической сфере, как и в официальной риторике Евросоюза, часто встречается тезис, что интеграционный приоритет и поддержка ЕС адресованы странам, в большей степени готовым к сближению с Брюсселем, принятию европейских практик и стандартов [Уткин, 2018]. Как показал проведенный анализ, ЕС не всегда руководствуется этим принципом: инструменты СМР нередко используются с тем, чтобы создать общественный запрос и давление в пользу проеропейского курса в тех странах, которые входят в сферу геополитических интересов ЕС, «продать» соглашения, как было в случае Украины [Гаман-Голутвина и др., 2014]. Как справедливо отмечает О.П. Попова, значительная доля финансовых потоков СМР направлена в действительно нуждающиеся страны на периферии ЕС, но среди реальных мотивов превалирует стремление реализовать экономические, политические и геостратегические интересы ЕС и государств-членов Союза [Попова 2016]. При этом местные элиты охотно играют на геополитической мотивации ЕС в регионе, стремясь отвлечь внимание от коррупции и своих обязательств перед Брюсселем за счет педалирования «российской угрозы».

Выводы

С 2010 по 2020 гг. ЕС увеличил более чем в 4 раза финансирование программ СМР для стран постсоветского пространства, несмотря на хорошо известные Брюсселю проблемы «декоративной европеизации» и коррупционные факторы в странах-получателях помощи. Совокупные глобальные ассигнования ЕС по линии СМР выросли за этот период на четверть. При этом львиная доля финансирования на постсоветском пространстве приходится на его западную часть, относительная доля стран Центральной Азии значительно сократилась на фоне отсутствия у Брюсселя актуальной геополитической мотивировки. Напротив, столкнувшись с интересами России в Восточной Европе, Брюссель постарался задействовать весь комплекс своих инструментов с тем, чтобы наращивать влияние в геополитической конкуренции с Россией. Речь идет не только о «продавливании» соглашения об ассоциации и поддержке протестов на Украине, но также о росте финансирования проектов в западной части постсоветского пространства при фактическом отсутствии системных усилий ЕС по решению проблем «большой коррупции» в высших эшелонах власти стран-получателей помощи. Наибольший рост ассигнований ЕС наблюдался на Украине, ставшей к 2020 г. абсолютным мировым лидером по получению средств СМР Брюсселя, но также в Молдавии и Грузии (все три страны подписали соглашение об ассоциации с ЕС). Вместе с тем более чем в 8 раз за 10 лет возросло финансирование программ в Белоруссии, достигшее пика к 2020 г. (год президентских выборов), несмотря на отсутствие официального соглашения между Брюсселем и Минском. Подобные скачки в политике СМР ЕС, редко встречающиеся в работе Брюсселя в других регионах мира, на фоне поддержки протестов на Украине и в Белоруссии свидетельствуют об очевидном влиянии геополитической конъюнктуры на решения Брюсселя.

Политика ЕС в сфере СМР не ограничивается кредитами, грантами и гарантиями на займы, но включает тесно связанные с ними инструменты управления приоритетами общественно-политического развития целевых стран постсоветского пространства (проектное финансирование в сфере науки, образования, гражданского общества, поддержка конгломератов прозападных НПО и медиа). Тем самым ЕС стремится через контроль общественно-политической сферы включать постсоветские страны в собственную систему координат в вопросах целеполагания и идеологии. Точно измерить политическую эффективность такой помощи с точки зрения задач ЕС не всегда возможно. Тем не менее она ведет к формированию зависимых от финансирования Брюсселя групп (клиентел) в целевых странах, которые призваны продвигать европейскую повестку дня. Цели и инструменты политики ЕС в сфере СМР на постсоветском пространстве можно объяснить в терминах интересов и геополитики, не прибегая к ценностной надстройке. ЕС создал элегантную оболочку институтов влияния, в основе которых сохранились черты имперской политики: асимметричной модели отношений с целевыми странами, которые, несмотря на политику ЕС по дифференциации, так и не получили права обсуждать с Брюсселем базовые рамки и стратегические цели сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартев В.И. (2020) Европейские доноры в арабском мире: перераспределение ресурсов и ролей. *Современная Европа*. № 6. С. 76–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620207689>.
- Болгова И.В. (2019) «Восточное партнерство» после украинского кризиса: ценность стабильности или стабильные ценности? *Современная Европа*. № 7. С. 115–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>.
- Гаман-Голутвина О.В., Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. (2014) «Восточное партнерство»: борьба сценариев развития. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 20–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.03>.
- Громько Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*. № 4. С. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>.
- Гущин А.В., Левченков А.С. (2019) Западный фланг постсоветского пространства и программа «Восточное партнерство»: опыт и перспективы взаимодействия. *Современная Европа*. № 7. С. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>.
- Попова О.П. (2016) Германия и политика Европейского союза в сфере СМР. *Современная Европа*. № 1. С. 51–62. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120165162>.
- Сергеев Е.А. (2021) Официальная помощь развитию институтов Европейского союза. *Мировое и национальное хозяйство*. № 4.
- Сутырин В.В. (2021) Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы. *Современная Европа*. № 6. С. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729>.
- Уткин С.В. (2018) Помощь развитию на постсоветском пространстве как инструмент политики Европейского союза. *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-44-53>.
- Bartlett W. (2021) International assistance, donor interests, and state capture in the Western Balkans. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29, pp. 157–168.
- Cooper R. (2002) The new liberal imperialism. *Guardian*. April 7. URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1> (accesses: 30.03.2022)
- European Court of Auditors (2021). Reducing grand corruption in Ukraine: several EU initiatives, but still insufficient results. Special Report., Luxemburg.

European Court of Auditors (2018) Transparency of EU funds implemented by NGOs: more effort needed. Special Report. No 35. Luxembourg.

Forsberg T., Haukkala H. (2018) An Empire Without an Emperor? The EU and Its Eastern Neighbourhood. Policy Design in the European Union. pp. 253–275. DOI:10.1007/978-3-319-64849-1_11.

Kiratli O. (2021). Politicization of Aiding Others: The Impact of Migration on European Public Opinion of Development Aid. *JCMS Journal of Common Market Studies*. No 59. <https://doi.org/10.1111/jcms.13139>.

Turp-Balazs C. (2021) If the EU is serious about Belarus, it must invite Svetlana Tikhanovskaya to its Eastern Partnership summit. *Emergin Europe*. December 1.

Shapovalova N., Bulyuk O. (2018) “Veni, Vidi, ...Vici?” EU Performance and Two Faces of Conditionality towards Ukraine. *East European Politics*, Vol. 33. No 1, pp. 36–55.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe (2016) A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Strategy, June.

Youngs R., Zihnioglu Ö. (2021) EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. No 59, pp. 126–142. <https://doi.org/10.1111/jcms.13136>.

Zielonka J. (2008) Europe as a Global Actor: Empire by Example? *International Affairs*. No 84, pp. 471–484.

EU Policy in the Area of Official Development Assistance in the Post-Soviet Space: Geopolitical Factors

V.V. Sutyryn*

Candidate of Sciences (Politics)

Vice-Rector of State Academic University for Humanities

26, Maronovsky lane, Moscow, Russia, 119049

***E-mail:** vsutyryn@gaugn.ru

Abstract. The paper deals with structure, priorities, conceptual framework, methods and resources of EU policies in the area of Official Development Assistance (ODA). Research shows the EU funding of ODA programmes for Post-Soviet space hiked four-fold between 2010 and 2020. Central Asian states’ share of funding decreased substantially comparing to the Western part of Post-Soviet space against the background of confrontation with Russian as well as presidential elections in Belarus. The paper argues that this redistribution is caused by geopolitical factors of EU policy. A conclusion is drawn that the recent declarations of EU leadership about strengthening of “hard” power and “geopolitical” agenda are not new, but reflect long term trends in EU foreign policy. Thus, significant share of ODA funding is traditionally directed towards projects in the realm of “social infrastructure”, which strengthens Brussels’ control over socio-political sphere in target countries of periphery and aims to bring those countries into the sphere of EU influence, including in economy, governance, goal-setting and ideology. This policy serves interests of the EU, entrenching asymmetrical relations “metropole-periphery” between the EU and target countries.

Key words: European Union, EU, official development assistance, Post-Soviet space, Eastern Partnership, soft power, humanitarian influence.

DOI: 10.31857/S0201708322050011

EDN: glmaup

REFERENCES

Bartenev V.I. (2020) Evropejskie donory v arabskom mire: pereraspredelenie resursov i rolej [European Donors in the Arab World: Redistribution of Resources and Roles]. *Sovremennaya Evropa*. No 6, pp. 76–89. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620207689> (in Russian).

Bolgova I.V. (2019) «Vostochnoe partnerstvo» posle ukrainskogo krizisa: cennost' stabil'nosti ili stabil'nye cennosti? [“Eastern Partnership” after the Ukrainian Crisis: The Value of Stability or Stable Values?] *Sovremennaya Evropa*. No 7, pp. 115–123. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123> (in Russian).

Gaman-Golutvina O. V., Ponomareva E. G., Shishelina L. N. (2014) «Vostochnoe partnerstvo»: bor'ba scenarijev razvitija [EU's Eastern Partnership: rival development scenarios]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No 5, pp. 20–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.03> (in Russian).

Gromyko A.I.A. (2021) Sub'ektnost' Evrosojuza – mezhdru atlantizmom i evropocentrizmom. [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*. No 4, pp. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025> (in Russian).

Gushhin A.V., Levchenkov A.S. (2019) Zapadnyj flang postsovetskogo prostranstva i programma «Vostochnoe partnerstvo»: opyt i perspektivy vzaimodejstviya [The Western Flank of the Post-Soviet Space and the “Eastern Partnership”: Experience and Prospects of Cooperation]. *Sovremennaya Evropa*. No 7, pp. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019105114>. (in Russian).

Popova O.P. (2016) Germaniya i politika Evropejskogo sojuza v sfere SMR [Germany and the EU policy of international development assistance]. *Sovremennaya Evropa*. No 1, pp. 51–62. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120165162> (in Russian).

Sergeev E.A. (2021) Oficial'naja pomoshh' razvitiju institutov Evropejskogo sojuza [Official development Assistance of EU Institutos]. *Mirovye i nacional'noe hozjajstvo*. No 4 (in Russian).

Sutyryn V.V. (2021) Transformaciya publichnoj diplomatii ES: ot sodержatel'nogo krizisa k povestke vneshnej ugrozy [EU Public Diplomacy Transformation: From the Crisis of Narrative towards External Threat]. *Sovremennaya Evropa*. No 6, pp. 17–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620211729> (in Russian).

Utkin S.V. (2018) Pomoshh' razvitiju na postsovetskom prostranstve kak instrument politiki Evropejskogo sojuza [Development assistance as a tool of EU policy]. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No 8, pp. 44–53. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-8-44-53>.

Bartlett W. (2021) International assistance, donor interests, and state capture in the Western Balkans. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 29, pp. 157–168.

Cooper R. (2002) The new liberal imperialism. *Guardian*. April 7. URL: <https://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1> (accesses: 30.03.2022)

European Court of Auditors (2021). Reducing grand corruption in Ukraine: several EU initiatives, but still insufficient results. Special Report., Luxemburg.

European Court of Auditors (2018). Transparency of EU funds implemented by NGOs: more effort needed. Special Report. No 35. Luxemburg.

Forsberg T., Haukkala H. (2018) An Empire Without an Emperor? The EU and Its Eastern Neighbourhood. *Policy Design in the European Union*, pp. 253–275. DOI:10.1007/978-3-319-64849-1_11.

Kiratli O. (2021). Politicization of Aiding Others: The Impact of Migration on European Public Opinion of Development Aid. *JCMS Journal of Common Market Studies*. No 59. <https://doi.org/10.1111/jcms.13139>.

Turp-Balazs C. (2021) If the EU is serious about Belarus, it must invite Svetlana Tikhonovskaya to its Eastern Partnership summit. *Emergin Europe*. December 1.

Shapovalova N., Bulyuk O. (2018) “Veni, Vidi, ...Vici?” EU Performance and Two Faces of Conditionality towards Ukraine. *East European Politics*, Vol. 33. No 1, pp. 36–55.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe (2016) A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Strategy, June.

Youngs R., Zihnioglu Ö. (2021) EU Aid Policy in the Middle East and North Africa: Politicization and its Limits. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. No 59, pp. 126–142. <https://doi.org/10.1111/jcms.13136>.

Zielonka J. (2008) Europe as a Global Actor: Empire by Example? *International Affairs*. No 84, pp. 471–484.

УДК 327.7

ДИАЛЕКТИКА ЭТИКИ И ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОПЫТ ЕС

© 2022 **МАСЛОВА Елена Сергеевна***

Кандидат политических наук, доцент

Кафедра интеграционных процессов, ИМИ МГИМО МИД России

119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований, Институт Европы РАН

125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

***E-mail:** *e.maslova@inno.mgimo.ru*

© 2022 **СОРОКОВА Екатерина Дмитриевна****

Аспирант МГИМО МИД России

119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

****E-mail:** *sorokova.e.d@my.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2022

После доработки 26.05.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Европейский союз намерен стать лидером по разработке систем искусственного интеллекта (ИИ). Внедрение технологий ИИ обладает трансформирующим потенциалом и представляет собой вызов – не только в глобальном смысле, но и для евробюрократии, перед которой встает дилемма регулирования ИИ. Суть этой дилеммы состоит в том, чтобы, не сдерживая технический прогресс, построить модель управления, минимизирующую неопределенность и риски катастрофических последствий для государства, общества и человека. В статье представлены этический и правовой подходы ЕС к регулированию ИИ. Проанализированы основные этические принципы ЕС в сфере ИИ и их эволюция; представлен анализ нормативно-правового регулирования ИИ через теорию сложных систем и многоуровневого управления. Сделан вывод, что сегодня ЕС отдает приоритет «доверенному ИИ», однако в последнее время наблюдается постепенный переход от «мягких» форм регулирования к более обязывающим. При этом руководящая роль в этих процессах сохраняется за Еврокомиссией.

Ключевые слова: этика международных отношений, этика искусственного интеллекта, искусственный интеллект, ИИ, Европейский союз, сложные системы.

DOI: 10.31857/S0201708322050023

EDN: glofsa

Профессор Гарвардского университета С. Хоффманн писал, что наличие правил преобразует международную среду «из состояния джунглей в состояние международного общества» [Hoffmann, 1981]. Однако «джунглификация» международных отношений в той или иной степени неизбежна – не только из-за нарушения уже принятых норм, но и из-за изменения самой среды. Развитие новых технологий, в частности, технологии искусственного интеллекта (ИИ) ставит мировое сообщество перед новым вызовом. Возникают озабоченности в сфере безопасности, прежде всего, военной и инфраструктурной, связанной с недружественным применением ИИ и его непредсказуемыми последствиями. Одновременно происходит рост внимания к социально-гуманитарным проблемам, связанным с воздействием ИИ на индивида и общество. Уже запущенная цифровая трансформация на основе ИИ начинает восприниматься как глобальный вызов. Это подтверждают ежегодные доклады Всемирного экономического форума, где начиная с 2015 г. отдельное внимание уделяется рискам, связанным с новейшими технологиями и ИИ¹.

Основным вопросом и задачей для мирового сообщества становится регулирование применения ИИ в различных сферах, где инструментами выступают правовые и моральные нормы. Несмотря на всю неоднозначность регулирующей роли права и морали в международных отношениях и мировой политике, мир не знает других инструментов [Цыганков, 2003: 349]. Так, с одной стороны, происходит усиление роли этических факторов при возрастающем уровне правового сознания, с другой – их несоблюдение («джунглификация»).

Диалектика права и этики состоит в том, что оба представляют *правила поведения*, «приобретающие роль юридического или нравственного долга и ответственности за его нарушение, отражающие существующий уровень развития международной системы, человеческой цивилизации в целом» [Цыганков, 2003: 373]. При этом нормы формируют не просто принципы поведения, но и конструируют предпочтения, идеалы, идентичность (конститутивная функция [Истомин, 2021: 88]). В конечном итоге распространение общих норм способствует укреплению стабильности международной системы (во многом за счет предсказуемости).

Поиск модели регулирования ИИ: к постановке проблемы

Вопрос законодательного регулирования в сфере ИИ крайне актуален для стран, активно занимающихся разработками этих технологий. В условиях нормативного

¹ Global Risks (2015) 10th Edition. World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_2015_Report15.pdf (дата обращения: 17.05.2022)

вакуума интенсивное качественное развитие, внедрение во все сферы жизни общества и реализация трансформирующего потенциала ИИ могут радикально усложнить ландшафт технологических рисков современности.

Еще ни в одной стране ЕС не принят всеобъемлющий закон, охватывающий общие принципы проектирования, производства и эксплуатации систем ИИ. В большинстве случаев на технологии ИИ распространяются положения нормативных актов из смежных сфер (например, правила обработки и защиты данных; прав человека/потребителя/на частную жизнь; правила разработки, тестирования и использования автономных транспортных систем). В странах, активно развивающих ИИ (например, во Франции, Германии), параллельно действуют инструменты «мягкого» регулирования – кодексы этики, кодексы поведения, руководства, «белые книги» и иные документы, содержащие руководящие принципы и рекомендации для разработчиков систем ИИ. Помимо государства, крупные мировые компании в сфере ИИ также создают собственные принципы ответственности (*Microsoft, Google AI*). По данным исследования из Обсерватории ИИ ОЭСР, в 2006–2019 гг. на территории Европы появилось 70 документов «мягкого права», касающихся ИИ, причем в подсчете учтены только документы, выпущенные институтами ЕС, Советом Европы, НКО и другими акторами, без учета инициатив отдельных стран. Наиболее популярны такие форматы документов, как рекомендации и стратегии (более 54%), принципы (почти 25%) и стандарты (9%) [Gutierrez and Marchant, 2021].

В условиях стремительного развития самой технологии *in se* задача законодателей становится нетривиальной: *не сдерживая технический прогресс, построить модель управления, минимизирующую неопределенность и риски катастрофических последствий для государства, общества и человека*. Она дополнительно осложняется тем, что предложения о введении законодательного и даже этического регулирования встречают сопротивление со стороны разработчиков и некоторых экспертов, которые видят в этом ограничения для развития.

Эффективная модель регулирования ИИ и взаимодействия различных акторов должна учитывать нелинейные процессы развития ИИ-технологий и связанных с их внедрением изменений в экономической, социальной и политической сферах. Наиболее полно учесть все эти факторы при анализе как самих процессов, так и политики их регулирования, позволяет современная *теория сложных систем* [Истомин, Дегтярев, 2015; Cairney, 2012].

ЕС намерен стать лидером по разработке систем ИИ, что является одним из заявленных направлений деятельности ЕС в развитии ИИ-технологий. Европейский подход направлен на обеспечение того, чтобы развитие ИИ было основано на «правилах, предоставляющих гарантии безопасности для функционирования рынков и государственного сектора, безопасность и основные права людей»¹. Таким образом, ЕС сталкивается с вызовом регулирования технологии ИИ, где в основании подхо-

¹ A European approach to artificial intelligence (2022). European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 17.05.2022)

да лежит вопрос взаимодополняемости этического и правового подходов. Целью статьи является комплексный анализ регулирования сложных систем ИИ ЕС через призму этих двух подходов.

В отечественной научной литературе вопросы регулирования ИИ рассматривали такие эксперты, как А.В. Незнамов [Незнамов, 2019], М.В. Федоров, Ю.Д. Цветков [Федоров, Цветков, 2020], А.В. Абрамова, А.А. Кулешов [Kuleshov A. et al., 2020]. В аналитическом докладе «Этика и цифра: от проблем к решениям» международному и национальному этическому регулированию ИИ посвящена отдельная глава [Доверенный..., 2021]. Политика ЕС в области ИИ, неоднозначное отношение Брюсселя к феномену ИИ и дискуссии о степени его регулирования стали темой исследования О.Ю. Потемкиной [Потемкина, 2019]. Кроме того, тема вызовов и рисков, требующих регулирования ИИ, освещается в связи с проблематикой безопасности. Например, Д.Ю. Базаркина исследует влияние ИИ на информационно-психологическую безопасность [Базаркина, Пашенцев, 2019], а также подходы ЕС к отражению гибридных угроз [Базаркина, 2021].

Этические принципы ИИ: «кодифицировать нельзя зарегулировать»

Разработка этических принципов ИИ изначально позиционировалась в стратегических документах ЕС как один из приоритетов. Так, в Сообщении Еврокомиссии (ЕК) «Об искусственном интеллекте для Европы» (2018) было обозначено первое официальное определение ИИ и три основных направления его развития: 1) экономическое (увеличение технологического и производственного потенциала ЕС и рост потребления ИИ в экономике); 2) социальное (подготовка к общественным и экономическим изменениям, вызываемыми ИИ); 3) нормативное (обеспечение этической и законодательной базы). Под ИИ подразумеваются системы, демонстрирующие разумное поведение, способные анализировать окружающую среду и совершать действия с некоторой долей автономии для достижения определенных целей¹, а также программное обеспечение, способное к логическому рассуждению, накоплению знаний, разумному планированию, обучению, коммуникации, восприятию и манипулированию объектами². Подразумевается, что ИИ может действовать как исключительно в виртуальном мире (голосовые помощники; поисковики; приложения с функцией распознавания лиц и речи), так и как часть устройства (сложная робототехника; автономно управляемые машины; дроны; «Интернет вещей»).

Нормативное направление предусматривало разработку Руководства по этике в сфере ИИ, в котором планировалось охватить несколько основных тем: будущее

¹ Communication from the Commission. Artificial Intelligence for Europe (2018). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52018DC0237&from=EN> (дата обращения: 17.05.2022) p. 1.

² Commission Staff Working Document ‘Liability for emerging digital technologies’ (2018). European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/european-commission-staff-working-document-liability-emerging-digital-technologies> (дата обращения: 17.05.2022) p. 23.

сферы труда; справедливость; безопасность; общественная интеграция; прозрачность; влияние ИИ на демократические принципы и применение Хартии основных прав человека, в т.ч. права на защиту частной жизни и достоинства, персональных данных, прав потребителей, а также принцип недискриминации. В Сообщении также отмечалось намерение ЕК следить за развитием регуляторики в сфере этики ИИ и при необходимости обновлять существующие правовые нормы для адаптации их к новым вызовам и обеспечения соблюдения базовых ценностей и фундаментальных прав ЕС¹.

Реализация Европейской стратегии по ИИ была возложена на *AI HLEG* – Экспертную группу высокого уровня по ИИ (далее – ЭГВУ), состоящую из 52 экспертов – представителей компаний, научного сообщества и гражданского общества. В задачи Группы входила разработка рекомендаций для ЕК по работе с возможностями и вызовами ИИ в средне- и долгосрочной перспективе, которые легли бы в основу разработки политики, процесса оценки законодательства и создания цифровой стратегии нового поколения, а также создание Руководства по этике в сфере ИИ, проекта политической и инвестиционной стратегии по ИИ и работа с участниками Европейского Альянса по ИИ (площадки для диалога с гражданским обществом). Помимо Альянса, ЭГВУ работала над Рекомендациями проходила совместно с Европейской группой по этике науки и новых технологий, подготовившей доклад по робототехнике и «автономным» системам (2018)², и Группой высокого уровня в рамках инициативы по цифровизации европейской промышленности, на которую возложена координация работы с представителями стран-членов ЕС³.

Этическое руководство изначально позиционировалось не как список общих политических рекомендаций, а как набор практически применимых принципов, применимых в различных ситуациях и затрагивающих основные сферы, в которых необходимо определить этические ориентиры или провести дополнительные исследования. Предполагалось, что Руководство станет документом «мягкого права», и организации будут добровольно брать на себя обязательства по соблюдению правил, прописанных в Руководящих принципах.

Окончательная версия Руководящих принципов [Ethics Guidelines..., 2019] по этике для надежного («доверенного») ИИ была опубликована в апреле 2019 г. и состояла из трех частей. В первой обозначены основные этические принципы и ценности, которые необходимо соблюдать при развитии, использовании и внедрении технологий ИИ: уважение автономии человека, предотвращение вреда, справедливость и объяснимость. Подчеркивается необходимость особого внимания к уязви-

¹ Communication from the Commission. Artificial Intelligence for Europe (2018). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52018DC0237&from=EN> (дата обращения: 17.05.2022) p. 1.

² Ethics Guidelines for Trustworthy AI (2019). High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. 40 p. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d3988569-0434-11ea-8c1f-01aa75ed71a1> (дата обращения: 17.05.2022)

³ Concept Note. The High-Level Expert Group on Artificial Intelligence (2018). URL: <https://futurium.ec.europa.eu/en/european-ai-alliance/open-library/concept-note-ai-hleg?language=en> (дата обращения: 17.05.2022)

мым группам и ситуациям, в которых возникает асимметрия властных полномочий (между работодателями и сотрудниками, предпринимателями и потребителями). Присоединяющиеся к Рекомендациям акторы признают, что помимо значимой пользы обществу и человеку, системы ИИ могут представлять риск и оказывать негативное воздействие, в т.ч. на демократию, верховенство права, правосудие и собственно человеческий интеллект, – в связи с этим принимают соответствующие меры для снижения риска.

Во второй части приведены *семь требований к «доверенному» ИИ*: 1) акторность и контроль человека; 2) техническая надежность и безопасность; 3) защита частной жизни и управление данными; 4) прозрачность; 5) разнообразие, недискриминация и справедливость; 6) благосостояние окружающей среды и общества; 7) подотчетность.

В третьей части Рекомендаций предпринята попытка операционализировать этические требования и подчеркнуть необходимость дальнейшей работы над их улучшением и адаптацией к различным системам ИИ. Работа по методологическому обеспечению реализации этических принципов продолжилась: еще год заняло создание методики оценки надежности ИИ (*ALTAI*), ее тестирование и публикация доработанного варианта.

В апреле 2020 г. ЕК выпустила Белую книгу [White Paper..., 2020], где, среди прочего, были обозначены направления совершенствования законодательства в сфере ИИ и представлен *риск-ориентированный подход*, в котором степень риска предлагалось оценивать, ориентируясь и на сектор, и на предполагаемое использование самой системы. В ходе общественных консультаций представленный подход подвергся серьезной критике как со стороны НКО, указавших на недостаточное внимание к проблеме защиты прав человека и узость секторального подхода, так и со стороны 14 государств, опасавшихся отнесения чрезмерного количества ИИ-технологий к классу высокорисковых¹.

В 2021 г. ЕК представила новый пакет документов: Сообщение о поддержке европейского подхода к ИИ, Обновленный скоординированный со странами-участницами ЕС план по развитию ИИ и законопроект – Регламент о гармонизации правил, применяемых к системам ИИ. Основные приоритеты и направления деятельности остались неизменными: создание благоприятных условий для внедрения и развития ИИ; развитие передовых технологий ИИ в ЕС от лабораторий до выхода на рынок; обеспечение того, чтобы ИИ стал силой, работающей на благо людей и общества; а также формирование стратегического лидерства в секторах с высокой отдачей².

¹ Europe's Approach to Artificial Intelligence: How AI Strategy is Evolving. Access Now, 2020. URL: <https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2020/12/Europes-approach-to-AI-strategy-is-evolving.pdf> (дата обращения: 17.05.2022), p. 24.

² A European approach to artificial intelligence (2022). European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (дата обращения: 17.05.2022)

Таким образом, вектор развития ИИ в ЕС остался принципиально неизменным, но именно в 2021 г. регулирование ИИ в ЕС вышло на новый уровень. Примечательно, что роль мер саморегулирования учтена при разработке нормативно-правового регулирования, создание которого стало закономерным продолжением политики по установлению «правил игры».

Регламент о гармонизации правил, применяемых к системам ИИ, через призму теории сложных систем

В апреле 2021 г. ЕК представила первый комплексный законопроект – Регламент о гармонизации правил, применяемых к системам ИИ [Proposal for a Regulation..., 2021] (далее – Регламент), предполагающий применение более жестких форм контроля к высокорисковым системам ИИ и более гибких инструментов регулирования для систем, не связанных с высоким риском.

Профессор Абердинского университета П. Кэйрни, применивший теорию сложности для анализа публичной политики и процессов управления, выделяет шесть основных характеристик сложных систем [Cairney, 2012]. Опираясь на выделенные им основные характеристики сложных систем, рассмотрим предлагаемую в законопроекте риск-ориентированную модель регулирования и систему взаимодействия различных акторов.

1) Основное внимание при изучении сложных систем уделено *динамике процессов и взаимодействий как внутри системы, так и между системой и внешней средой*. При этом анализ системы не сводится к анализу свойств ее элементов. Данное положение применимо и к системе регулирования ИИ, где на процесс оказывает влияние множество сил, а акторы нередко выступают в различных ролях, вынуждены быстро адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и опираться не на единственную стратегию. Например, государство занимается не только нормотворчеством, но и контролем, одновременно выступает как инвестор, двигатель цифровизации, пользователь ИИ-технологий и т.д.

В случае ЕС основную часть этих функций берет на себя ЕК, но значительные полномочия по имплементации, уточнению и контролю возлагаются на государства-члены ЕС. Положения Регламента распространяются и на институты, агентства и иные структуры ЕС, действующие в качестве провайдеров или пользователей систем ИИ. При этом и объектом, и субъектом регулирования выступают разработчики ИИ-технологий, бизнес, индивиды, гражданское общество, НКО. Отдельно в контексте отношений системы с внешней средой отметим заложенный в Регламенте *принцип экстерриториальности*: системы ИИ подпадают под действие законопроекта, даже если они не имеют непосредственного доступа на рынок товаров и услуг ЕС и используются не на территории ЕС. То есть, например, если европейская компания заключает контракт с игроком из третьей страны, не входящей в ЕС, и оказываемые по договору услуги предполагают использование высокорисковых систем и каким-либо образом затрагивают граждан ЕС, то (в текущей редакции документа) на игрока из третьей страны также распространяются нормы Регламен-

та. Таким образом, в системе, изложенной в проекте Регламента, в той или иной степени затронуты все основные группы акторов ИИ.

2) *Нелинейный характер процессов* – повышает непредсказуемость последствий внутренних и внешних воздействий на систему и ее элементы. Масштабы причин и вызываемых ими следствий могут быть непропорциональны.

Данная характеристика также отражена в проекте Регламента. Примечательно, что законодатели и специалисты, занимающиеся проблематикой этичного использования ИИ, уже сейчас задумываются о масштабности возможных последствий и кумулятивного эффекта от неявного влияния систем ИИ на человека, и от множества нерегулируемых воздействий в особо чувствительных сферах. Высокорисковыми считаются системы, затрагивающие здоровье, безопасность и основные права человека. Среди них – используемые в критической инфраструктуре, образовании или профессиональном обучении, оказании частных и государственных услуг, при решении вопросов миграции, предоставления убежища и пр. Особенно вредоносными названы практики использования ИИ в целях манипуляций, эксплуатации и социального контроля.

В ст. 5 предлагается запретить, как противоречащие ценностям ЕС, системы ИИ, нацеленные на: а) искажение поведения человека, при котором возможно нанесение физического и психологического вреда (в т.ч. воздействия на подсознание, не воспринимаемые человеком или эксплуатирующие уязвимости детей или других людей в связи с их возрастом, физической или ментальной недостаточностью); б) создание социального скоринга¹; в) биометрическую идентификацию людей в режиме реального времени (с определенными оговорками, связанными с правоохранительной и антитеррористической деятельностью).

3) *Восприимчивость к изначальным условиям*, что повышает вероятность возникновения зависимости от изначального пути развития.

Фактически это замечание П. Кейрни характеризует современный этап развития регулирования, предшествующий массовому распространению ИИ-технологий. Перед законодателями открывается возможность заранее выстроить и закрепить систему оценки и минимизации рисков, связанных с развитием и использованием ИИ. Дифференцированный подход к ИИ-технологиям – возможность задать вектор развития, обозначив приоритеты в сфере безопасности, и избежать, с одной стороны, ограничения технического прогресса, с другой – пагубных последствий бесконтрольного внедрения и расходов на ликвидацию таких последствий. Последнее актуально как для государства, ответственного за благополучие граждан, так и для компаний, которые не только понесут репутационные издержки, но и потратят средства на прохождение комплаенс-процедур.

Однако различные акторы рассматривают подобную зависимость от условий законодательного регулирования на ранних этапах развития ИИ не только как преимущество, но и как недостаток. В докладе «Сколько будет стоить Европе Акт об ИИ?» проект Регламента оценивается «как самый рестриктивный в мире инстру-

¹ Система социального рейтинга, предполагающая автоматизированную оценку действий граждан по определенным параметрам и формирование рейтинга.

мент регулирования ИИ», который «не только ограничит развитие и использование ИИ в Европе, но и возложит значительные расходы на бизнес и потребителей в Евросоюзе» [Mueller, 2021]. По расчетам авторов, вступление Регламента в силу к 2025 г. приведет к снижению инвестиций в сферу ИИ на 31 млрд евро, обернется повышением расходов для европейского бизнеса, снизит темпы цифровой трансформации и подорвет конкурентоспособность экономики ЕС. Похожие опасения в 2020 г. высказывали США и корпорация «Google», призывая ЕС отказаться от введения чрезмерного контроля над ИИ, поскольку такой путь в долгосрочной перспективе мог бы дать конкурентные преимущества странам с менее строгими законодательными режимами [Burns, Bradley, Powell, 2021].

4) *Самоорганизация, формирование в системе упорядоченных структур без целенаправленного воздействия со стороны внешних факторов или центра системы.*

Как было отмечено ранее, процесс создания этических норм в форме принципов, кодексов и иных документов мягкого права в европейском регионе активно начался в 2017 г. ЕК, в свою очередь, уловила тенденцию и придала ей ускорение, сделав одним из приоритетов цифровой политики ЕС. Таким образом, процесс формирования общеевропейского подхода начал идти параллельно с развитием саморегулирования, т.е. продолжающимися процессами самоорганизации.

При разработке Регламента роли саморегулирования было уделено отдельное внимание. В пояснительной записке приводятся четыре варианта, рассмотренные в процессе законотворчества: 1) введение добровольной системы маркировки; 2) секторальный *ad hoc* подход; 3) риск-ориентированный подход; 3+) риск-ориентированный подход, дополненный «кодексами поведения» для систем ИИ, не представляющих высокий риск; 4) обязательные требования для всех систем ИИ вне зависимости от представляемого ими риска. Особое внимание уделено кодексам поведения, т.е. создаваемым на уровне отдельных корпораций этическим нормам. Отметим большую гибкость такого подхода по сравнению, например, с четвертым вариантом, предполагающим введение обязательных требований для всех систем ИИ, а также большую строгость и комплексность по сравнению с первой опцией – введением процедуры добровольной маркировки продукции, и вторым вариантом – секторальным подходом.

5) *Динамичность и неравновесность, способность переходить от длительного состояния равновесия к резким изменениям.*

Средне- и долгосрочные эффекты от масштабного и интенсивного внедрения ИИ-технологий во все сферы жизни общества до сих пор подробно не изучены. Законодатели ЕС отдельно отметили в пояснительной записке, что при оценке различных вариантов регулирования систем ИИ учитывались возможные социально-экономические последствия и контексты каждого из них. ЕС также уделяет внимание научным исследованиям в области ИИ, в том числе для того, чтобы составить обоснованные прогнозы возможных изменений в смежных сферах.

6) *Междисциплинарность* объяснительных подходов теории сложных систем. Ее часто привлекают для объяснения социальных, политических и иных процессов, в исследованиях международных отношений. Однако П. Кейрни [Cairney, 2012] отмечает, что даже самые сложные исследования, использующие математические

методы моделирования, часто получают от практиков упреки за абстрактность и некоторую очевидность рекомендаций: «сделать модель управления более гибкой и адаптивной», «разработать новый инструментарий», «более комплексно рассматривать контексты» и т.д. В связи с этим необходимо дополнить анализ представленной в Регламенте модели, основываясь на теории многоуровневого управления.

Взаимодействие акторов ИИ: попытка выстраивания многоуровневой системы

Оценить предлагаемую в Регламенте модель можно с использованием теории, применяемой для рассмотрения взаимодействия институтов ЕС, а в последние годы и для формирования его цифровой политики. Это *теория многоуровневого управления*. Она позволяет перевести разговор об адаптивности системы в более практическую плоскость, не отрицая динамического характера взаимодействия системы и ее элементов как между собой, так и с внешней средой, и встроить разговор о регулировании ИИ в более широкий контекст политики ЕС в отношении цифровых технологий.

Цифровая политика ЕС через призму теории многоуровневого и экспериментального управления является объектом исследования М. Маркут. Экспериментальное управление возникает в условиях неясности целей и предполагает, что эти цели вырабатываются совместно в процессе переговоров между институтами или несколькими акторами, которые выступают как несколько отдельных центров принятия решений. Поскольку акторы не состоят в иерархической связи друг с другом, для разрешения противоречий задействуются неформальные механизмы. Такая система функционирует только при надлежащем взаимодействии наднационального и национального уровней [Marcut, 2020]. В этом смысле показательна проанализированная выше многоступенчатая разработка этических норм для ИИ.

Теория многоуровневого управления, в свою очередь, предполагает привлечение большего количества акторов к процессу управления для достижения лучших результатов. В ней большее внимание уделяется наднациональным институтам, которые не агрегируют предпочтения государств, а выступают независимой структурой, вырабатывающей и направляющей политику. М. Маркут отмечает, что в определении цифровой политики руководящая и координирующая роль все еще принадлежит Еврокомиссии, хотя в последнее время просматривается тенденция к большей демократизации. В частности, в вопросе регулирования ИИ учитывалось мнение Европарламента.

Обратимся к предлагаемой модели взаимодействия основных акторов ИИ. Ряд полномочий в текущей редакции документа делегируется на национальный уровень, когда государства смогут применять нормы с учетом своего законодательства, а контроль за соблюдением Регламента будут осуществлять национальные компетентные органы.

Предполагается, что координирующим органом станет новая структура – Европейский совет по ИИ, основные функции которого – обеспечение эффективного сотрудничества национальных регуляторов и Еврокомиссии, а также помощь и ре-

комендации для наднациональных органов. Совет сможет приглашать на заседания внешних экспертов и наблюдателей, взаимодействовать с заинтересованными игроками и в должной мере сообщать о своих действиях. При этом ЕК сохранит влияние на Совет, председательствуя в нем.

Отдельное место в системе взаимодействия отводится механизмам саморегулирования: согласно Регламенту, страны ЕС и Еврокомиссия будут поощрять разработку и применение кодексов поведения, авторами которых смогут выступить индивидуальные поставщики услуг и организации, выражающие их интересы. Таким образом, в Регламенте выстроена многоуровневая система взаимодействия, где направляющей и руководящей силой остается ЕК.

В регулировании ИИ в Евросоюзе просматриваются две тенденции: во-первых, тяготение к научному обеспечению разработки программных документов, политики и норм регулирования в области ИИ; во-вторых – постепенный переход от мягких форм регулирования к более обязывающим.

Выводы

ЕС стоит перед серьезным вызовом регулирования быстроразвивающейся технологии ИИ, намереваясь применять ее в самых широких сферах. ЕС приходится сочетать выполнение двух задач: регулирование ИИ и стимулирование развития самой технологии. Сейчас можно выделить два основных вектора деятельности ЕС в сфере регулирования ИИ: этический («мягкий») и нормативно-правовой («жесткий»).

Подход ЕС к технологиям ИИ можно охарактеризовать как комплексный. В документах обоснована необходимость широкомасштабного внедрения ИИ, подчеркнуты его мощный инновационный импульс и экономический потенциал. Одновременно обозначены глобальные вызовы и риски, связанные с качественными изменениями в экономической и в социо-гуманитарной сфере в результате интенсивного внедрения ИИ, а также необходимость минимизации возможных пагубных воздействий ИИ в средне- и долгосрочной перспективе и сохранения траектории его развития.

На фоне очевидного отставания нормативно-правовых норм от динамично изменяющихся реалий, с одной стороны, и опасений зарегулировать и затормозить развитие столь инновационной сферы как ИИ, с другой, в европейских странах, начиная с 2017 г., проявляется тенденция к самоорганизации.

ЕС делает ставку на развитие концепции «доверенного ИИ», которая предполагает соответствие систем ИИ семи этическим требованиям: сохранение акторности и контроля человека; техническая надежность и безопасность; защита частной жизни и управление данными; прозрачность; разнообразие, недискриминация и справедливость; благосостояние окружающей среды и общества и подотчетность. Эти требования были зафиксированы в документе мягкого права – Руководящих принципах по этике для «доверенного» ИИ (2019).

В 2021 г. ЕК представила первый проект всеобъемлющего законодательного документа в сфере ИИ – Регламента о гармонизации правил, применяемых к систе-

мам ИИ. Документ выстраивает многоуровневую систему взаимодействий акторов ИИ при сохранении направляющей и руководящей роли Еврокомиссии. Реальный эффект документа в случае его принятия проявится не сразу, и многое будет зависеть от воплощения его норм на практике. Однако стоит отметить, что более простые решения, которые были удобнее с точки зрения контроля (введение обязательных требований ко всем системам ИИ), или же, напротив, перекладывали больше обязанностей на участников рынка (введение добровольной сертификации), были отвергнуты в процессе работы над законопроектом и общественных консультаций. Это – наряду с тенденцией к постоянному вовлечению экспертов в разработку политических рекомендаций, инструментов, методик оценки систем ИИ и дифференциации требований и подходов к различным группам акторов и систем ИИ – говорит о том, что законодатели в ЕС пришли к пониманию технологической политики в отношении ИИ как сложной системы.

Развитие компетенций ЕС и потенциальное лидерство в этой сфере, в том числе в регулировании ИИ, укрепляет глобальную роль ЕС как актора. В этой конфигурации ЕС стремится занять позицию разработчика правил (*rule-maker*), вырабатывая нормы поведения.

Право имеет четко ограниченную сферу применения, в то время как мораль подобных ограничений, национальных границ применения, не имеет. Приверженность этической парадигме регулирования повышает вес ЕС на международной арене, делая этику регулирования ИИ одним из компонентов нормативной силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаркина Д.Ю. (2021) Эволюция подходов к противодействию гибридным угрозам в стратегическом планировании Европейского союза. *Современная Европа*, № 6. С. 133–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021133143>

Доверенный искусственный интеллект: концепция и документы. *Этика и «цифра»: от проблем к решениям* (2021) Под ред. Е.Г. Потаповой, М.С. Шклярчук. РАНХиГС, Москва. С. 90–122.

Истомин И.А. (2021) *Логика поведения государств в международной политике*. Аспект Пресс, Москва. 88 с.

Истомин И.А., Дегтярев Д.А. (2015) Системное моделирование международных отношений *Мировая экономика и международные отношения*, № 11. С. 17–30.

Незнамов А.В. (2019) Правовые аспекты реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года. *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*, № 12. С. 82–88.

Потёмкина О.Ю. (2019) Лучше, чем люди? Политика ЕС в области искусственного интеллекта. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 5. С. 16–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520191621>

Федоров М.В., Цветков Ю.Д. (2020) Этика искусственного интеллекта в деятельности ЮНЕСКО. *РСМД*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/> (дата обращения: 17.05.2022)

Цыганков П.А. (2003) *Теория международных отношений*. Гардарики, Москва. 590 с.

Bazarkina D, Pashentsev E. (2019) Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security. *Russia in Global Affairs*, 1.

Burns S., Bradley J., Powell M. (2021) *A robust approach? EU proposes framework for mandatory regulation of AI*. Lexology.com. URL: [https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d85fe0cd-6f91-44a4-82d5-a5d5217a6668#:~:text=Questions%3F-](https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d85fe0cd-6f91-44a4-82d5-a5d5217a6668#:~:text=Questions%3F-,A%20robust%20approach%3F,for%20mandatory%20regulation%20of%20AI&text=On%2021%20April%202021%2C%20the,legal%20framework%20for%20AI%20globally)

,A%20robust%20approach%3F,for%20mandatory%20regulation%20of%20AI&text=On%2021%20April%202021%2C%20the,legal%20framework%20for%20AI%20globally (дата обращения: 17.05.2022)

Cairney P. (2012) Complexity Theory in Political Science and Public Policy. *Political Studies Review*. Vol. 10, pp. 346–358.

Ethics Guidelines for Trustworthy AI (2019). *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 17.05.2022)

Gutierrez C.I. and Marchant G.E. (2021) A Global Perspective of Soft Law Programs for the Governance of Artificial Intelligence. *SSRN*. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3855171>.

Hoffmann S. (1981) *Duties Beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics*. N.Y. 46 p.

Kuleshov A., Ignatiev A., Abramova A., Marshalko G. (2020) Addressing AI Ethics Through Codification. *Proceedings of the 2020 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT)*. 24-26 June 2020. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9140627> (дата обращения: 17.05.2022)

Marcut M. (2020) *The Governance of Digital Policies. Towards a New Competence in the European Union*. Palgrave Macmillan. 136 p.

Mueller B. (2021) How Much Will the Artificial Intelligence Act Cost Europe? *Center for Data Innovation*, 16 p. URL: <https://www2.datainnovation.org/2021-aia-costs.pdf> (дата обращения: 17.05.2022)

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts (2021). *European Commission*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (дата обращения: 17.05.2022)

White Paper on Artificial Intelligence. A European Approach to Excellence and Trust (2020). *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 17.05.2022)

The Dialectics of Ethics and Law in the Regulation of Artificial Intelligence: Case of the EU

E.S. Maslova*

Candidate of Sciences (Politics)

Associate Professor and Senior Research Fellow at MGIMO University

76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454

Senior Research Fellow at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 11-3

Mokhovaya, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** e.maslova@inno.mgimo.ru

E.D. Sorokova**

PhD Student, MGIMO University

76, Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119454

****E-mail:** sorokova.e.d@my.mgimo.ru

Abstract. The European Union is determined to achieve leading positions in the development of artificial intelligence (AI) systems, which constitutes a whole direction of its activities in this sphere. At the same time, the introduction of AI technologies has an outstanding transformative potential, which poses a challenge not only for global development, but also for the European bureaucracy that has faced the dilemma of AI regulation. Its essence is to build a management model that would minimise uncertainty and risks of catastrophic consequences for the state, society and the individual without holding back technological progress. The article explores the European approach to AI regulation, both in the ethical and legal fields. The authors consider the main ethical principles that EU has set in the field of AI, as well as their evolution, and analyse the emergent approach to the legal regulation of AI using the theories of complex systems and multilevel governance. It is concluded that the EU prioritises the development of "trustworthy AI", wherein a gradual transition from 'soft law' to more binding forms of regulation can be traced. Another distinctive feature of AI regulation in the EU is the consecutive scientific support in the development of policy papers, reports and regulations.

Key words: ethics of international relations, AI ethics, artificial intelligence, AI, European Union, complex systems.

DOI: 10.31857/S0201708322050023

EDN: glofsa

REFERENCES

Bazarkina D.Yu. (2021) Evolyuciya podhodov k protivodejstviyu gibrnidnym ugrozam v strategicheskom planirovanii Evropejskogo soyuza [Evolving Approaches to Countering Hybrid Threats in European Union Strategic Planning]. *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 133–143. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021133143> (In Russian).

Bazarkina D, Pashentsev E. (2019) Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security. *Russia in Global Affairs*, 1.

Burns S., Bradley J., Powell M. (2021) *A robust approach? EU proposes framework for mandatory regulation of AI*. Lexology.com. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=d85fe0cd-6f91-44a4-82d5-a5d5217a6668#:~:text=Questions%3F-,A%20robust%20approach%3F,for%20mandatory%20regulation%20of%20AI&text=On%2021%20April%202021%2C%20the,legal%20framework%20for%20AI%20globally> (accesses: 17.05.2022)

Cairney P. (2012) Complexity Theory in Political Science and Public Policy. *Political Studies Review*. Vol. 10, pp. 346–358.

Cygankov P.A. (2003) *Teoriya mezhdunarodnyx otnoshenij* [Theory of International relations]. Gardariki, Moscow. 590 p. (In Russian).

Doverennyj iskusstvennyj intellekt: koncepciya i dokumenty. Etika i «cifra»: ot problem k resheniyam [Trusted Artificial Intelligence: concept and documents. Ethics and "digital": from problems to solutions] (2021). Pod red. E.G. Potapovoj, M.S. Shklyaruk. RANHiGS, Moscow. 184 p. (In Russian).

- Ethics Guidelines for Trustworthy AI (2019). *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (accesses: 17.05.2022)
- Gutierrez C.I. and Marchant G.E. (2021) A Global Perspective of Soft Law Programs for the Governance of Artificial Intelligence. *SSRN*. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3855171>.
- Hoffmann S. (1981) *Duties Beyond Borders: On the Limits and Possibilities of Ethical International Politics*. N.Y. 46 p.
- Istomin I.A. (2021) *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoj politike* [The Logic of States' Actions in World Politics]. Aspekt Press, Moscow. 88 p. (In Russian).
- Istomin I.A., Degrtarev D.A. (2015) Sistemnoe modelirovanie mezhdunarodnyh otnoshenij [Systemic Modelling of International Relations]. *World Economics and International Relations*. No 11, pp. 17–30. (In Russian).
- Kuleshov A., Ignatiev A., Abramova A., Marshalko G. (2020) Addressing AI Ethics Through Codification. *Proceedings of the 2020 International Conference Engineering Technologies and Computer Science (EnT)*. 24–26 June 2020. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9140627> (accesses: 17.05.2022)
- Marcut M. (2020) *The Governance of Digital Policies. Towards a New Competence in the European Union*. Palgrave Macmillan. 136 p.
- Mueller B. (2021) How Much Will the Artificial Intelligence Act Cost Europe? *Center for Data Innovation*, 16 p. URL: <https://www2.datainnovation.org/2021-aia-costs.pdf> (accesses: 17.05.2022)
- Neznamov A.V. (2019) Pravovye aspekty realizacii Nacional'noj strategii razvitiya iskusstvennogo intellekta do 2030 goda [Legal aspects of the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina*, No 12, pp. 82–88. (In Russian).
- Potemkina O.Yu. (2019) Luchshe, chem lyudi? Politika ES v oblasti iskusstvennogo intellekta [Better than humans? EU Artificial Intelligence Policy]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No 5, pp. 16–21. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520191621> (In Russian).
- Fedorov M.V., Tsvetkov Yu.D. (2020) Etika iskusstvennogo intellekta v deyatelnosti YUNESKO [The Ethics of Artificial Intelligence in the Work of UNESCO]. *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnosti-yunesko-voprosy-politiki-prava-i-perspektivy-ravnopra/> (accesses: 17.05.2022) (In Russian).
- Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts (2021). *European Commission*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206> (accesses: 17.05.2022)
- White Paper on Artificial Intelligence. A European Approach to Excellence and Trust (2020). *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (accesses: 17.05.2022)

УДК 327.8

ИЗМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОЛИ ПОЛЬШИ ПОСЛЕ НАЧАЛА РОССИЙСКОЙ СПЕЦОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ

© 2022 МИХАЛЕВ Олег Юрьевич*

Кандидат исторических наук, доцент

Факультет международных отношений

Воронежского государственного университета

394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1

**E-mail: mikhalev2003@mail.ru*

Поступила в редакцию 22.04.2022

После доработки 27.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Статья посвящена изучению изменений в международном положении Польши после начала российской специальной военной спецоперации на Украине. Если на протяжении 2021 г. преобладающей тенденцией в отношениях Польши с ее союзниками по ЕС и НАТО были разногласия, связанные с несоблюдением польским правительством демократических норм, то в конце февраля 2022 г. на первый план выдвинулось стремление к сплочению Запада против России. Автор проанализировал дипломатические усилия, предпринятые Польшей по укреплению связей с партнерами, прежде всего с США. Рассмотрены меры по усилению военного присутствия НАТО на восточном фланге Альянса, а также размещение дополнительных контингентов американских вооруженных сил. Сделан вывод, что на волне сочувствия к Украине Польше удалось стать заметной силой в ведущейся на Западе антироссийской кампании, однако достигнутое сплочение не может считаться устойчивым, и на время ушедшие в тень противоречия будут вызывать разногласия Польши и ее союзников.

Ключевые слова: Польша, специальная военная операция, внешняя политика Польши, польско-американские отношения, вооруженные силы США в Польше, проблема беженцев.

DOI: 10.31857/S0201708322050035

EDN: gloiua

Еще в середине 2021 г. международные позиции Польши можно было оценить как достаточно слабые. Страна находилась в затяжном конфликте с руководством Евросоюза, которое обвиняло правительство партии «Право и справедливость» (ПиС) в нарушении демократических норм. По предложению Еврокомиссии и Ев-

ропарламента был разработан механизм увязывания выделения денежных средств с соблюдением принципа верховенства права, в результате чего Польша оказалась на грани остановки выплат из фонда восстановления экономики после пандемии COVID-19 [Кувалдин, 2021]. Кроме того, Суд ЕС приговорил страну к выплате крупных штрафов за неисполнение его решений о прекращении деятельности Дисциплинарной палаты Верховного суда и остановке добычи угля в шахте Туров. Фактически в глазах большинства партнеров Польши по Евросоюзу она выглядела как государство, выпадающее из «европейской семьи»: не соблюдает основные принципы ЕС, не разделяет его ценности, отказывается помогать партнерам (как это было в момент миграционного кризиса 2015 г., когда Польша выступила категорически против принятия квот по расселению у себя беженцев с Ближнего Востока)¹.

После поражения Д. Трампа на президентских выборах 2020 г. по линии Польша-США наступило некоторое охлаждение. С Трампом правительство ПиС связывало, прежде всего, идеологическая близость, а также интенсивно развивающееся сотрудничество в военной и экономической сферах. Обе стороны определяли этот период в отношениях двух стран как наилучший в истории². Победа Дж. Байдена была встречена в Польше с опасениями. В ходе избирательной кампании Байден упомянул Польшу среди стран с «тоталитарным режимом», поставив на одну доску с Северной Кореей и Белоруссией³. Первые действия новой администрации, казалось, опасения подтверждали. В июне 2021 г. глава польского МИДа Збигнев Рау обвинял американцев в игнорировании интересов Варшавы: Байден, не поставив Польшу в известность, отказался вводить санкции против «Северного потока-2», не стал советоваться с лидерами государств восточного фланга НАТО перед встречей с В. Путиным в Женеве, да и в целом делал в европейской политике ставку на Германию, пренебрегая теми предостережениями в отношении России, которые высказывали Польша и ее соседи⁴. Эти упреки наглядно подтверждали, что правительство ПиС своей консервативной, евроскептической и откровенно антироссийской политикой поставило страну в изолированную позицию в евроатлантическом сообществе и отдалило от центра решения важнейших международных проблем.

¹ Подробнее об отношениях Польши с ЕС см.: [Михалев, 2021b; Русакова, 2021; Шишелина, 2020].

² Подробнее о польско-американских отношениях в период президентства Трампа см.: [Михалев, 2020; Павлова, 2021a].

³ Джо Байден причислил Польшу к странам с «тоталитарным режимом». EurAsia Daily. 2020. 16.10. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/16/dzho-bayden-prichislil-polshu-k-stranam-s-totalitarnym-rezhimom?> (дата обращения: 06.04.2022). В Польше, впрочем, многие предпочли думать, что Байден просто оговорился. Подробнее о развитии польско-американских отношений после прихода к власти администрации Байдена см.: [Михалев, 2020; Павлова, 2021b].

⁴ Zbigniew Rau: Amerykanie nie znaleźli dla nas czasu. Rzeczpospolita. 2021. 10.06. URL: <https://www.rp.pl/kraj/art90631-zbigniew-rau-amerykanie-nie-znalezli-dla-nas-czasu> (дата обращения: 06.04.2022)

Осенью 2021 г. возникший на польско-белорусской границе кризис, когда в страну стали пытаться проникнуть тысячи мигрантов из Ближнего и Среднего Востока, начал менять позиции Польши в европейской политике¹. Польскому правительству удалось обратить иммиграционный кризис в свою пользу. Эксплуатируя тему угрозы с Востока, ему удалось привлечь внимание других стран Европы к своим проблемам, склонить их к поддержке своей точки зрения и отодвинуть на второй план имеющиеся разногласия. Начавшаяся 24 февраля специальная военная операция России на Украине (далее – спецоперация) создали качественно новую ситуацию, в которой Польша оказалась в центре если не мировой, то европейской политики.

Польское правительство получило возможность показать, что оно не ошиблось, предупреждая о российской угрозе. В государственных СМИ стали регулярно вспоминать слова президента Леха Качиньского, произнесенные на митинге в Тбилиси в августе 2008 г., в которых он предупреждал о планах России: «Сегодня Грузия, завтра – Украина, послезавтра – государства Балтии, а позже, может быть, придет время и для моей страны, для Польши». Само правительство ПиС никогда не сомневалось в наличии подобных замыслов. В принятой в мае 2012 г. Стратегии национальной безопасности уже в первых абзацах прямо заявлено: «Важнейшей угрозой является неимпериалистическая политика властей Российской Федерации, реализуемая также при использовании военной силы». Авторы документа утверждали, что Россия не только наращивает наступательный потенциал на западном направлении, но и предпринимает действия гибридного характера (кибератаки, информационную войну), направленные на подрыв западных обществ и государств, разрушение военных союзов и системы международной безопасности². Теперь Польше оставалось убедить в этом своих партнеров и побудить их к активным совместным действиям по противостоянию угрозе. Для этого были предприняты значительные усилия по ряду направлений, которые будут рассмотрены далее.

Дипломатическая активность

После начала спецоперации Польша, и ранее старавшаяся находиться в центре международной жизни, значительно нарастила свою дипломатическую активность, в том числе на самых высоких уровнях. По информации портала польского МИДа его глава З. Рау за неполных полтора месяца (с 24 февраля по 5 апреля) провел двусторонние переговоры с коллегами из 13 стран, принял участие во встречах министров иностранных дел ЕС, НАТО и Веймарского треугольника (Германия, Франция, Польша), мероприятиях по линии ООН, ОБСЕ и Лиги арабских государств, и

¹ Подробнее о кризисе на польско-белорусской границе, его влиянии на внешнюю политику Польши см.: [Габарта, 2021; Михалев, 2021а; Шишелина, Габарта, 2021].

² Strategia Bezpieczeństwa Narodowego Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 2020. S. 6. URL: https://www.bbn.gov.pl/ftp/dokumenty/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP_2020.pdf (дата обращения: 06.04.2022)

это только в очном формате, не считая телефонных бесед и видеоконференций¹. Правда, часть из этих мероприятий (например, поездку по странам Южного Кавказа 29 марта – 1 апреля) он провел не в качестве главы польской дипломатии, а как действующий председатель ОБСЕ (Польша в 2022 г. председательствует в этой организации), но трудно представить, что Рау при этом отказался от продвижения польских интересов. На всех встречах тема Украины как минимум присутствовала, а, чаще всего, находилась в центре внимания. На фоне вспыхнувшего конфликта подход Польши в отношении российской угрозы стал в большей мере разделяться ее европейскими партнерами. Эту тенденцию ярко выразила министр иностранных дел Британии Лиз Трасс, заявившая после встречи с Рау: «Польша всегда ясно видела цели России и намерения Путина. Вы были правы»².

Премьер-министр Матеуш Моравецкий за этот же период провел двусторонние встречи в очном формате с лидерами и дипломатами 11 государств (в том числе трижды с представителями США), принял участие в саммитах ЕС, Вишеградской группы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия), Люблинского треугольника (Польша, Украина, Литва), встречался с представителями ООН и ЕС³. Наиболее заметным событием в этом ряду стала его поездка вместе с вице-премьером, председателем ПиС Ярославом Качиньским, премьер-министром Чехии Петром Фиалой и премьер-министром Словении Янезом Яншей 15 марта в Киев. Недалеко от города велись бои, поэтому визит готовился в тайне и о нем публично было объявлено в последний момент, хотя руководство ЕС и НАТО было в курсе этой инициативы. Мероприятие носило пропагандистский характер. Визитеры представляли себя как посланцы всего Евросоюза, который выражает солидарность с Украиной и готов предоставить ей обширный пакет помощи. Моравецкий также утверждал, что ЕС готов «очень быстро» предоставить Украине статус кандидата, а затем принять ее в свои ряды. Пребывая с риском для жизни в Киеве, польские лидеры хотели не только подбодрить украинцев, которые, по словам Качиньского, «боролись за нас всех», но и убедить еще колеблющихся европейцев оказать максимальное содействие Украине. Как сказал Моравецкий, «Европа без Украины будет символом поражения и слабости. Все вместе мы не можем этого допустить»⁴.

¹ Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Aktualności. URL: <https://www.gov.pl/web/dyplomacja/aktualnosci?page=1&size=10> (дата обращения: 06.04.2022)

² Szefowa brytyjskiej dyplomacji: Polska miała rację w sprawie intencji Putina // Dziennik.pl. 2022. 05.04. URL: <https://gospodarka.dziennik.pl/news/artykuly/8395126,liz-truss-szefowa-msz-wielkiej-brytanii-polska-wladimir-putin.html> (дата обращения: 06.04.2022)

³ Подсчитано на основе данных с сайта канцелярии премьер-министра Польши: Kancelaria Prezesa Rady Ministrów. Wydarzenia. URL: <https://www.gov.pl/web/premier/wydarzenia> (дата обращения: 06.04.2022)

⁴ Premierzy Polski, Czech i Słowenii spotkali się w Kijowie z premierem i prezydentem Ukrainy // Kancelaria Prezesa Rady Ministrów. 2022. 15.03. URL: <https://www.gov.pl/web/premier/premierzy-polski-czech-i-slowenii-spotkali-sie-w-kijowie-z-premierem-i-prezydentem-ukrainy> (дата обращения: 06.04.2022)

В свою очередь, президент Польши Анджей Дуда также вел интенсивные переговоры. В его активе двусторонние встречи с представителями 11 государств в очном формате (среди них 3 с лидерами США – президентом Дж. Байденом, вице-президентом К. Харрис и директором ЦРУ Дж. Хаспел, по 2 – с лидерами Украины и Румынии, а также Германии, Британии, Турции, Канады и с папой Римским), участие в саммитах Бухарестской девятки НАТО и самого Североатлантического альянса¹. Дуда едва ли не первым из европейских политиков высказался за ускоренное принятие Украины в ЕС, уже 26 февраля заявив, что ей следует немедленно предоставить статус кандидата, а затем ускорить получение полного членства, чтобы страна могла получить доступ к европейским фондам для послевоенного восстановления. На всех встречах с мировыми лидерами и прочих мероприятиях президент Польши выражал поддержку Украине и намерение оказать давление на Россию с целью прекращения конфликта.

Развитие польско-американских отношений

Важнейшим направлением польских дипломатических усилий стало взаимодействие с США. Польша и прежде в течение долгих лет стремилась занять место ключевого американского союзника в Европе, теперь же она как никогда ранее приблизилась к этой цели, на что указывает частота дипломатических контактов. Если в 2021 г. отмечалось ухудшение качества и интенсивности польско-американских отношений, вызванное поддержкой правительством ПиС Д. Трампа, то обострение ситуации на востоке европейского континента не могло не поставить Польшу в центр внимания администрации Дж. Байдена. Заокеанские политики стали в Варшаве частыми гостями.

Незадолго до начала российской спецоперации, 18 февраля, в Польшу прибыл министр обороны США Ллойд Остин. Визит планировался заранее, но разворачивающиеся события коренным образом изменили его повестку. Если ранее предполагалось обговорить «двустороннее сотрудничество в далекой стратегической перспективе», то кризис вокруг Украины выдвинул на первый план задачу усиления американского военного присутствия в регионе и поставок Польше вооружений. К этому времени уже было принято решение о размещении на польской территории дополнительных сил США, поэтому визит включал посещение Остином американских частей, уже базирующихся в Польше, по-видимому, для оценки их состояния. Остин остался доволен увиденным, поскольку благодарил поляков за «хороший прием» войск США и обещал дальнейшее усиление военной инфраструктуры и союзнического присутствия, причем не только американского².

¹ Подсчитано на основе данных с сайта президента Польши: Prezydent.pl. Aktualności. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci> (дата обращения: 06.04.2022)

² Wizyta sekretarza obrony USA w Polsce. Szef BBN: Lloyd Austin spotka się z prezydentem. Polska Agencja Prasowa. 2022. 18.02. URL: <https://www.pap.pl/aktualnosci/news%2C1083204%2Cwizyta-sekretarza-obrony-usa-w-polsce-szef-bbn-lloyd-austin-spotka-sie-z> (дата обращения: 07.04.2022)

Первым высокопоставленным гостем из США в Варшаве после начала спецоперации был госсекретарь Энтони Блинкен. Он приехал в Польшу 5 марта, сразу после встречи министров иностранных дел стран НАТО в рамках встреч с ключевыми союзниками, чтобы «продемонстрировать поддержку Вашингтоном их безопасности и укрепить единство Запада против Москвы». Ключевым пунктом визита стало посещение пункта приема беженцев на польско-украинской границе, после чего Блинкен пообещал выделение 2,75 млрд долл. в качестве помощи по преодолению гуманитарного кризиса¹. Пять дней спустя, 10 марта, в Польшу прибыла вице-президент США Камала Харрис. Цели поездки не выделялись из общего ряда: укрепление восточного фланга НАТО, санкции против России и предоставление помощи Украине. Более того, накануне визита сообщалось, что каких-то конкретных результатов от него ждать не стоит. Однако к этому времени в повестке двусторонних отношений появился один новый пункт. 8 марта польские власти придумали, как откликнуться на настоятельные просьбы Украины «закрыть небо» и при этом не подставить себя под возможный удар со стороны России. Они заявили о готовности бесплатно отдать США имеющиеся на вооружении Польши самолеты МиГ-29 с целью дальнейшей передачи Украине, взамен попросив продать им поддержанные американские самолеты. Тем самым украинские летчики могли получить знакомую им технику, а Польша – не только оказать помощь, но и обновить свой авиапарк. Впрочем, американцы быстро отказались от такой сделки, по видимому, из опасения быть втянутыми в конфликт. Об этом было известно еще до приезда Харрис в Варшаву, но ожидалось, что поиски какого-то решения будут продолжены². Найти приемлемый способ передать самолеты Украине не удалось, поэтому от идеи пришлось отказаться. Тем не менее Польша не оставляет попыток укрепить украинскую армию. В конце апреля появилась информация, что она готова передать Украине более 200 танков Т-72 (из 300 имеющихся в ее распоряжении), что должно стать «весомой поддержкой в войне с Россией»³.

Апогеем польско-американского сближения стал визит президента Дж. Байдена 25–26 марта. Еще за пару месяцев до того такая поездка вряд ли была бы возможна, но теперь значение Польши настолько выросло, что она оказалась единственной страной Европы, которую Байден посетил сразу после саммита НАТО 24 марта. В программу пребывания вошли встречи с солдатами 82-й воздушно-десантной дивизии США, размещенными в Жешуве, и представителями благотворительных организаций, оказывающих помощь беженцам из Украины, переговоры с президентом

¹ Derewienko E. Sekretarz stanu USA z wizytą w Polsce. Obiecuje kolejne miliardy dla uchodźców // 300Gospodarka. 2022. 05.03. URL: <https://300gospodarka.pl/news/sekretarz-stanu-usa-z-wizyta-w-polsce-obiecuje-kolejne-miliardy-dla-uchodzcow> (дата обращения: 07.04.2022)

² Wiceprezydent USA Kamala Harris w Polsce // TVN24. 2022. 10.03. URL: <https://tvn24.pl/najnowsze/kamala-harris-wiceprezydent-usa-z-wizyta-w-polsce-plan-wizyty-5628440> (дата обращения: 07.04.2022)

³ Żemła E. Polska wysyła Ukrainie ponad 200 poradzieckich czołgów T-72 // Onet Wiadomości. 2022. 29.04. URL: <https://www.onet.pl/informacje/onetwiadomosci/polska-wysyla-ukrainie-ponad-200-poradzieckich-czolgow-t-72/m101516,79cfc278> (дата обращения: 29.04.2022)

Польши А. Дудой и украинской правительственной делегацией, а также выступление на площади перед королевским замком в центре Варшавы, которое польские СМИ тут же нарекли «историческим». Бывший министр иностранных дел Яцек Чапутович назвал это событие «объявлением новой холодной войны», сравнив с Фултонской речью У. Черчилля. Действительно, речь была наполнена отсылками ко временам холодной войны. Байден начал с упоминания папы Иоанна Павла II (поляка по происхождению) и его роли в борьбе с коммунизмом, заявил, что борьба за демократию не завершилась с окончанием холодной войны, и что украинцы, сражаясь за свою свободу, одновременно ведут борьбу с «врагами свободы и демократии». Он обещал помощь объединенного Запада в этой борьбе и утверждал, что США не допустят вторжения на территорию какого-либо из членов НАТО¹. Впрочем, пафосные слова не могли скрыть того, что значение поездки Байдена в Варшаву было преимущественно морально-психологическим, нацеленным не на развитие отношений с Польшей, а на выражение поддержки украинцам, которым и была адресована большая часть упомянутой речи. Поэтому польские эксперты, комментирующие итоги визита, сразу же отметили, что в нем «мало конкретики», и ни о каких новых шагах в области защиты восточного фланга НАТО, дополнительного размещения американских войск и прочее не было сказано. Главный смысл послания Байдена полякам заключался в том, что они могут быть уверены в американской помощи и в том, что НАТО не отдаст «ни пяди своей территории»².

Подводя итог анализу дипломатической активности Варшавы за полтора месяца после начала российской спецоперации на Украине, следует признать, что ей удалось повысить роль Польши в международной политике. Однако это стало следствием не столько собственных усилий, сколько сочетания двух факторов: географической близости Польши к конфликтной зоне и поднявшейся волне сочувствия к Украине, воспринимаемой на Западе в качестве «жертвы агрессии». Полякам стало легче убеждать своих партнеров в необходимости проведения более жесткой линии в отношении России, когда они и сами к этому склонялись. Однако нельзя считать, что курс польского правительства на максимально суровые меры в отношении Москвы, включая отказ от переговоров, введение эмбарго на поставку энергоресурсов, высылку дипломатов и арест российской собственности, встречает полное понимание в Евросоюзе. Есть страны, не готовые на столь решительные шаги, и разница в подходах уже выливается в дипломатические конфликты. Так, 4 апреля М. Моравецкий обрушился на президента Франции Э. Макрона и канцлера Германии О. Шольца с критикой за то, что они выступают за продолжение диалога с Россией, сравнив его с «переговорами с Гитлером, Сталиным и Пол Потом». Это вызвало острую реакцию Макрона, который, в свою очередь, назвал Моравецкого «крайне

¹ Joe Biden w Warszawie: Putin nie może pozostać u władzy // Rzeczpospolita. 2022. 26.03. URL: <https://www.rp.pl/polityka/art35951221-joe-biden-w-warszawie-putin-nie-moze-pozostac-u-wladzy> (дата обращения: 08.04.2022)

² Ruszkiewicz S. Mało konkretów? Eksperci mówią o wizycie Joe Bidena w Polsce // WP Wiadomości. 2022. 26.03. URL: <https://wiadomosci.wp.pl/malo-konkretow-eksperci-mowia-o-wizycie-joe-bidena-w-polsce-6751540238261184a> (дата обращения: 08.04.2022)

правым антисемитом» и обвинил его во вмешательстве в ведущуюся во Франции президентскую избирательную кампанию¹. Учитывая то, что разница во взглядах на отношения с Россией имеется не только с Францией, но также, как минимум, с Венгрией и Австрией, можно прогнозировать нарастание трений на этой почве между Польшей и ее партнерами по ЕС, особенно в случае, если российская спецоперация затянется и связанные с ней экономические трудности в европейских странах будут нарастать.

Укрепление военного сотрудничества

Дипломатические усилия Варшавы имеют главной целью обеспечение безопасности собственной страны. История научила поляков не слишком полагаться на слова и даже договоры (вспомним начальный период Второй мировой войны и «странную войну» Британии и Франции, связанных с Польшей союзническими обязательствами), а добиваться для себя максимально эффективной защиты, в виде, в том числе, присутствия войск союзников на польской территории. Отсюда возникают сомнения польских лидеров в действенности гарантий НАТО и стремление обеспечить безопасность страны не только с помощью размещения в Польше сил Альянса, но и достижения двусторонних договоренностей с США, предполагающих дислоцирование на польской земле дополнительных американских контингентов.

До 2014 г. иностранное военное присутствие в Польше было минимальным. Крупнейшим элементом военной инфраструктуры НАТО на ее территории был созданный в сентябре 1999 г. многонациональный германско-датско-польский армейский корпус «Северо-Восток». Однако в польском Щецине разместились только его штаб, а остальные подразделения корпуса располагаются на территории своих стран и находятся в национальном подчинении. Помимо того, в марте 2004 г. в городе Быдгощ начал работу Объединенный центр боевой подготовки Объединенных вооруженных сил НАТО, в котором ежегодно проходили обучение около 3 тыс. офицеров и специалистов для органов управления войсками. Он является одним из важнейших учебных центров всего Альянса. В той же Быдгощи с 2010 г. действует 3-й батальон связи НАТО, а с конца 2013 г. – Центр передового опыта в области военной полиции [Зверев, 2016]. Скромное присутствие сил НАТО означало, что Альянс считает необходимым выполнять обязательство, данное России в «Основнополагающем акте», подписанном в мае 1997 г., о размещении на постоянной основе «существенных боевых сил» в странах Центральной и Восточной Европы. Что же касается пребывания в Польше войск США, то юридическая основа для этого была заложена в декабре 2009 г. с подписанием двустороннего соглашения. До 2014 г. американцы ограничивались направлением в Польшу на ротационной основе очень незначительных сил, которые имели не более чем символическое значение и были призваны морально поддержать союзника. Речь идет об учебной батарее

¹ Emmanuel Macron atakuje Mateusza Morawieckiego. "Skrajnie prawicowy antysemita" // Onet Wiadomości. 2022. 8.04. URL: <https://wiadomosci.onet.pl/swiat/emmanuel-macron-ostro-omateuszu-morawieckim-skrajnie-prawicowy-antysemita/chg32cx> (дата обращения: 11.04.2022)

зенитно-ракетных комплексов «Патриот», которая впоследствии была выведена, и нескольких боевых и военно-транспортных самолетах, ежеквартально сменявшихся [Зверев, 2016].

Реальное наращивание иностранного военного присутствия в Польше началось только после 2014 г. Если в рамках НАТО усиление военной инфраструктуры, по сути, ограничилось размещением батальона сил расширенного передового присутствия численностью в 1 тыс. человек, который был дислоцирован в небольшом городке Ожиш в Варминско-Мазурском воеводстве (примерно в 50 км от границы с Калининградской областью), то в рамках двустороннего сотрудничества с США американский контингент увеличился многократно. С начала 2017 г. в Польше находится танковая бригада армии США с 3,5 тыс. солдат и 2 тыс. единиц техники, усилена группировка американских военно-воздушных сил за счет размещения вертолетных подразделений и расширения аэродромной инфраструктуры. В 2016 г. был возрожден, казалось бы, уже забытый проект строительства в Польше базы противоракетной обороны. Наконец 18 сентября 2018 г. президент А. Дуда предложил создать в Польше постоянную американскую базу под названием «форт Трамп». Подписанное в августе 2020 г. новое военное соглашение между странами предусматривало возможность размещения в Польше до 5,5 тыс. американских военнослужащих [Подробнее см.: Михалев, 2020: 229–231].

Нарастание напряженности вокруг Украины придало дополнительный импульс военному сотрудничеству США и Польши. Уже в начале февраля на польскую территорию началась переброска дополнительных сил из 82-й воздушно-десантной дивизии США. Они расположились в Жешуве, на юго-востоке Польши, непосредственно вблизи украинской границы. Всего было дополнительно размещено 4700 американских солдат, их общая численность в Польше, таким образом, превысила 9 тыс. человек¹. Какое-либо использование этих войск в возможном конфликте на Украине не предполагалось, их задачей стало обеспечение безопасности Польши как страны НАТО и вселение в нее уверенности, что США готовы приложить все усилия для защиты своих союзников.

Был также сделан очередной шаг в развитии сотрудничества двух государств в военно-технической сфере. Польша и ранее придерживалась курса на сотрудничество с американскими производителями в сфере закупки вооружений. В частности, в 2003 г. был подписан контракт на закупку 48 американских истребителей «F-16» на сумму свыше 6 млрд долл. Его очередными этапами стали покупка в 2018 г. двух батарей противовоздушной и противоракетной обороны «Патриот» за 4,7 млрд долл. и заключение в январе 2020 г. договора о поставке 32-х многофункциональных истребителей-бомбардировщиков пятого поколения F-35A стоимостью в 6,5 млрд долл. Российская спецоперация на Украине резко ускорила переговоры по еще одному «контракту века». 5 апреля две страны подписали договор о продаже Польше 250 американских танков «Абрамс» новейшей версии на сумму 4,75

¹ Wojska USA w Polsce: w ciągu miesiąca liczba amerykańskich żołnierzy podwoiła się // Forsal.pl. 2022. 24.03. URL: <https://forsal.pl/swiat/bezpieczenstwo/artykuly/8386335,wojska-usa-w-polsce-obecnie-nad-wisla-przebywa-ok-9-tys-amerykanskich-zolnierzy.html> (дата обращения: 12.04.2022)

млрд долл. Первые из них должны быть поставлены уже в 2022 г. Польские власти с удовлетворением сообщали, что это лучший танк в мире, равного которого в Европе никто не имеет («Абрамсы», действительно, не состоят на вооружении ни одной из европейских армий), и он значительно укрепит мощь вооруженных сил страны. Однако не все оказались довольны сделкой. Промышленники утверждали, что покупка «Абрамсов» разорит предприятия, вовлеченные в ремонт предыдущих версий танков, а военные специалисты отмечали дороговизну эксплуатации и, самое главное, уязвимость танков в условиях современной войны, когда они стали легкой мишенью для противотанковых средств и беспилотников¹.

Вдохновленное интенсивным развитием политического и военного сотрудничества с США, польское правительство подняло вопрос о размещении на территории страны американского ядерного оружия. Об этом 3 апреля в интервью немецкому изданию *«Welt am Sonntag»* заявил вице-премьер и лидер Пис Ярослав Качиньский. Он подчеркнул, что вопрос в практической плоскости не стоит, но, если США выступят с такой инициативой, Варшава будет открыта к сотрудничеству². Идея осталась без ответа, но этот случай отчетливо показал, что в своем стремлении противостоять России Польша готова зайти очень далеко, гораздо дальше американцев и других партнеров по НАТО. И ее не останавливает даже осознание того, что усиление военной инфраструктуры на ее территории делает страну мишенью для российских ракет, которые неминуемо будут нацелены на Польшу в случае появления в ней ядерного оружия. Поэтому США приходится притормаживать своих не в меру ретивых союзников, для того чтобы они не довели дело до ядерной войны с Россией.

Так было в случае с еще одной польской инициативой. 16 марта, после поездки в Киев, Я. Качиньский выступил с предложением об отправке на Украину миротворческой миссии НАТО. Детали проекта не уточнялись, однако было очевидно, что без согласия России на размещение натовских миротворцев (о котором не могло идти речи) реализация миссии могла привести к прямому столкновению войск России и НАТО. Поэтому и российские официальные представители охарактеризовали идею Качиньского как «провокацию» и «крайне опасное решение», и генсек НАТО Йенс Столтенберг от лица Альянса заявил, что нельзя допускать «эскалации боевых действий за пределы Украины»³. Поэтому, несмотря на то что польское правительство продолжало лоббировать миротворческую миссию вплоть до саммита НАТО 24 марта, Альянс, по всей видимости, даже не стал ее всерьез обсуждать.

¹ Kupujemy 250 czołgów z USA. Choć wojna w Ukrainie pokazuje, że era czołgów mija. Onet Wiadomości. 2022. 05.04. URL: <https://www.onet.pl/informacje/onetwiadomosci/250-czolgow-abrams-dla-polski-choc-era-czolgow-mija/zpxghjk,79cfc278> (дата обращения: 12.04.2022)

² Закавасин А., Лобанов М. Игра в провокации: почему Польша предложила разместить ядерное оружие США на своей территории. RT на русском. 2022. 04.04. URL: <https://russian.rt.com/world/article/985263-polsha-yadernoe-oruzhie-ssha> (дата обращения: 13.04.2022)

³ Лакстыгал И. Польша настаивает на отправке войск НАТО на Украину. Ведомости. 2022. 24.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/03/24/914917-polsha-nato-ukrainu> (дата обращения: 13.04.2022)

Впрочем, возможно, и сами поляки понимали, что идея не может быть воплощена в жизнь, поэтому продвигали ее как инструмент воздействия на союзников в целях увеличения помощи Украине и усиления давления на Россию.

Стремясь укреплять союзнические связи, Польша приняла меры и к развитию собственного оборонного потенциала. Помимо уже отмеченных усилий по материально-техническому оснащению армии, было принято решение о значительном увеличении ее численного состава. 18 марта президент А. Дуда подписал закон «О защите отечества», согласно которому вооруженные силы будут составлять 300 тыс. человек (из них 250 тыс. – профессиональные военнослужащие и 50 тыс. – силы территориальной обороны). Это означает фактически двукратный рост, поскольку сейчас вооруженные силы состоят из 115,5 тыс. профессиональных солдат и 32 тыс. бойцов территориальной обороны. Кроме того, предусмотрено увеличение оборонных расходов – до 2,2% ВВП в 2022 г. (в предшествующие годы этот показатель находился у отметки 2%) и не менее 3% начиная с 2023 г.¹ Закон был принят в поистине молниеносном темпе. 22 февраля его одобрил Совет министров, 11 марта с минимальными поправками Сейм, причем ни один из депутатов не голосовал против и только 5 воздержались, затем одобрили Сенат, президент, и 23 апреля закон уже вступил в силу. Столь быстрое прохождение закона через все инстанции можно объяснить только тем, что среди всех политических сил в Польше наблюдается полное единодушие в вопросе о необходимости укрепления оборонного потенциала страны, вызванное давно сложившимся консенсусом в отношении «российской угрозы».

Это польское представление об опасности с востока далеко не всегда разделяют союзники, однако Польша использует все имеющиеся в ее распоряжении возможности, чтобы побудить НАТО к более решительной позиции в отношении России.

* * *

Сразу после вступления в ЕС Польша сама себя назначила на роль «адвоката Украины в Европе» [См., напр.: Czornik, 2011: 114–121; Partacz, 2017: 122–123]. На протяжении многих лет она пыталась содействовать сближению Украины с ЕС и НАТО, рассчитывая, что ее интеграция в евроатлантические структуры станет решающим фактором в обеспечении безопасности Польши. Страна перестанет быть крайней в Евросоюзе и будет отделена от главного источника угрозы, России, территорией другого государства. После начала российской спецоперации необходимость в решительных действиях в поддержку Украины для Польши многократно усилилась. Для ее политической и интеллектуальной элиты не подлежит сомнению, что Москва не ограничится установлением контроля над Украиной и, в случае успеха, будет пытаться распространить свое влияние на страны Центральной Европы, включая Польшу. Таким образом, интенсивная дипломатическая активность польского правительства, усиление военного потенциала, укрепление союзниче-

¹ Воропаева Е. Польша вдвое увеличит численность армии. РБК. 2022. 18.03. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2022/623484249a7947db994e3627?> (дата обращения: 13.04.2022)

ских связей и прием многочисленных беженцев имеют двоякую цель: не только оказание помощи Украине, но и предотвращение угрозы для собственной страны. Разворачивающиеся события поставили Польшу в эпицентр мировой политики, и она применяет все имеющиеся в ее распоряжении возможности, чтобы, опираясь на США, сплотить партнеров по НАТО и ЕС и совместно решить возникшую проблему, отложив в сторону имеющиеся разногласия. Однако уже спустя два месяца после начала спецоперации можно было наблюдать, что первоначальный порыв Запада сменился осторожным стремлением к подсчету возможных потерь и угроз, и Польше непросто сохранить объединенный антироссийский фронт. В новых условиях прежние противоречия никуда не исчезли, будучи только замаскированы противостоянием с Россией, они все равно продолжают оказывать влияние на взаимоотношения в евроатлантическом блоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габарта А.А. (2021) Польско-белорусский пограничный конфликт в зеркале аналитики. *Вишеградская Европа*. № 3. С. 14–24.
- Зверев Ю. (2016) Военная инфраструктура НАТО в Польше – аналитическая записка. *Евразия. Эксперт*. 2016. 25.11. URL: <http://eurasia.expert/voennaya-infrastruktura-nato-v-polshe-analiticheskaya-zapiska/> (дата обращения: 12.04.2022)
- Кувалдин С.А. (2021) Увязывание бюджетных ассигнований ЕС с соблюдением верховенства права: пример Польши и Венгрии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 2. С. 38–48.
- Михалев О.Ю. (2021а) Влияние миграционного кризиса 2021 г. на внутреннюю и внешнюю политику Польши. *Вишеградская Европа*. № 3. С. 25–34.
- Михалев О.Ю. (2021b) Куда ведет Польшу кризис в отношениях с ЕС? *Вишеградская Европа*. № 2. С. 78–95.
- Михалев О.Ю. (2020) Польско-американские отношения в период президентства Д. Трампа (2017–2020 гг.). *Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы: сборник научных статей*. Вып. 4. Воронеж. С. 224–238.
- Павлова М.С. (2021а) Польско-американские отношения в 2020 г.: военно-политический аспект. *Россия и Америка в XXI веке*. Вып. 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760015883-8-1/> DOI: 10.18254/S207054760015883-8.
- Павлова М.С. (2021b) Польша в трансатлантической политике администрации Дж. Байдена в 2021 г. *Россия и Америка в XXI веке*. Спецвыпуск. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760018181-6-1/> DOI: 10.18254/S207054760018181-6.
- Русакова М.Ю. (2021) Польша и Венгрия: кризис в отношениях с ЕС в 2021 г. *Вишеградская Европа*. № 4. С. 51–66.
- Цекера Р. (2017) Польские отголоски миграционного кризиса. *Swój i obcy w kontekście współczesnego kryzysu migracyjnego. Doświadczenia i zadania Kościołów i społeczeństwa* / red. Glaeser Z., Gienza G., Warszawa, pp. 413–424. URL: https://www.researchgate.net/publication/323835417_Polskie_otgoloski_migracyjnego_kryzysa (дата обращения: 19.04.2022)
- Шишелина Л.Н. (2020) Будапешт и Варшава: противостояние с Брюсселем. *Современная Европа*. № 7. С. 5–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720200515>.
- Шишелина Л., Габарта А. (2021) На границе тучи ходят хмуро: как Минск из восточного партнера ЕС превратился в нарушителя спокойствия. *РСМД*. 29.11. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-granitse-tuchi-khodjat-khmuro-kak-minsk-iz-vostochnogo-partnera-es-prevratilsya-v-narushitelya-sp/> (дата обращения: 15.04.2022)

Czornik K. (2011) Miejsce Ukrainy w polskiej polityce zagranicznej po "pomarańczowej rewolucji": próba bilansu [Ukraine's place in Polish foreign policy after the "Orange Revolution": an attempt to balance]. *Stosunki Polski z sąsiadami w pierwszej dekadzie XXI wieku* / M. Stolarczyk (red.). Katowice, pp. 113–159. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197745576.pdf> (accessed: 18.04.2022). (in Polish).

Partacz Cz. (2017) Krytyczne spojrzenie na europejskie aspiracje Ukrainy i stanowisko Polski [A critical look at the European aspirations of Ukraine and Poland's position]. *Rocznik integracji europejskiej*. Nr 11, pp. 119–134. DOI: 10.14746/rie.2017.11.9. (in Polish).

Changes in the International Role of Poland after the Beginning of the Russian Special Operations in Ukraine

O.Yu. Mikhalev*

Candidate of Sciences (History)

Associate Professor at the Department of International Relations

Voronezh State University

Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018

***E-mail:** mikhalev2003@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the international position of Poland after the start of the Russian military special operation in Ukraine. It is argued that while the prevailing trend in Poland's relations with its EU and NATO allies throughout 2021 was disagreements related to the Polish government's non-compliance with democratic norms, at the end of February 2022, the desire to unify the West against Russia came to the fore. Poland played a prominent role in this. The author analyzes the diplomatic efforts undertaken by the Polish government to strengthen ties with partners, primarily the United States. The measures are considered for strengthening the military presence of NATO on the eastern flank of the alliance, as well as the deployment of additional contingents of American armed forces. The author concludes that using the wave of sympathy for Ukraine, Poland managed to become a noticeable force in the ongoing anti-Russian campaign in the West, however, the unity achieved cannot be considered stable, and the contradictions that have gone into the shadows for a while will still cause disagreements between Poland and its allies.

Key words: Poland, special military operation, Polish foreign policy, Polish-American relations, US forces in Poland, refugee problem.

DOI: 10.31857/S0201708322050035

EDN: gloiua

REFERENCES

Cekiera R. (2017) Pol'skie otgoloski migracionnogo krizisa [Polish echoe of the migration crisis]. *Swój i obcy w kontekście współczesnego kryzysu migracyjnego. Doświadczenia i zadania Kościołów i społeczeństwa* / red. Glaeser Z., Giemza G., Warszawa, pp. 413–424. URL: https://www.researchgate.net/publication/323835417_Polskie_otgoloski_migracionnogo_krizisa (accessed 19.04.2022). (in Russian).

Czornik K. (2011) Miejsce Ukrainy w polskiej polityce zagranicznej po "pomarańczowej rewolucji" : próba bilansu [Ukraine's place in Polish foreign policy after the "Orange Revolution": an attempt to balance]. *Stosunki Polski z sąsiadami w pierwszej dekadzie XXI wieku* / M. Stolarczyk (red.). Katowice, pp. 113–159. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197745576.pdf> (accessed: 18.04.2022). (in Polish).

Gabarta A.A (2021) Pol'sko-belorusskii pogranichnyi konflikt v zerkale analitiki [Polish-Belorussian border conflict in the mirror of analytics]. *Vishegradskaia Evropa*. No 3, pp. 14–24. (in Russian).

Kuvaldin S.A. (2021) Uvyazyvanie byudzhetnykh assignovaniy ES s soblyudeniem verhovenstva prava: primer Pol'shi i Vengrii [Linking EU budget allocations to the rule of law: the case of Poland and Hungary]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No 2, pp. 38–48. (in Russian).

Mikhalev O.Yu. (2021a) Vliianiye migratsionnogo krizisa 2021 g. na vnutrenniuiu i vneshniuiu politiku Pol'shi [Impact of the 2021 migration crisis on Poland's domestic and foreign policy]. *Vishegradskaia Evropa*. No 3, pp. 25–34. (in Russian).

Mikhalev O.Yu. (2021b) Kuda vedet Pol'shu krizis v otnosheniakh s ES [Where is the crisis leading Poland in relations with the EU?]. *Vishegradskaia Evropa*. No 2, pp. 78–95. (in Russian).

Mikhalev O.Yu. (2020) Pol'sko-amerikanskije otnosheniia v period prezidentstva D. Trampa (2017–2020 gg.) [Polish-American relations during the presidency of D. Trump (2017–2020)]. *Problemy stran postsovetskogo prostranstva, Tsentral'noi i Jugo-Vostochnoi Evropy: sbornik nauchnykh statei*. Vol. 4. Voronezh, pp. 224–238. (in Russian).

Partacz Cz. (2017) Krytyczne spojrzenie na europejskie aspiracje Ukrainy i stanowisko Polski [A critical look at the European aspirations of Ukraine and Poland's position]. *Rocznik integracji europejskiej*. Nr 11, pp. 119–134. DOI: 10.14746/rie.2017.11.9. (in Polish).

Pavlova M.S. (2021a) Pol'sko-amerikanskije otnosheniia v 2020 g.: vojenno-politicheskiy aspekt [The military-political aspect of Polish-American relations in 2020]. *Russia and America in the 21st Century*. Is. 2. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760015883-8-1/> DOI: 10.18254/S207054760015883-8. (in Russian).

Pavlova M.S. (2021b) Pol'sha v transatlanticheskoi politike administratsii Dzh. Baidena v 2021 g. [Poland in the transatlantic policy of the Joe Biden administration in 2021]. *Russia and America in the 21st Century*. Special Issue. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760018181-6-1/> DOI: 10.18254/S207054760018181-6. (in Russian).

Rusakova M.Yu. (2021) Pol'sha i Vengriia: krizis v otnosheniakh s ES v 2021 g. [Poland and Hungary: crisis in relations with the EU in 2021]. *Vishegradskaia Evropa*. No 4, pp. 51–66. (in Russian).

Shishelina L.N. (2020) Budapesht i Varshava: protivostoyanie s Bryusselem [Budapest and Warsaw: Confrontation with Brussels]. *Sovremennaja Evropa*. No 7, pp. 5–15. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720200515>. (in Russian).

Shishelina L., Gabarta A. (2021) Na granice tuchi hodyat hmuro: kak Minsk iz vostochnogo partnera ES prevratilsya v narushitelya spokojstviya [Clouds go gloomily at the border: how Minsk turned from the EU's eastern partner into a troublemaker]. *RIAC*, 29.11. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-granitse-tuchi-khodyat-khmuro-kak-minsk-iz-vostochnogo-partnera-es-prevratilsya-v-narushitelya-sp/> (accessed: 15.04.2022). (in Russian).

Zverev Yu. (2016) Vojennaia infrastruktura NATO v Pol'she – analiticheskaya zapiska [NATO military infrastructure in Poland – analytic note]. *Evrasiia. Ekspert*. 2016. 25.11. URL: <http://eurasia.expert/voennaya-infrastruktura-nato-v-polshe-analiticheskaya-zapiska/> (accessed: 12.04.2022). (in Russian).

УДК: 314.748

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ТРУДОВУЮ МИГРАЦИЮ ИЗ АРМЕНИИ В РОССИЮ¹

© 2022 **РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич***

*Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Директор Института демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук ИДИ ФНИСЦ РАН
119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1;
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: riazan@mail.ru

© 2022 **КУЗНЕЦОВ Никита Григорьевич****

*Младший научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН
119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1
**E-mail: nick_smith@mail.ru*

Поступила в редакцию 05.05.2022

После доработки 23.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Пандемия COVID-19 внесла существенные изменения в интенсивность миграционных процессов между Россией и Арменией. Целью данной статьи является изучение последствий внешних шоков, влияющих на перемещение трудовых мигрантов между этими странами. В статье собраны и проанализированы статистические сведения армянских и российских ведомств, организующих учет миграционных процессов, исследованы основные показатели рынка труда, объемы денежных переводов. Для сбора сведений об ограничениях, с которыми столкнулись мигранты в период пандемии, использован контент-анализ СМИ и социальных сетей. Выявлено, что пандемия качественно видоизменила потоки трудовых мигрантов из Армении в Россию (рост продолжительности сроков пребывания, более ответственное отношение к оформлению пребывания и т. д.), и привела лишь к временному снижению количественных показателей миграции. Установлено, что объемы денежных переводов частных лиц в Армению восстановились к 2021 г., однако кризисные явления привели к снижению доли средств,

¹ Публикация выполнена в рамках проекта №060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

поступающих от трудовых мигрантов в РФ, которые стали замещаться иными источниками (при сохранении направленности потоков мигрантов в Россию).

Ключевые слова: Армения, трудовая миграция, пандемия COVID-19, Россия, денежные переводы.

DOI: 10.31857/S0201708322050047

EDN: glouor

Россия и Армения имеют богатую историю миграционного взаимодействия, характеризующуюся многолетним опытом приема Россией армянских трудовых мигрантов. До 95% мигрантов из Армении выбирают российский рынок труда, уезжая на сезонные или более длительные заработки.

В 2020 г. пандемия COVID-19 и введенные большинством стран мира карантинные ограничения стали серьезным внешним шоком для многих экономик мира. В развивающихся странах выездная миграция способствовала снижению социальной напряженности внутри страны, а страны-реципиенты столкнулись с внезапным «вакуумом» на рынке труда. Так пандемия стала триггером изменений, затронувших миграционные процессы между Арменией и Россией, что определяет необходимость исследования влияния внешних шоков на миграционные потоки между странами, ранее отличавшиеся достаточно высокой степенью стабильности и «зрелости» миграционного обмена.

Целью исследования является изучение изменений, произошедших после 2020 г. в миграционных процессах между Арменией и Россией. Основными задачами являются исследование количественных и структурных изменений в потоках трудовых мигрантов из Армении в Россию в 2020–2022 гг. в сравнении с предыдущим периодом, который можно взять за отправную точку, оценка перспектив сохранения этих изменений на длительный срок, анализ социальных и экономических последствий изменений на рынке труда республики.

В качестве источников информации в статье использованы данные Евразийской экономической комиссии, Статистического комитета Республики Армения (Армстат), Всемирного банка и Центрального банка РФ, официальные публикации органов государственной власти Республики Армения.

Миграционные процессы в Армении в 2015–2021 гг.

Для оценки изменений в миграционных процессах, появившихся в результате пандемии COVID-19, необходимо определить основные тенденции, которые были характерны для движения населения в Армении в предыдущие годы и могут рассматриваться в качестве базовых показателей.

В 2019 г. Служба национальной безопасности РА (СНБ РА) зафиксировала 4319 тыс. въездов и 4309 тыс. выездов из страны, из которых 2392 тыс. и 2399 тыс. соответственно пришлось на граждан Армении [Статистический..., 2020]. Данные СНБ РА указывают, что посещающие страну иностранцы преимущественно являются туристами (1894 тыс. из 1927 тыс.), однако лишь 29% из них размещались в объек-

тах гостиничного хозяйства. Это указывает на значительную долю этнических армян среди иностранных туристов, сохраняющих устойчивые связи со страной. Подобные процессы могут исказить статистику, затрудняя анализ ситуации.

Армстат указывает на сокращение миграционного оттока из республики в 2015–2019 гг.: в 2015 г. население страны сократилось на 25,9 тыс. чел. из-за нетто-эмиграции, к 2019 г. эта цифра сократилась до 15,4 тыс. чел. Сведения о миграционной убыли населения являются предметом дискуссий между органами власти Армении и научным сообществом. В 2019 г. после публикации Институтом экономической политики им. Е. Гайдара исследования о росте числа мигрантов из Армении в РФ, правительство Армении указало на информацию о снижении отрицательного сальдо миграции до -2,3 тыс. чел. за I полугодие 2019 г., что указывало на невозможность значительного роста числа эмигрантов¹.

В статистике Евразийской экономической комиссией (табл. 1) обращает на себя внимание сокращение оттока населения из Армении в 2018–2019 гг., сменившееся на миграционный прирост в 2020 г. Причиной этого явления стала пандемия COVID-19. Из табл. 2 и рис. 1 видно, что I квартал 2020 г. (до пандемии) демонстрировал тенденцию, аналогичную последним годам – постепенное снижение интенсивности оттока населения из Армении, при этом сам факт оттока сохранялся, отсутствовали признаки перелома тренда в сторону миграционного притока. Однако уже во II квартале, когда действовали наиболее жесткие ограничения и режим ЧП, резко увеличилось число прибывающих в страну при менее интенсивном росте числа выбывших.

Таблица 1

Международная миграция в Армении (2015–2020 гг.)².

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Международная миграция – прибыло (чел.)	19500	13400 (за 9 мес.)	9300	10200	11900	36500
Международная миграция – убыло (чел.)	45400	27500* (за 9 мес.)	32800	28700	27900	33200
Прирост/убыль населения (чел.)	-25900	-24600	-23500	-18500	-16000	3300
Прирост/убыль в % к предыдущему году	119,3	н/д	95,5	78,7	86,5	Убыль сменилась приростом

¹ Ереван опроверг данные о резком увеличении миграции в Россию. // REGNUM, 25.07.2019 г. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2672414.html> (дата обращения: 12.04.2022)

² Таблицы 1-2 и рисунок 1 составлены по материалам: Евразийская экономическая комиссия. Статистические публикации. Экономические индикаторы. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 12.04.2022)

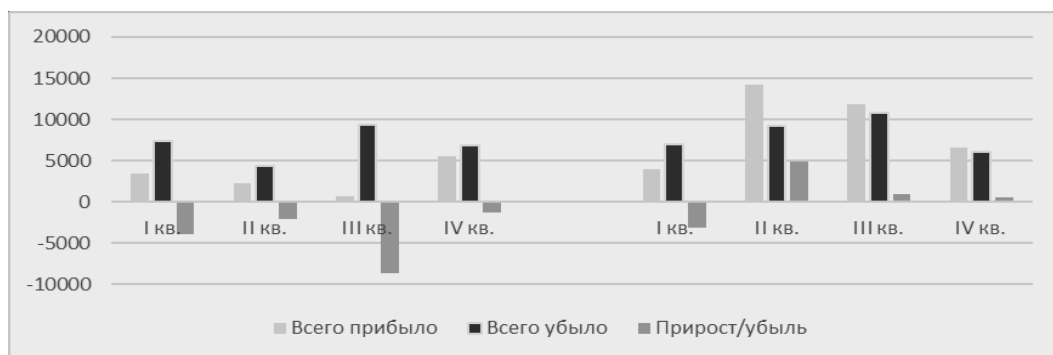
Таблица 2

Международная миграция в Армении (2019-2020 гг.)

	I квартал 2019 г.	II квартал 2019 г.	III квартал 2019 г.	IV квартал 2019 г.	I квартал 2020 г.	II квартал 2020 г.	III квартал 2020 г.	IV квартал 2020 г.
Международная миграция – прибыло (чел.)	3500	2200	700	5500	3950	14150	11800	6600
Международная миграция – убыло (чел.)	7400	4300	9400	6800	7050	9250	10800	6100
Прирост/убыль населения (чел.)	-3900	-2100	-8700	-1300	-3100	4900	1000	500
Прирост/убыль в % к аналогичному периоду прошлого года	97,5	100	134,9	86,5	79,5	Убыль сменилась приростом	Убыль сменилась приростом	Убыль сменилась приростом

Рисунок 1

Международная миграция в Армении (2019-2020 гг.)

В результате к концу года заметная миграционная убыль, фиксировавшаяся в 2019 г. сменилась небольшим миграционным приростом, связанным с возвращением мигрантов, потерявших работу за рубежом и невозможностью части населения выехать на заработки из-за ограничений.

Объяснение росту притока и оттока населения следует искать в усилении трансграничного контроля и повышении числа мигрантов, которые стали официально регистрировать свое проживание в республике. Косвенно это подтверждает статистика по миграционному учету иностранцев: В 2020 г. поставлено на миграционный учет 5868 чел., в т.ч. из государств – участников СНГ – 5409; в 2019 г.: поставлено на учет 6925 чел., в т.ч. из СНГ – 2753)¹. Если в 2019 г. на миграционный учет

¹ Миграционная ситуация в Республике Армения за 2020 год. Интернет-портал СНГ. Пространство интеграции. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91016/> (дата обращения: 12.04.2022)

вставали в основном граждане стран дальнего зарубежья, то в 2020 г. они практически перестали приезжать в республику, а граждане стран СНГ стали регистрироваться по месту жительства из-за введенных в период пандемии ограничений.

При этом не следует воспринимать данные о росте интенсивности миграции в этот временной период в Армении буквально. Речь идет об увеличении численности корректно оформленных перемещений, в то время как иные доступные данные свидетельствуют о понятном снижении интенсивности миграции. В 2020 г. число иностранных граждан, въехавших в страну, составило 415 тыс. чел., что на 78,9% ниже, чем в 2019 г., а выехавших – 446 тыс. чел. (на 79,1% ниже, чем в 2019 г.). Пандемия сократила миграционный обмен Армении с соседними странами, включая Россию, в которую по разным оценкам выезжали от 70 до 95% трудовых мигрантов из республики.

Статистика въездов-выездов может дать опосредованную информацию о влиянии различных процессов на трудовую миграцию. Для дальнейшего анализа рассмотрим ситуацию на рынке труда Армении, сложившуюся в 2015–2019 гг. (табл. 3), а также сведения о численности рабочей силы из республики, находящейся в России.

Таблица 3

Основные показатели рынка труда Армении (2015–2020 гг.)¹

	2015	2016	2017	2018	2019
Рабочая сила, тыс. чел.	1 316,4	1 226,3	1 230,7	1 141,5	1 167,3
Занятость населения, тыс. чел.	1 072,6	1 006,2	1 011,7	907,5	946,8
Безработные (по методологии МОТ), тыс. чел.	243,7	220,2	219,0	234,0	220,5
Уровень безработицы, %	18,5	18,0	17,8	20,5	18,9

Армения до пандемии являлась страной с наиболее высоким показателем безработицы среди стран ЕАЭС, до пятой части населения являются безработными. Наряду с невысокой средней заработной платой (в 2019 г. – 380 долл. США), это обуславливает высокий интерес к миграции, в первую очередь в Россию. Дополнительным выталкивающим фактором является сравнительно высокий уровень квалификации трудовых ресурсов Армении, что позволяет мигрантам из этой страны находить высокооплачиваемую работу в России.

Трудовая миграция из Армении носит выраженный сезонный характер. В апреле-октябре 2014–2016 гг. фиксировалось снижение численности наличного населения

¹ Таблица 3 составлена по материалам: Евразийская экономическая комиссия. Статистические публикации. Экономические индикаторы. Статистический ежегодник 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2020.pdf (дата обращения: 12.04.2022)

Армении примерно на 80 тыс. человек, однако уже в 2018–2019 гг. эти колебания стали менее заметны (до 40–50 тыс. чел.)¹. Одним из объяснений стал рост численности туристов в республике – часть мигрантов, покидающих страну в марте-апреле (например, для работы в сфере частного строительства), возвращаются к пику летнего сезона в июне-августе для работы в сфере туристического обслуживания.

В научных публикациях и комментариях экспертов и официальных лиц в СМИ встречаются различные оценки относительно доли армянских мигрантов, трудящихся в России, от 70 до 95%². По данным Росстата в 2019 г. в России находилось 314,6 тыс. граждан Армении, из них трудящихся-мигрантов – 212,6 тыс. чел. При этом 267 тыс. из 314,6 тыс. проживали на территории РФ непрерывно более пяти лет, что свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне интеграции армянского населения в российское общество [Рязанцев и др., 2021]. Республика занимает второе место среди стран-членов ЕАЭС по численности мигрантов в России после Казахстана, несмотря на небольшую численность населения.

Подавляющее большинство международных мигрантов из Армении задействовано в строительстве и оказании транспортных услуг (из трудоустроенных в домохозяйствах – 52,3% и 37,1% соответственно, а из нанятых юридическими лицами – в строительстве (39,7%), торговле (25,3%) и в обрабатывающей промышленности (22,8%). По данным Армстата, до 80% эмигрантов из страны заняты в строительстве³. Расхождения в оценках, по всей видимости, связаны с разницей в методологии сбора сведений.

Учитывая частичную остановку строительства, ограничения на работу объектов торговли и снижение транспортной активности в России в период пандемии, многие граждане Армении были вынуждены вернуться на родину или не покидать страну в 2020 г. (табл. 4). Рост всех количественных показателей рынка труда при стабильной демографической структуре населения свидетельствует о притоке рабочей силы. При этом де-факто границы Армении для иностранных граждан были закрыты, т. е. прирост возник из-за возвращения армян, преимущественно из России.

Данные МВД РФ также свидетельствуют о «пропуске» сезона 2020 г. в России армянскими рабочими⁴. В 2019 г. 634,3 тыс. граждан Армении было поставлено на миграционный учет в РФ (пересекли границу), 331,1 тыс. из которых – первично. Из последних 210,5 тыс. в качестве цели въезда указали работу. В 2020 г. зафиксировано резкое снижение: 364,6 тыс. въездов, 116,5 тыс. из них – первичных, лишь

¹ Демографические итоги 2019 года в Армении. Ереван и регионы. Миграционная ситуация в стране // Кавказский Узел. 10.02.2020 г. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/41693> (дата обращения: 12.04.2022)

² Министр: 95% сезонных и 75% долгосрочных трудовых мигрантов из Армении выезжают в Россию. // АМИ Новости – Армения, 20.09.2018. URL: <https://newsarmenia.am/news/society/ministr-95-sezonnykh-i-75-dolgosrochnykh-trudovykh-migrantov-iz-armenii-vyezshayut-v-rossiyu/> (дата обращения: 12.04.2022)

³ Migration snapshot of the Republic of Armenia – 2018. // Армстат, 2019. URL: https://www.armstat.am/file/article/migration_profile_eng_2018.pdf (дата обращения: 12.04.2021)

⁴ Министерство внутренних дел России. Статистические сведения по миграционной ситуации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 19.04.2022)

Таблица 4

Динамика численности безработных в Армении (2019–2020 гг.)¹

	2019 г. (III кв.)	2020 г. (III кв.)	% к аналогичному периоду прошлого года
Численность рабочей силы в республике, тыс. чел.	1207,3	1249,9	103,5
Численность занятых, тыс. чел.	990,4	1023,0	103,3
Численность безработных, тыс. чел.	216,9	226,9	104,6

69 тыс. указали работу в качестве цели поездки. При этом сохранилась доля тех, кто указывает работу в качестве цели пересечения границы (63,6% в 2019 г. и 59,2% в 2020 г.) при заметном снижении доли вставших на первичный миграционный учет (56,1% в 2019 г. против 35,8% в 2020 г.). Это можно объяснить тем, что первичный миграционный учет позволяет находиться в стране до 90 дней, после чего необходимо либо покинуть РФ, либо зарегистрироваться на постоянной основе. В 2019 г. мигранты из Армении предпочитали возвращаться на родину для получения новой возможности въезда без бюрократических сложностей, а в 2020 г. большинство из тех, кто все же смог приехать в Россию, были вынуждены пройти процедуру продления регистрации (для этого был необходим официальный трудовой договор), в связи с чем доля лиц, вставших лишь на первичный миграционный учет, упала.

В 2021 г. число граждан Армении, вставших на миграционный учет, достигло 578,8 тыс. чел. 389,8 тыс. (73%) из них указали работу в качестве цели поездки. Тем не менее общее число армянских мигрантов в РФ в 2021 г. не достигло допандемийных значений, что объясняется сохранением сложностей с пересечением границ и дороговизной авиабилетов.

Закрытие границ и отмена, а затем ограниченное восстановление воздушного и наземного сообщения привело к серьезным последствиям для Армении. Значительная доля мигрантов в 2020 г. были вынуждены покинуть Россию, с которой у РА отсутствует сухопутная граница. При этом многие мигранты используют личный автотранспорт, уезжая в Россию через Грузию.

Армения была вынуждена организовывать вывозные рейсы и участвовать в трехсторонних переговорах с Россией и Грузией для транзита армянских граждан через Грузию, однако свободный пропуск в течение ограничительных мер не осуществлялся². Дополнительную проблему для многих армян создавала необходимость оставить свои автомобили на неопределенный период на территории РФ.

¹ Таблица 4 составлена по материалам: Евразийская экономическая комиссия. Статистические публикации. Экономические индикаторы. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Bulletin_SDI/SDI%202020_12.pdf (дата обращения: 12.04.2022)

² Официальный сайт Правительства Армении. URL: <https://www.gov.am/ru/news/item/9693/> (дата обращения: 12.04.2022)

Поток мигрантов из Армении в Россию не только сократился в период пандемии, но и претерпел структурные изменения в 2020–2021 гг. Уменьшилось число трудовых мигрантов, проживающих в России менее 90 дней подряд. Снижение этого показателя (за счет продления срока регистрации на основании трудовых договоров) в сочетании с ростом доли пересекающих границу в целях работы указывает на повышение прозрачности миграционных процессов между странами, улучшения соответствия реальной и документальной картины миграционного обмена.

Характерно, что страны, входящие в развивающийся интеграционный механизм (ЕАЭС), в период пандемии не смогли наладить прозрачные взаимные меры поддержки граждан. Ряд авторов отмечает, что пандемия оказала наибольшее влияние именно на рынок рабочей силы и трудовую миграцию в ЕАЭС, затруднив реализацию одной из четырех свобод, предусмотренных Договором о ЕАЭС, а возможные меры по нейтрализации проблем в миграционных процессах между участниками Союза обсуждались в основном на дискуссионных площадках, не перерастая в управленческие решения [Москалевиц, 2021]. В свою очередь, Евросоюз, как более зрелая организация, смог добиться определенного прогресса в этом вопросе. Ряд мигрантов были включены в список «ключевых работников», на которых не распространялись нормы ограничения передвижения, продлены сроки действия временных разрешений на работу и пребывание (аналогичную меру приняла и Россия, однако она была реализована на национальном уровне, не на уровне ЕАЭС), изменены требования к минимальному уровню дохода, необходимого для получения ВНЖ [Семеко, 2021].

Влияние трудовой миграции из Армении на социально-экономическое положение

При характерной для Армении высокой безработице рост численности рабочей силы оказал негативное влияние на социальную сферу страны. В республике в 2020 г. фиксировались массовые протесты с требованием содействовать открытию границ с Россией и другими странами, поскольку семьи, традиционно получавшие средства от трудовой деятельности за рубежом, остались без привычных доходов. Россия также испытывает проблемы, связанные с оттоком мигрантов, о чем свидетельствуют поручения Президента РФ правительству по упрощенному привлечению рабочей силы в страну¹.

Правительство Армении рассматривало возможность создания временных рабочих мест для граждан, которые в 2020 г. не смогли выехать на заработки. Глава правительства Н. Пашинян заявлял о готовности задействовать их внутри страны на временных работах². Для этого предполагалось реализовать крупные строи-

¹ Перечень поручений по итогам совместного заседания Госсовета РФ и Совета по стратегическому развитию и нацпроектам РФ. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64900> (дата обращения: 12.04.2022)

² Пашинян пояснил как намерен обеспечить работой трудовых мигрантов. //Sputnik Армения. 22.06.2020. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20200622/23475221/Pashinyan->

тельные проекты – реконструировать дороги, построить школы и больницы. Планировалось создать от 500 до 1000 временных рабочих мест в строительной сфере в каждой из 11 областей Армении, а министерство территориального управления и инфраструктуры дополнительно должно было создать около 2000 рабочих мест¹. Однако публичные сведения о реализации подобных программ отсутствуют.

Как уже было отмечено выше, причиной большой миграционной мобильности армянского населения является высокий уровень безработицы и низкий уровень заработной платы в республику по сравнению с Россией. При этом направление потоков трудящихся, где преобладает РФ, связано также с проживанием в России огромной диаспоры этнических армян (до 2,2 млн) [Топилин и др., 2021], что облегчает процессы адаптации, поиска жилья и работы для временно прибывающих. Трудовая миграция позволяла снизить социально-экономическую напряженность в республике за счет снижения безработицы и денежных переводов внутрь страны. Следует оговориться, что объем переводов физических лиц между странами состоит не только из пересылаемых трудовыми мигрантами средств, однако этот показатель позволяет получить представление о влиянии трудовой миграции на социально-экономическое положение республики.

По оценкам представителей Центрального банка Армении, влияние поступлений из-за рубежа на экономику страны в последние годы снижалось. На графике (рис. 2) видно, что с 2015 до 2019 г. объем полученных денежных переводов практически не менялся, колеблясь в районе 1,5 млрд долл. США ежегодно, но по мере роста ВВП Армении отношение этого показателя к ее ВВП медленно падало до 11,2% в 2019 г. (рекордный показатель – 19,7% в 2013 г.).

Сопоставление рис. 2 и рис. 3 указывает, что заметное снижение масштабов денежных переводов в Армению связано с падением объемов переводов из России после 2014 г. и обусловлено изменением курса рубля. В свою очередь, снижение в 2020 г. связано с пандемией COVID-19. Это хорошо видно из рис. 4 – для переводов в Армению характерна сезонность – основная масса средств поступает во II полугодии. В 2020 г. в I квартале объем полученных переводов лишь незначительно снизился к предыдущему году, с 391 до 353 млн долл. США, а во II квартале в республику поступило лишь 362 млн долл. США против 475 млн в 2019 г. Однако уже к III кварталу (когда часть ограничений была снята) объем полученных средств восстановился. При этом переводы из России остались на низком уровне – 243 млн долл. США против 320 млн в 2019 г. Следует предположить, что значительная доля средств из России поступает от сезонных трудовых мигрантов, которым не удалось в 2020 г. выехать на заработки, а переводы из других стран поступают от родственников, постоянно проживающих за рубежом, и сохранивших свой доход.

royasnil-kak-nameren-obespechit-trudovykh-migrantov-rabotoy-v-Armenii.html (дата обращения: 12.04.2022)

¹ «Под замком»: армянские трудовые мигранты не могут выехать в Россию. // Jam News. 10.06.2020. URL: <https://jam-news.net/ru/армянские-мигранты-хотят-выехать-в-ро/> (дата обращения: 12.04.2022)

Рисунок 2

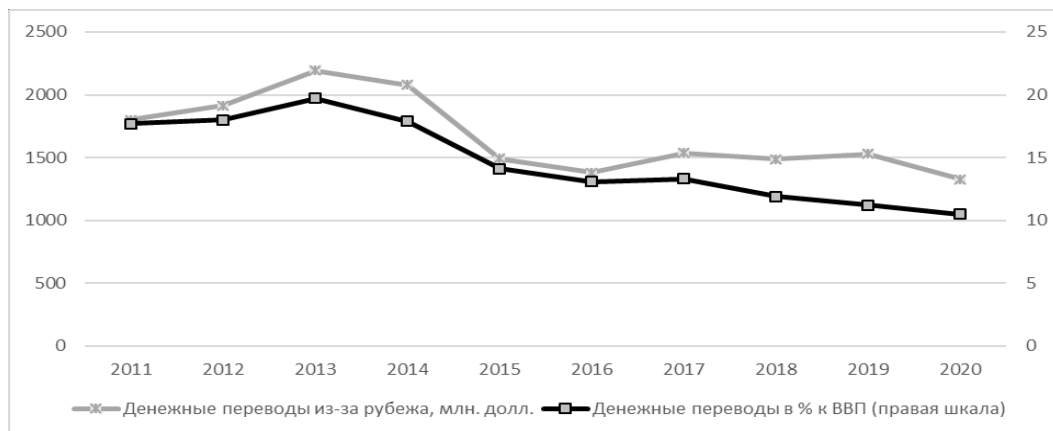
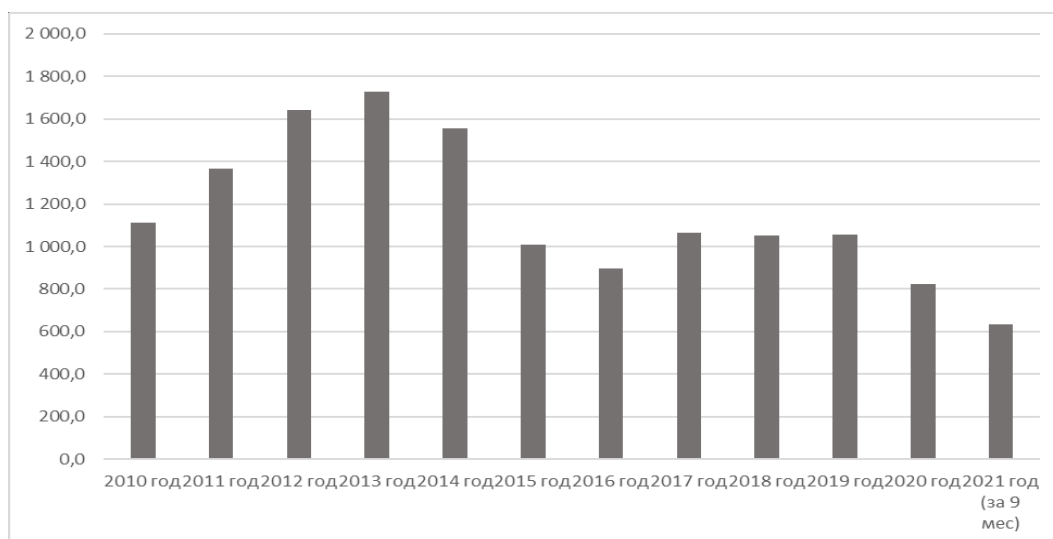
Денежные переводы частных лиц в Армению¹

Рисунок 3

Денежные переводы частных лиц в Армению, млн долл.²

¹ Рисунок 2 составлен по материалам: The World Bank. Databank. URL: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=BX.TRF.PWKR.CD.DT&country=ARM#> (дата обращения: 12.04.2022)

² Рисунки 3 и 4 составлены по материалам: Евразийская экономическая комиссия. Статистические публикации. Экономические индикаторы. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/statpub.aspx (дата обращения: 12.04.2022)

Рисунок 4

Денежные переводы в Армению, млн долл.

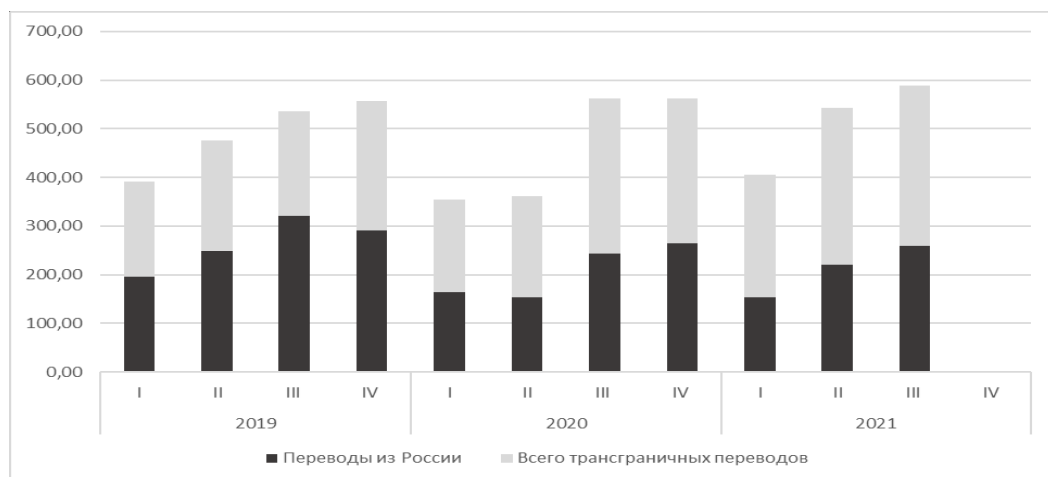

Таблица 5

Денежные переводы из России в Армению в 2019–2021 гг., млн долл.¹

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
2019	194,2	266,4	361,2	290,1
2020	169,2	182,7	250,7	226,4
2021	150,7	220,5	268,0	227,6

В 2021 г. наблюдалось восстановление показателей, однако переводы из России восстанавливались медленными темпами, в то время как общий объем поступлений в III квартале 2021 г. уже превысил показатели 2019 г. Данные Центрального Банка РФ (Табл. 5) указывают на то, что объем переводов не восстановился до показателей 2019 г. в течение всего 2021 г.

Объем денежных переводов от временных трудовых мигрантов (повторимся, что по различным оценкам, от 70 до 95% армянских граждан этой категории работает в России) снизился, как и степень его влияния на экономическую ситуацию и социальное благополучие в республике, в то время как масштабы денежных переводов частных лиц в целом (от представителей диаспоры, постоянно проживающей за рубежом) меньше подвержены внешним шокам, кризисным явлениям, подобным пандемии COVID-19.

¹ Статистика. Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/tg/ (дата обращения: 12.04.2022)

Статистические данные указывают на восстановление миграционного оттока населения из Республики Армения в 2021 г., миграционная убыль составила 43874 человек¹, что существенно превышает докризисные показатели. Анализ указывает на сохраняющуюся сезонность миграции – по итогам I–III кварталов 2021 г. миграционная убыль достигала 103 тыс. человек.

Статистика МВД РФ также указывает на заметный рост в 2019–2021 гг. числа граждан Армении, получивших российское гражданство. В 2019 г. этот показатель составлял 24 тыс. чел., в 2020 г. – 30,5 тыс., а в 2021 г. достиг 46,9 тыс. Пандемия стала триггером принятия решения об окончательном переезде в Россию для ряда семей, которые ранее жили фактически «на две страны».

Еще одним аспектом, который может заметно повлиять в будущем на процессы трудовой миграции между Арменией и Россией, является появление встречного потока мигрантов из России в Армению в феврале-апреле 2022 г. на фоне проведения специальной военной операции РФ на Украине. Министр экономики РА в середине апреля заявил о 75 тыс. прибывших из России с конца февраля по начало апреля². Поток «релокантов», как зачастую называют мигрантов этой волны в прессе, может вызвать такие позитивные для Армении последствия как привлечение новых инвестиций в республику из России, создание инновационных предприятий в IT отрасли, сфере услуг, финансах, приток частных денежных средств из-за рубежа, что позволит сократить отток трудовых мигрантов из страны.

На данный момент, однако, изучение этих последствий кажется пока преждевременным, поскольку слишком рано говорить о долговременных изменениях. Однако опыт COVID-19 показал, что внешние причины могут стать триггером структурных изменений в миграционных потоках.

Заключение

В ходе исследований выявлены последствия пандемии COVID-19, затронувшие рынок труда Армении, потоки трудовых мигрантов из республики и объемы денежных переводов. Армения является страной с выраженной сезонной трудовой миграцией, преимущественным направлением выезда является Россия.

До 95% трудовых мигрантов из Армении выезжают на работу в Россию. Закрытие границ между странами вынудило многих вернуться на родину, они сталкивались с трудностями в логистике и с социально-экономическими последствиями пропуска рабочего сезона 2020 г.

¹ Социально-демографическое положение республики Армения в 2021 г. Пресс-релиз. Армстат, 2022 г. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99528863.pdf>. (дата обращения: 19.04.2022)

² Министр экономики Армении — РБК: «Следим, чтобы не попасть под санкции»// РБК, 15.04.2022 г. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/15/6256a3859a79472db87aeece> (дата обращения: 19.04.2022)

Падение объемов денежных переводов из России в I полугодии 2020 г. было отчасти компенсировано поддержкой диаспоры за рубежом, денежные переводы за год сократились лишь с 1,53 до 1,33 млрд долл. К 2021 г. республика практически вышла на показатели 2019 г., однако объемы получаемых из России средств так и остались ниже уровня, зафиксированного до пандемии. В связи с невозможностью выезда населения на заработки в РФ, рынок труда Армении стал испытывать повышенное давление: миграционный отток из страны сменился временным притоком населения. Численность рабочей силы выросла на 3,5%, а безработица – на 4,6%. На фоне высокого уровня безработицы (18,9%) это привело к массовым выступлениям граждан с требованиями обеспечить их работой или дать возможность выехать на заработки. Разрабатываемые правительством Армении меры по созданию временных рабочих мест в строительстве не были реализованы из-за недостатка средств и отчасти из-за политических проблем (обострение конфликта в Нагорном Карабахе).

Россия также пострадала из-за ситуации во время пандемии. На рынке труда образовался серьезный «вакуум», некоторые отрасли (строительство, сельское хозяйство, торговля и сфера услуг) продолжают испытывать дефицит рабочей силы до сих пор. Следует заметить, что страны ЕАЭС в период пандемии не предпринимали серьезных попыток действовать сообща и оставить трудовых мигрантов на территории РФ. Практика показала, что к середине 2020 г., когда большая часть мигрантов смогла покинуть Россию, а карантинные ограничения были смягчены, трансграничная миграция все равно сталкивается с затруднениями.

В связи с этим показатели перемещений между странами в 2021 г. оказались ниже уровня 2019 г., однако сложности с пересечением границ привели к заметным качественным изменениям – повысилась прозрачность миграционных процессов между странами, наметился рост соответствия реальной и документальной картины миграционного обмена. Если раньше более половины армянских мигрантов предпочитали выезжать из России на родину не реже, чем 1 раз в 90 дней, то уже к 2020 г. этот показатель снизился до 35,8%. Это можно считать положительным изменением: для продления регистрации свыше 90 дней необходимо наличие трудового договора, что косвенно указывает на рост числа легально трудоустроенных мигрантов. Зафиксированная тенденция сохранилась и в 2021 г. – это отразилось в росте доли указавших работу в качестве цели поездки в Россию до 73%, что примерно соответствует реальной картине миграционного обмена между странами, полученного в результате выборочных обследований Росстата еще до пандемии.

Странам ЕАЭС следует обратить внимание на необходимость выработки совместных взаимовыгодных решений в случае появления внешних шоков, подобных COVID-19. В случае с пандемией целесообразным было бы создание механизма временной поддержки трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, законно пребывавших на территории России, финансируемого совместными усилиями стран-участниц. Это позволило бы сохранить трудовые ресурсы на территории РФ, где они востребованы, и снизить негативные социальные последствия в странах миграционного оттока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аракелян И.А., Погосян Р.М. (2022) Динамика и структура трудовой миграции из Армении. *Sciences of Europe*, № 87-2. DOI: 10.24412/3162-2364-2022-87-2-58-63
- Красинец Е.С. (2021) Пандемия коронавируса и ее эффекты в трансформациях трудовой миграции в современной России. *Евразийское Научное Объединение*. № 1-4 (71). С. 253–256. DOI 10.5281/zenodo.4526660
- Лескова И.В., Осадчая Г.И., Петров В.Н. (2021) Мигранты армяне в российском социально-территориальном пространстве: теоретико-методологические основания эмпирического исследования. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, № 2. DOI: 10.15862/24SCSK221
- Маркаров А.А., Давтян В.С. (2020) Социально-экономическая ситуация в Армении в период пандемии COVID-19: влияние карантинных мер на энергетический сектор. *Геоэкономика энергетики*. № 4 (12). С. 59–76.
- Москалевич Г.Н. (2021) Правовое регулирование миграционных процессов в условиях евразийской интеграции и пандемии COVID-19. *ДЕМИС. Демографические исследования*. Том 1. № 3. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.8
- Осадчая Г.И. (2021) *Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества*. [Монография], Экон-Информ. 346 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021
- Осадчая Г.И., Варганова М.Л. (2021) Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19). *Вопросы управления*. № 1. С. 62–74.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Апанович, М.А., Дзусова Д. (2021) Этнические общины выходцев из стран Южного Кавказа в России: особенности формирования и экономический вклад в развитие Родины. *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 24 (1). С. 52–67. DOI 10.37178/са-с.21.1.05
- Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. (2020) Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ. *Балтийский регион*, № 12 (4). С. 10–38.
- Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д., Смирнов А.В. (2020) The impact of the covid-19 pandemic on migration and employment in Russia and post-Soviet countries. I Russian-Iranian Sociological Forum. Collection of abstracts of the Forum participants' reports (Moscow, November 16-18, 2020). ИТД ПЕРСПЕКТИВА. С. 475–488.
- Семекко Г.В. (2021) Трудовая миграция в Евросоюзе в условиях кризиса COVID-19. *Экономические и социальные проблемы России*. № 4. С. 110–128. DOI: 10.31249/espr/2021.04.06
- Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией. (2020) Под ред. Синявской О.В. Институт социальной политики НИУ ВШЭ. URL: https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries260420.pdf (дата обращения: 12.04.2022)
- Статистический ежегодник Армении 2020. Армстат, (2020). URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99520858.pdf> (дата обращения: 12.04.2022)
- Топилин А.В., Погосян Г.А., Осадчая Г.И., Рязанцев Н.С. (2021) Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграции в ЕАЭС. *Центральная Азия и Кавказ*. Т. 24 (3). С. 117–128. DOI 10.37178/са-с.21.03.09.
- Эндрюшко А.А. (2020) Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ. *Социологические исследования*. № 11. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9

Migration Processes between Russia and Armenia in Times of Crisis

S.V. Ryazantsev*

*Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (Economics)
Professor; Director, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)*

*6, 1, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333;
Peoples' Friendship University of Russia
6, Mikluho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198*

***E-mail:** riazan@mail.ru

N.G. Kuznetsov**

*Junior Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
6, 1, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333*

****E-mail:** nick_smith@mail.ru

The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project №060120-2-174.

Abstract. The COVID-19 pandemic has led to significant changes in the intensity of migration processes between Russia and Armenia. The purpose of this article is to study the consequences of external shocks affecting the movement of migrant workers between these countries. Authors collected and analyzed statistical data of Armenian and Russian government units that register migration processes, investigated the main indicators of the labor market, the volume of private money transfers. The content analysis of mass media and social networks was conducted to collect information about the restrictions faced by migrants during the pandemic. The research revealed that the pandemic has qualitatively changed the flows of labor migrants from Armenia to Russia (an increase in the length of stay, a more responsible attitude to the registration of migration, etc.), but it led only to a temporary decrease in the quantitative indicators of migration. The remittances flow to Armenia has recovered by 2021. However, the crisis has led to a decrease in the share of funds received from labor migrants in the Russian Federation, which have been replaced by other sources (while migrant flows to Russia remain at the same level).

Key words: Armenia, labor migration, COVID-19 pandemic, Russia, money transfers.

DOI: 10.31857/S0201708322050047

EDN: glouor

REFERENCES

- Arakelyan I.A., Pogosyan R.M. (2022) Dinamika i struktura trudovoi migracii iz Armenii [Dynamics and structure of labor migration from Armenia]. *Sciences of Europe*, No 87-2. DOI: 10.24412/3162-2364-2022-87-2-58-63 (In Russian).
- Krasinets E.S. (2021) Pandemiya koronavirusa i ee effekti v transformaciyah trudovoi migracii v sovremennoi Rossii [The coronavirus pandemic and its effects in the transformations of labor migration in modern Russia]. *Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie*. No 1-4 (71), pp. 253–256. DOI 10.5281/zenodo.4526660 (In Russian).
- Leskova I.V., Osadchaya G.I., Petrov V.N. (2021) Migranty armyane v rossijskom social'no-territorial'nom prostranstve: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya empiricheskogo issledovaniya [Armenian migrants in the Russian socio-territorial space: theoretical and methodo-

logical bases of empirical research], *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya*, No 2. DOI: 10.15862/24SCSK221 (In Russian).

Markarov A. A., Davtyan V. S. (2020) Social'no-ekonomicheskaya situatsiya v Armenii v period pandemii COVID-19: vliyanie karantinnykh mer na energeticheskij sektor [Socio-economic situation in Armenia during the COVID-19 pandemic: impact of quarantine measures on the energy sector], *Geoekonomika energetiki*. No 4 (12), pp. 59–76. (In Russian).

Moskalevich G.N. (2021) Pravovoye regulirovaniye migratsionnykh protsessov v usloviyakh evraziyskoy integratsii i pandemii COVID-19. [Legal regulation of migration processes in the context of Eurasian integration and the COVID-19 pandemic]. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*. No 3. DOI: 10.19181/demis.2021.1.3.8 (In Russian).

Osadchaya, G.I. (2021) *Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: potencial razvitiya, format sotrudnichestva*, [The Eurasian Economic Union: development potential, format of cooperation.], Ekon-Inform. 346 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021 (In Russian).

Osadchaya G.I., Vartanova M.L. (2021) Demograficheskaya bezopasnost' i tendentsii razvitiya migratsionnykh processov v evraziyskom ekonomicheskom soyuze v usloviyakh pandemii (COVID-19) [Demographic security and trends in the development of migration processes in the Eurasian Economic Union in the context of a pandemic (COVID-19)], *Voprosy upravleniya*. No 1, pp. 62–74. (In Russian).

Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E., Apanovich, M.A., Dzusova D. (2021) Etnicheskie obshchiny vyhodcev iz stran Yuzhnogo Kavkaza v Rossii: osobennosti formirovaniya i ekonomicheskij vklad v razvitie Rodiny [Ethnic communities of immigrants from the countries of the South Caucasus in Russia: features of formation and economic contribution to the development of the Motherland], *Central'naya Aziya i Kavkaz*. Vol. 24 (1), pp. 52–67. DOI 10.37178/ca-c.21.1.05 (In Russian).

Ryazancev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. (2020) Vliyanie pandemii COVID-19 na polozhenie migrantov na rynkakh truda stran SNG [The impact of the COVID-19 pandemic about migrants in the labor markets of the CIS countries], *Baltiyskij region*, No 12 (4), pp. 10–38. (In Russian).

Ryazancev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D., Smirnov A.V. (2020) Vliyanie pandemii covid-19 na migratsiyu i zanyatost' v Rossii i stranah postsovetskogo prostranstva. I Rossijsko-Iranskij sociologicheskij forum. Sbornik tezisov dokladov uchastnikov foruma (Moskva, 16 – 18 noyabrya 2020 g.). ITD PERSPEKTIVA, pp. 475–488.

Semeko G.V., 2021. Trudovaya migratsiya v Evrosoyuze v usloviyakh krizisa COVID-19 [Labor migration in the European Union in the context of the COVID-19 crisis]. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye problemy Rossii*, No 4, pp. 110–128. DOI: 10.31249/espr/2021.04.06 (In Russian).

Obzor mezhdunarodnoj praktiki podderzhki ekonomiki i naseleniya v usloviyakh bor'by s pandemiej. Institut social'noj politiki NIU VSHE (2020) [International practice of economy and the population supporting in the fight against the pandemic]. Ed. Sinyavskaya O.V. URL: https://isp.hse.ru/data/2020/04/29/1544579194/COVID-19_stimulus%20packages_countries260420.pdf (accesses: 12.04.2022) (In Russian).

Armenian statistical yearbook 2020. Armenian Statistical Comitee, (2020) URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99520858.pdf> (accesses: 12.04.2022) (In Russian).

Topilin A.V., Pogosyan G.A., Osadchaya G.I., Ryazancev N.S. (2021) Social'no-ekonomicheskij potencial armyanskoj diaspory v kontekste integratsii v EAES [Socio-economic potential of Armenian diaspora in context of integration in the EAEU] *Central'naya Aziya i Kavkaz*, No 24 (3), pp. 117–128. DOI 10.37178/ca-c.21.03.09. (In Russian).

Endryushko A. A., 2020. Integratsiya v rossijskoe obshchestvo migrantov iz Azerbajdzhana i drugih stran postsovetskogo prostranstva: sravnitel'nyj analiz [Integration of migrants from Azerbaijan and other post-Soviet countries into Russian society: comparative analysis], *Sociologicheskie issledovaniya*. No 11, pp. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9 (In Russian).

УДК: 341.24

ФРАНЦУЗСКИЙ НАЛОГ ДЛЯ ЕС: ГЕНЕЗИС ТРАНСГРАНИЧНОГО УГЛЕРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

© 2022 **РОГИНКО Сергей Анатольевич***

Кандидат экономических наук

Руководитель Центра экологии и развития Института Европы РАН

Профессор Финансового университета при Правительстве РФ

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

**E-mail: roginco@bk.ru*

Поступила в редакцию 11.04.2022

После доработки 23.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. В статье проанализирован генезис инициативы ЕС по введению трансграничного углеродного налога на импортируемую карбоноёмкую продукцию. Дана оценка позиций стран ЕС по отношению к данной инициативе и прослежена эволюция этих позиций на протяжении последних 25 лет. Проведен анализ тактики Франции как главного сторонника трансграничного углеродного налога по продвижению данного налога в повестку ЕС в ходе ряда президентств, от Ж. Ширака до Э. Макрона. Установлена связь между динамикой переговорного процесса в области климата в рамках ООН и позицией ЕС по отношению к трансграничному углеродному налогу. Особое внимание уделено анализу ранних версий трансграничного углеродного налога ЕС, предшествовавших современной версии данной инициативы, и сопоставлению этих версий по базовым параметрам углеродного налогообложения.

Ключевые слова: Парижское соглашение, выбросы парниковых газов, сокращение выбросов, трансграничное углеродное регулирование (ТУР), пограничный корректирующий углеродный механизм, климатическая повестка, конкурентоспособность, форум Grenelle, Конференция ООН по климату, Киотский протокол.

DOI: 10.31857/S0201708322050059

EDN: glrwlu

¹ *Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.*

Инициатива ЕС по введению пограничного корректирующего углеродного механизма (трансграничного углеродного регулирования, далее по тексту – ТУР), впервые открыто анонсированная Еврокомиссией в 2019 г. в рамках «Зеленого курса», стала неожиданностью как для российского бизнеса, так и для большей части экспертного сообщества. Эта инициатива до сих пор анализируется как данность. Длинная и непростая история ее возникновения остается за рамками оценок. Между тем история вопроса заслуживает самого пристального внимания. Анализ мотивов ЕС и ведущих стран ЕС, а также внешних факторов, влиявших и влияющих на действия ЕС в данной области, не только проясняют многие детали механизма ТУР, но и позволяют оценить вероятность тех или иных действий ЕС по продвижению этого механизма в будущем.

Парижские виды на углерод

Идея трансграничного углеродного регулирования по своему времени появления ненамного отстоит от идеи углеродного налога как такового, поскольку по своей сути она сводится к углеродному налогообложению импортируемых товаров. Мысль о том, что углеродный налог может стать действенным инструментом в торговой конкуренции или просто средством получения дополнительных доходов стране-импортеру за счет страны-экспортера, неизбежно должна была рано или поздно пробиться на уровень принятия политических решений.

В Европе местом появления идеи трансграничного углеродного регулирования в качестве политической инициативы по праву считается Франция. Президенты этой страны – Жак Ширак, Николя Саркози, Франсуа Олланд и Эммануэль Макрон, сменяя друг друга, постоянно продвигали эту идею, превратив ее из предмета европейских дискуссий в политический мейнстрим для ЕС.

Эта идея начала прорабатываться Жаком Шираком в 1995 г.¹ Он первым выдвинул ее в международных политических дебатах о введении налога на границах ЕС на товары, поступающие из стран, которые «не вносят равноценного вклада в международные действия по борьбе с изменением климата». Аргументация базировалась на том, что необходимо сохранить промышленную конкурентоспособность Франции и Европы от «недобросовестной и несправедливой конкуренции» со стороны «безбилетных пассажиров» из других стран, которых обвиняли в безответственном поведении [Godard, 2009]. Однако первоначально трансграничный углеродный налог был воспринят как средство давления или даже угроза для международных переговоров по климату. Что неудивительно: предстояли переговоры по созданию такой конструкции как Киотский протокол, и предложения Ширака могли отпугнуть Россию, Индию и других торговых партнеров ЕС от участия в нём. Изложение реальных интересов Франции и ЕС в климатической повестке было

¹ Combe E. (2021) "La taxe carbone revient par la fenêtre de l'Europe". le 18 Mars 2021. URL: <https://www.emmanuelcombe.fr/la-taxe-carbone-revient-par-la-fenetre-de-leurope-lopinion> (дата обращения: 05.05.2022)

признано преждевременной, что плохо корреспондировало с ролью «климатического лидера», которую бы Евросоюз брал на себя.

Тем не менее французское руководство не смирилось с отпором и передало идею на подробную проработку в экспертное сообщество, главной платформой которой стала *Grenelle de l'environnement* – экологическая панель форума *Grenelle* (ведущего национального форума согласования интересов правительства, работодателей и профсоюзов, существующего со времен кризиса 1968 г.). Работа шла под патронажем премьер-министра Доминика де Вильпена и в 2006 г. дала первые результаты в виде разработанных политических предложений¹. Они были представлены в Европейскую комиссию, но поддержки не получили. Мнения руководства Еврокомиссии разделилась: комиссар по внешней торговле британец Питер Мандельсон решительно выступил против французской инициативы, в то время как комиссар по промышленности Гюнтер Верхойген поддержал ее, мотивируя соображениями сохранения конкурентоспособности европейской промышленности.

С приходом к власти Николя Саркози аргументация в пользу трансграничного углеродного налога была усилена и расширена. Новой базой аргументации стала идея введения во Франции углеродного налога, на что Саркози потратил много сил. Ставка налога была предложена в размере 17 евро за каждую тонну выброшенного CO₂²; взимать налог предполагалось с автомобилистов и домохозяйств, отапливаемых углеводородным топливом. Саркози оценил налог в качестве национального достижения Французской республики, поставив его в один ряд с «деколонизацией, избранием президента всеобщим голосованием, отменой смертного приговора и легализацией аборт»³. Однако пафосная лексика успеха не имела: предложенную реформу с редким единодушием раскритиковали как консервативные, так и левые избиратели и законодатели. Отношение населения к углеродному налогу выразилось в провале руководимой Саркози Республиканской партии на региональных выборах в марте 2008 г., на которых левые оппоненты одержали уверенную победу.

Менее чем через сутки после объявления результатов выборов Саркози поручил премьер-министру Франсуа Фийону отменить введение налога на выбросы углерода. Но идею «привязать» аргументацию в пользу трансграничного углеродного налога к налогу внутреннему Саркози не оставил, решив использовать ее для внешнего применения. В том же 2008 г. он предпринял новую попытку продвинуть эту идею во время дебатов ЕС по Энергетическому пакету, создав специальную должность «посла» по налогу на выбросы углекислого газа и назначив на нее

¹ “Sarkozy remet la taxe carbone aux frontières sur la table”. Euractiv, 3 Sept. 2009. URL: <https://www.euractiv.fr/section/energie/news/sarkozy-remet-la-taxe-carbone-aux-frontieres-sur-la-table> (дата обращения: 05.05.2022)

² “La Commission européenne contredit Sarkozy sur la taxe carbone aux frontières”. La Tribune, 21 Avr. 2010 URL: <https://www.latribune.fr/journal/edition-du-2104/-/406078/la-commission-europeenne-contredit-sarkozy-sur-la-taxe-carbone-aux-frontieres-.html> (дата обращения: 05.05.2022)

³ Crumley B. (2010) “Why Sarkozy Dropped His Beloved Carbon Tax”. Time, Mar. 25, 2010 URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1975350,00.html> (дата обращения: 05.05.2022)

Франсуазу Гроссет. Прделанная ею работа, включая серию встреч с депутатами Европарламента, с промышленниками, министрами окружающей среды Европы представителями Еврокомиссии, чтобы «убедить их в необходимости введения этого налога на выбросы углерода»¹, успехов не принесла: европейский консенсус по этому вопросу не сложился.

Эта неудача не обескуражила Николя Саркози, который вернулся к пропаганде трансграничного углеродного налога уже в 2009 г. 3 сентября, находясь с визитом на заводе в г. Калиньи, президент Франции в очередной раз озвучил свою идею. «Я попрошу Европу ввести налог на выбросы углерода на границах», – сказал он сотрудникам предприятия-автопроизводителя. «Те, кто производит грязную продукцию, должны платить», – добавил он².

Однако осенью 2009 г. непопулярное для многих стран мира идея предложение было обречено на неудачу: близилась Копенгагенская Конференция ООН по климату, на которой предполагалось добиться создания новой глобальной климатической конструкции, призванной заменить Киотский протокол. Конструкция была рассчитана на участие всех стран мира и должна была выглядеть привлекательной (как минимум на стадии принятия). Поэтому ряд государств ЕС (и, прежде всего, Германия и Дания) счел, что идея трансграничного углеродного налога может заставить многих задуматься о рисках климатической повестки, что негативно отразится на результатах международных переговоров по климату.

Инициатива Саркози-Берлускони

Копенгагенская Конференция ООН по климату завершилась провалом: Стороны Рамочной Конвенции ООН об изменении климата не договорились об основных параметрах глобальной климатической конструкции. Возникшую после Копенгагена паузу в переговорном процессе по линии ООН Николя Саркози использовал для того, чтобы в очередной раз добиться признания своей инициативы по введению трансграничного углеродного налога. Уже в январе 2010 г. Саркози направил новое предложение в Брюссель. Чтобы усилить свою позицию, он привлек серьезного союзника – премьер-министра Италии Сильвио Берлускони. В совместном письме политики предложили главе Еврокомиссии «без предварительных оговорок уточнить условия, на которых может быть создан такой механизм»³ в отношении им-

¹ “La Commission européenne contredit Sarkozy sur la taxe carbone aux frontières”. La Tribune, 21 Avr. 2010 URL: <https://www.latribune.fr/journal/edition-du-2104/-/406078/la-commission-europeenne-contredit-sarkozy-sur-la-taxe-carbone-aux-frontieres-.html> (дата обращения: 05.05.2022)

² “Sarkozy remet la taxe carbone aux frontières sur la table”. Euractiv, 3 Sept. 2009. URL: <https://www.euractiv.fr/section/energie/news/sarkozy-remet-la-taxe-carbone-aux-frontieres-sur-la-table> (дата обращения: 05.05.2022)

³ “La Commission européenne contredit Sarkozy sur la taxe carbone aux frontières”. La Tribune, 21 Avr. 2010 URL: <https://www.latribune.fr/journal/edition-du-2104/-/406078/la-commission-europeenne-contredit-sarkozy-sur-la-taxe-carbone-aux-frontieres-.html> (дата обращения: 05.05.2022)

порта из регионов за пределами Европы, которые «не борются с выбросами углерода». Ответ на письмо был осторожным, но в целом негативным. Еврокомиссия заявила, что «признаёт риск “утечки” углерода», но при этом отметила, что проблема будет решена с помощью системы бесплатного распределения прав на выбросы парниковых газов для отраслей, наиболее подверженных международной конкуренции. Комиссар по торговле Карел де Гухт напомнил, что он все еще не поддерживает такой налог, который «несет в себе большие риски развязывания торговой войны»¹. ЕК, сознавая непопулярность этой идеи среди 27 стран ЕС, особенно в Германии, постаралась затормозить инициативу Франции и Италии.

Встретив отпор, Николя Саркози пошел на рискованную игру: он объявил, что Брюссель согласен уже в июне 2010 г. представить проработанную инициативу по трансграничному углеродному налогу. Это было явным преувеличением (Еврокомиссия давала лишь согласие на изучение вопроса и проработку оценочных предложений). Поэтому заявление Саркози пришлось дезавуировать от имени Брюсселя. По словам представителя ЕК, «в июне мы представим оценку, которая покажет, оправдают ли серьезные экономические изменения использование других инструментов»².

Франции пришлось взять длительную паузу в своих инициативах по углеродному налогу. К 2013 г. углеродный налог с карательными акцентами в адрес традиционной энергетики устраивал не только экологические НПО, но и практически всех экономистов, как левого, так и правого толка, которые были согласны с тем, что необходима ценностная оценка выбросов парниковых газов, связанных с ископаемыми источниками энергии. Поддерживалась и идея трансграничного углеродного налога; при этом эксперты откровенно заявляли, что препятствием является только отсутствие правильной политической «упаковки» инициативы, которая позволила бы обеспечить ее успешное продвижение в ЕС и в мировом сообществе. Как отмечал экономист Даниэль Грос, «экономическая основа налога на импорт углерода ясна. Его политический перевод сбивает с толку»³.

Углеродные налоги Франсуа Олланда

Президент Франсуа Олланд, используя консенсус в экспертном сообществе и политикуме, вернулся к теме, повторив ход Саркози: введение внутреннего налога на выбросы углерода. Понимая непопулярность идеи в широких массах населения, Олланд пошел на уловку — поменять вызывающее аллергию название «углеродный налог». Вместо него в 2014 г. был внедрен *Taxe intérieure de consommation sur les produits énergétiques* (ТICPE), внутренний налог на потребление энергоносителей, ранее называвшийся акцизом на потребление нефтепродуктов. Этот налог был

¹ “La Commission européenne contredit Sarkozy sur la taxe carbone aux frontières”. La Tribune, 21 Avr. 2010 URL: <https://www.latribune.fr/journal/edition-du-2104/-/406078/la-commission-europeenne-contredit-sarkozy-sur-la-taxe-carbone-aux-frontieres-.html> (дата обращения: 05.05.2022)

² Там же.

³ Там же.

принят в октябре 2013 г. и вступил в силу 1 апреля 2014 г. (начало бюджетного года). По размеру ставки он занял четвертое место после НДС, подоходного налога и налога на прибыль предприятий. Чтобы отвести негатив от центральной власти, правительство Франции возложило взимание этого налога на власти департаментов.

Впрочем, отвлечь внимание от истинного инициатора введения нового налога не удалось: не прошло и нескольких лет, как налог стал причиной сильнеешего за последние десятилетия социального взрыва во Франции – движения «желтых жилетов». Такой сценарий был предсказуем уже на стадии введения налога, который газета *Le Monde* окрестила «фискальным и социальным кастетом», а реформу – «сложной и даже взрывоопасной»¹. Правда, это случилось уже во время президентства Эммануэля Макрона; что касается Олланда, то его действия по «перекрашиванию» нефтяного акциза обошлась без особых эксцессов. Как отмечала газета *Le Monde*, Франсуа Олланд был «прав в отношении формы, говоря, что вклад в энергетику климата не является новым налогом. В отличие от неудачной попытки Николя Саркози ввести налог на выбросы CO₂, версия “налога на выбросы углерода” 2013 г. технически состоит из простого изменения внутреннего налога на потребление энергоносителей (TICPE)»². Что подтвердило правоту Даниэля Гроса, настаивавшего на важности политической «упаковки».

Что касается трансграничного углеродного налога, то несмотря на все усилия и заявления французских официальных лиц по поводу продвижения этой инициативы, прогресса в этом не наблюдалось достаточно долго. На то существовал ряд причин, важнейшими из которых были:

1. Крах в 2012 г. первой попытки ЕС реализовать идею трансграничного углеродного налога для пилотного сектора – гражданской авиации. Принятая Еврокомиссией директива включала, начиная с 2012 г., зарубежные авиакомпании, выполняющие рейсы в ЕС, в Европейскую систему торговли выбросами (EU ETS). Это означало, что они должны были покупать европейские разрешения на выбросы (EU Allowances-EUA) за каждый полет, выполненный в европейский аэропорт, основываясь на существующих ценах на EUA. Эта мера встретила неожиданно жесткий и организованный отпор со стороны США, Китая, России, Индии и ряда других стран. Столкнувшись с организованным противодействием, Евросоюз был вынужден не только отказаться от авиационного трансграничного углеродного налога, но и серьезно пересмотреть идею распространения налога на другие сектора экономики.

2. Подготовка Парижской конференции ООН по климату (КС-21 РКК ООН), на которой было подписано Парижское соглашение, заменившее собой Киотский протокол. Франция, как страна – председатель Конференции, предпринима-

¹ Barroux R., Caramel L. (2013) “Le retour de la taxe carbone, un casse-tête fiscal et social pour le gouvernement”. *Le Monde*, 18 septembre 2013. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2013/09/18/le-retour-de-la-taxe-carbone-un-casse-tete-fiscal-et-social-pour-le-gouvernement_3479933_823448.html (дата обращения: 05.05.2022)

² Там же.

ла все возможные усилия для ее успешного завершения, что было невозможно без консенсуса всех стран – Сторон РКИК ООН. Памятуя о недавнем агрессивном ответе ведущих стран мира на инициативу Евросоюза по трансграничному углеродному налогу в гражданской авиации, Олланд старался на глобальном уровне этот вопрос не поднимать.

Взамен этого Франсуа Олланд вернулся к углеродному налогу как таковому и начал усиленно лоббировать его на глобальном уровне. Правда, в Парижское соглашение включить углеродный налог не удалось: в тексте Соглашения он отсутствует. Единственная релевантная ссылка на «роль стимулирования деятельности по сокращению выбросов, включая... установление цены на углерод» (по сути – налога) содержится в п. 137 Решения Парижской конференции ООН по климату¹. Причем этот пункт входит в раздел V («Заинтересованные круги, не являющиеся Сторонами») и не имеет никакого отношения к обязательствам Сторон Соглашения.

Евросоюз на авансцене

Почему ЕС, изначально демонстрировавший весьма скептическое отношение к французской инициативе трансграничного углеродного налога, решил ее поддержать после Парижской конференции 2015 г.? При этом, имея в качестве опыта проигрыш группе ведущих мировых держав при попытке ввести аналогичный налог для авиационных компаний этих стран?

На наш взгляд, здесь играют роль как минимум два фактора:

1. Заключение Парижского соглашения, которое имеет одно кардинальное отличие от Киотского протокола, а именно: если Протокол был рассчитан на два Отчетных периода (2008–2012 гг. и 2013–2020 гг.), то Соглашение – документ бессрочный. От Киотского протокола введение трансграничного углеродного налога могло отпугнуть некоторые страны, чего ЕС крайне опасался, пытаясь сохранить Протокол как глобальную конструкцию. Такая возможность существовала как по итогам каждого периода (что сделала Россия, выйдя из режима обязательств Протокола с 2012 г., после окончания Первого периода), так и в любое другое время (пример – США в 2001 г.). Выход же из Парижского соглашения автоматически по причине окончания его исключен, а по любой другой причине – крайне затруднен процедурно, что испытал на себе президент Дональд Трамп, выведший США из Соглашения: процесс занял целых три года и завершился только накануне ухода Трампа из Белого дома (для сравнения: возвращение США в Парижское соглашение, проведенное новоизбранным Джоозефом Байденом, заняло всего месяц). Желающих повторить опыт Трампа в мировом сообществе пока нет. В связи с этим риском спровоцировать развал Соглашения введением трансграничного углеродного налога Евросоюз может пренебречь.

¹ UN Framework Convention on Climate Change. COP 21 Decision 1/CP.21. Adoption of the Paris Agreement URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/10a01.pdf#page=2> (дата обращения: 05.05.2022)

2. Сама инициатива введения трансграничного углеродного налога была озвучена Евросоюзом в конце 2019 г., с перспективой на уход Д. Трампа и вступление в должность президента США Дж. Байдена. При нем ЕС надеялся на возвращение сотрудничества по климатической повестке и поддержку инициативы трансграничного углеродного налога со стороны США.

Кроме этого, трактовка отношений Франции и ЕС по поводу инициативы по введению трансграничного углеродного налога как противоборства (и даже конфликта) является сильным упрощением. Разговоры о «брюссельской крепости», которая «парирует все нападки Парижа»¹, годятся для громких газетных заголовков, но не дают адекватного понимания вопроса. Говорить о неприятии Еврокомиссией идеи трансграничного углеродного налога нет смысла; более уместно говорить о детальной многолетней проработке вопроса и подготовке к его продвижению тогда, когда для этого, по мнению ЕС, созреют политические условия.

Вопросы, замыкающиеся на трансграничное углеродное налогообложение, возникли уже в ходе разработки Европейской системы торговли выбросами (EU ETS), введенной в 2005 г. Директивой 2003/87/ЕС (EU, 2003)². Перспектива введения платежей за углерод сразу вызвала вопросы о конкурентоспособности европейских товаров относительно товаров тех стран, в которых такие платежи за выбросы отсутствуют. Поэтому примером подхода к «пограничной корректировке выбросов углерода» в Евросоюзе является разработанный в Директиве 2003/87/ЕС Критерий 11 Приложения III, который гласит, что национальные планы распределения европейских разрешений на выбросы (EU Allowances-EUA) – (НПД) – «могут содержать информацию о том, каким образом будет учитываться наличие конкуренции со стороны стран или организаций за пределами Союза»³. Однако на первом этапе внедрения ETS ни одно государство-член ЕС не воспользовалось этим критерием. Пересмотр в 2009 г. правил ETS (Директива 2009/29/ЕС)⁴ добавил новые положения для решения проблемы «утечки углерода». В дополнение к разрешению бесплатного предоставления разрешений на выбросы секторам, которые были особенно уязвимы для утечки, в Директиве говорится, что «30 июня 2010 г. Комиссия

¹ “La Commission européenne contredit Sarkozy sur la taxe carbone aux frontières”. La Tribune, 21 Avr. 2010 URL: <https://www.latribune.fr/journal/edition-du-2104/-/406078/la-commission-europeenne-contredit-sarkozy-sur-la-taxe-carbone-aux-frontieres-.html> (дата обращения: 05.05.2022)

² Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003 establishing a scheme for greenhouse gas emission allowance trading within the Community and amending Council Directive 96/61/EC URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32003L0087> (дата обращения: 05.05.2022)

³ Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003 establishing a scheme for greenhouse gas emission allowance trading within the Community and amending Council Directive 96/61/EC URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32003L0087> (дата обращения: 05.05.2022)

⁴ Directive 2009/29/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 amending Directive 2003/87/EC so as to improve and extend the greenhouse gas emission allowance trading scheme of the Community. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32009L0029> (дата обращения: 05.05.2022)

должна представить Европейскому парламенту и Совету любые соответствующие предложения, которые могут предусматривать «включение в схему Сообщества импортеров продуктов, которые производятся секторами или подсекторами [подверженными риску утечки углерода]». Основные параметры механизма трансграничного углеродного налога, заложенные в рамках пересмотра в 2009 г. правил ETS, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики механизма трансграничного углеродного налога, заложенные в рамках пересмотра в 2009 г. правил ETS (Директива 2009/29/ЕС) *

1.	Правовая база	Ст. 10b(1)(b) Директивы 2009/29/ЕС
2.	Декларируемая мотивация	Решение проблемы «утечки углерода»
3.	Исключения	Страны, участвующие в глобальном соглашении по климату
4.	Сфера распространения механизма	Опция 1: Товары из стран, которые не участвуют в глобальном соглашении по климату в части митигации Опция 2: Товары из стран, в которых отсутствует углеродная цена в секторах, включенных в ETS ЕС
5.	Секторальное покрытие	Опция 1: Товары, подверженные риску «утечки углерода» (методология не определена) Опция 2: Товары, определенные ст. 10а Директивы по EU ETS как подверженные риску «утечки углерода»
6.	Налогооблагаемая база для расчета налога на импортируемую продукцию	Бенчмарк – эквивалент средних выбросов по соответствующим товарам в ЕС с учетом вычитаемой доли бесплатных разрешений на выбросы
7.	Налогооблагаемая база для расчета налога на экспортируемую продукцию	Не определена, но должна соответствовать правилам ВТО

Хотя это положение прямо открывает дверь для механизма трансграничного углеродного налога на импорт, далее оговаривается, что «любые принимаемые меры должны соответствовать принципам Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН), в частности принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей, с учетом особого положения наименее развитых стран (НРС). Меры также должны были бы соответствовать международным обязательствам Сообщества, включая обязательства по соглашению ВТО»¹ (п. 25 преамбулы Директивы).

¹ Directive 2009/29/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 amending Directive 2003/87/EC so as to improve and extend the greenhouse gas emission allowance trading scheme of the Community. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32009L0029> (дата обращения: 05.05.2022)

Несмотря на эти положения, никаких предложений по «системам выравнивания выбросов углерода» от стран ЕС не поступило. Вместо этого государства-члены ЕС решили проблему возможной потери конкурентоспособности отраслей промышленности ЕС, предоставив бесплатные льготные разрешения на выбросы энергоемким отраслям промышленности.

В ходе подготовки третьей фазы ETS (2013–2020 гг.) Европейская комиссия разработала неофициальное предложение, включавшее новую статью 29, в которой устанавливались «Требования к импорту в будущем»¹. Они должны были применяться к продуктам, подверженным риску «утечки углерода» или недобросовестной международной конкуренции, до тех пор пока торговые партнеры не возьмут на себя обязательства по «поддающимся проверке действиям по сокращению выбросов парниковых газов, сопоставимым с действиями, предпринятыми Сообществом»². Статья 29 предлагала использовать бенчмаркинг для расчета налога на импортируемую продукцию; в качестве такового предполагалось использовать эквивалент средних выбросов по соответствующим товарам в ЕС. При этом учитывалось, что далеко не весь объем товарных позиций, входящих в ETS, подлежит продаже на аукционах; значительная доля выбросов разрешается бесплатно. В этой связи ставки налогов для импортируемых товаров предлагалось корректировать на основе соотношения платных и бесплатных разрешений в каждом промышленном секторе ЕС. В конечном итоге этот вариант не был включен в опубликованное предложение по третьей фазе ETS и не был использован для корректировки Директивы 2009/29/ЕС. Вместо этого, Статья 10b Директивы в измененной редакции предписывала Еврокомиссии оценивать риски «утечки углерода» «в свете результатов международных переговоров и степени, в которой они приводят к глобальному сокращению выбросов парниковых газов», что должно сопровождаться «соответствующими предложениями»³.

Варианты политических действий, перечисленные в статье 10b, включают:

- 1) бесплатное распределение разрешений;
- 2) включение импортеров в ETS ЕС;
- 3) конкретные меры по предотвращению утечек из сектора электроэнергетики.

Можно сделать вывод, что уже в 2013 г. пересмотренная Директива ЕС о ETS содержит предварительную версию правовой основы для механизма трансграничного углеродного налога. В частности, в пункте 25 преамбулы дополнительно уточняется, что энергоемкие отрасли промышленности, которые подвержены зна-

¹ Condon M., Ignaciuk A. (2013) “Border Carbon Adjustment and International Trade: A Literature Review”. OECD Trade and Environment Working Papers 2013/06 URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5k3xn25b386c-en.pdf?expires=1648973123AE384E4> (дата обращения: 05.05.2022)

² Там же.

³ Mehling M. A., van Asselt H., Das K., Droege S., Verkuijl C. (2019) “Designing border carbon adjustments for enhanced climate action”. American Society of International Law, 2019. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/designing-border-carbon-adjustments-for-enhanced-climate-action/BF4266550F09E5E4A7479E09C047B984> (дата обращения: 05.05.2022)

чительному риску утечки углерода, могут получать больший объем бесплатных разрешений на выбросы или может быть внедрена эффективная система выравнивания нагрузки, связанной с выбросами углерода с целью обеспечения сопоставимой нагрузки на установки из Сообщества, которые подвергаются значительному риску "утечки углерода", и на аналогичные установки из третьих стран. Такая система могла бы применять к импортерам требования, которые были бы не более благоприятными, чем те, которые применяются к установкам в пределах Сообщества, например, требуя отказа от субсидий.

Новый механизм ТУР

Следующая попытка внедрения трансграничного углеродного налога в рамках ЕС была предпринята сразу после принятия Парижского соглашения – в феврале 2016 г., и ожидаемо инициатором опять оказалась Франция. В Еврокомиссии направили неофициальный документ¹, в котором предлагалось разработать новый механизм трансграничного углеродного налога на основе включения импортируемых товаров в ETS ЕС. Товары, которые предлагалось обложить таким образом, должны были отвечать трем критериям:

1) высокая углеродоемкость и значительная доля в общих выбросах парниковых газов в Европе;

2) простота в определении углеродного следа;

3) ограниченное воздействие на сектор переработки (даунстрим).

В предложении также подчеркивалась необходимость постепенного внедрения, например, в секторы с низким воздействием на торговлю. В качестве пилота был предложен цементный сектор, поскольку в ЕС он обладал довольно высокой конкурентоспособностью, и начиная с 2009 г. экспорт клинкер-цемента из ЕС постоянно рос; доходы от него в 2014 и 2015 гг. превышали €400 млн². Как и в случае с предыдущими предложениями, правовой основой была статья 10b(1)(b) Директивы 2009/29/ЕС. Основные параметры механизма трансграничного углеродного налога, заложенные в предложении по пилоту в цементной отрасли (2016 г.), представлены в таблице 2. В целом можно отметить отличие неофициального документа 2016 г. от предложения 2009 г. – оно более детализировано и осторожно в рекомендациях по внедрению трансграничного углеродного налога.

¹ Government of France, Non-Paper: Carbon Inclusion Mechanism for the Cement Sector, 2016 (документ не опубликован, цит. по: Mehling M. A., van Asselt H., Das K., Droege S., Verkuijl C. (2019) "Designing border carbon adjustments for enhanced climate action". American Society of International Law, 2019. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/designing-border-carbon-adjustments-for-enhanced-climate-action/BF4266550F09E5E4A7479E09C047B984> (дата обращения: 05.05.2022)

² Competitiveness of the European Cement and Lime Sectors. Summary of the final report. European Union, 2018. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/06d2851d-07cd-11e8-b8f5-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1 (дата обращения: 05.05.2022)

Таблица 2

**Основные параметры механизма трансграничного углеродного налога ЕС,
заложенные в предложении по пилоту в цементной отрасли (2016 год)***

1.	Правовая основа	Статья 10b(1)(b) Директивы 2009/29/ЕС
2.	Мотивация	Устранение «утечки углерода»
3.	Исключения	Импорт цемента из стран с адекватными мерами по сокращению выбросов и/или ценами на содержание углерода, эквивалентными ценам ЕС
4.	Охват стран	Не определен, механизм фокусируется на импорте конкретного товара
5.	Секторальный охват	Цементная отрасль, импорт клинкера
6.	Налогооблагаемая база для расчета налога на импортируемую продукцию	Средние выбросы от производства в ЕС (или меньше, если можно доказать более низкие выбросы) за минусом цены европейских бесплатных разрешений на выбросы
7.	Налогооблагаемая база для расчета налога на экспортируемую продукцию	Не определено, но должно соответствовать нормам ВТО

*Источник: составлено автором.

Историю возникновения в ЕС механизма трансграничного углеродного налога вряд ли стоит интерпретировать в терминах идейной полемики между аппаратом Еврокомиссии и странами – инициаторами (Францией, Италией, Нидерландами), завершившейся победой последних. Скорее уместно говорить об общности взглядов на трансграничное углеродное налогообложение; разногласия касались в основном сроков введения инициативы и ее словесной «упаковки» для потенциально включаемых в нее стран. Мотивами для кажущейся осторожности Еврокомиссии по отношению к данной инициативе были не ее очевидная несовместимость с нормами международного права, а опасения того, что перспектива углеродных платежей в пользу ЕС вызовет отказ ряда стран от участия в глобальных климатических конструкциях. Как только в жесткое по условиям участия Парижское соглашение вступили почти все страны мира, Евросоюз решил, что этими рисками (равно как и протестами ряда стран) можно пренебречь. К чему приведет такая тактика – покажет время, но стоит отметить, что уязвимость Евросоюза по отношению к участию ведущих мировых держав в Парижском соглашении остается очень высокой. Перспектива их выхода из Соглашения может стать весьма эффективным способом добиться от ЕС отказа от продвижения инициативы ТУР либо (как минимум) серьезного пересмотра этого механизма с учетом интересов стран-экспортеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажан А.И., Рогинко С.А. (2021) Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС: статус, риски и возможный ответ. Серия «Аналитические записки Института Европы РАН». *Аналитическая записка* № 44, (№ 227). URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2020/an227.pdf> (дата обращения: 05.05.2022)

Рогинко С.А. (2021а) Трансграничный углеродный налог ЕС: хеджирование рисков. *Черные металлы*. № 10. URL: <https://www.rudmet.ru/journal/2053/article/34388/> (дата обращения: 05.05.2022)

Рогинко С.А. (2021б) Трансграничные углеродные налоги: риски для российского ТЭК. *Энергетическая политика*. № 10. URL: <https://energypolicy.ru/transgranichnye-uglerodnye-nalogi-riski-dlya-rossijskogo-tek/enerGOPerehod/2021/17/14/> (дата обращения: 05.05.2022)

Competitiveness of the European Cement and Lime Sectors. Summary of the final report. European Union, 2018. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/06d2851d-07cd-11e8-b8f5-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1 (дата обращения: 05.05.2022)

Condon M., Ignaciuk A. (2013) “Border Carbon Adjustment and International Trade: A Literature Review”. OECD Trade and Environment Working Papers 2013/06 URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5k3xn25b386c-en.pdf?expires=1648973123AE384E4> (дата обращения: 05.05.2022)

Godard O. (2009) “L’ajustement aux frontières, manœuvre protectionniste ou pivot d’un nouveau régime international?” *Regards croisés sur l’économie* 2009/2, No 6, pp. 214 à 228. URL: <https://www.cairn.info/revue-regards-croises-sur-l-economie-2009-2-page-214.htm> (дата обращения: 05.05.2022)

Mehling M. A., van Asselt H., Das K., Droege S., Verkuijl C. (2019) “Designing border carbon adjustments for enhanced climate action”. *American Society of International Law*, 2019. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/designing-border-carbon-adjustments-for-enhanced-climate-action/BF4266550F09E5E4A7479E09C047B984> (дата обращения: 05.05.2022)

French Tax for EU: Genesis of Cross-Border Carbon Adjustment

S.A. Roginko*

Candidate of Sciences (Economics)

Head of Centre for Environment and Development

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

Professor, Director of the Institute of World Economics and International Finance

Financial University of the Government of Russian Federation

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

**E-mail: roginco@bk.ru*

Abstract. The article analyzes genesis of the EU initiative of cross-border carbon tax on imported carbon-intensive products. Assessment of the positions of the EU countries in relation to this initiative is given and the evolution of these positions over the past 25 years is traced. The author explores tactics of France, as the main supporter of the cross-border carbon tax, used to promote this tax in the EU agenda during a number of presidencies, from J. Chirac to E. Macron. A link between the UN climate negotia-

tion process and the EU's position on the cross-border carbon tax is clarified. Particular attention is paid to the analysis of the early versions of the EU cross-border carbon tax, which preceded the current version of this initiative, and comparative study of these versions by the basic parameters of carbon taxation is carried out.

Key words: Paris Agreement, greenhouse gas emissions, emission reduction, cross-border carbon tax, Carbon Border adjustment Mechanism (CBAM), climate agenda, competitiveness, Grenelle Forum, UN Climate Conference, Kyoto Protocol.

DOI: 10.31857/S0201708322050059

EDN: glrwlu

REFERENCES

Bazhan A.I., Roginko S.A. (2021) Pogranichnyj korrektyrnyy mekhanizm ES: status, riski i vozmozhnyy otvet [The EU Border Carbon Correction Mechanism: status, risks and possible response]. Seriya «Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN». *Analiticheskaya zapiska* No 44, (No 227). URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2020/an227.pdf> (accessed: 05.05.2022) (In Russian).

Roginko S.A. (2021a) Transgranichnyy uglerodnyy naloz ES: hedzhirovanie riskov [EU cross-border carbon tax: Risk hedging]. *Chernye metally*. No 10. URL: <https://www.rudmet.ru/journal/2053/article/34388/> (accessed: 05.05.2022) (In Russian).

Roginko S.A. (2021b) Transgranichnye uglerodnye nalogi: riski dlya rossijskogo TEK [Cross-border carbon taxes: risks for the Russian fuel and energy sector]. *Energeticheskaya politika*. No 10. URL: <https://energypolicy.ru/transgranichnye-uglerodnye-nalogi-riski-dlya-rossijskogo-tek/energoperehod/2021/17/14/> (accessed: 05.05.2022) (In Russian).

Competitiveness of the European Cement and Lime Sectors. Summary of the final report. European Union, 2018. URL: http://publications.europa.eu/resource/cellar/06d2851d-07cd-11e8-b8f5-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1 (accessed: 05.05.2022)

Condon M., Ignaciuk A. (2013) "Border Carbon Adjustment and International Trade: A Literature Review". OECD Trade and Environment Working Papers 2013/06 URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/5k3xn25b386c-en.pdf?expires=1648973123AE384E4> (accessed: 05.05.2022)

Godard O. (2009) "L'ajustement aux frontières, manœuvre protectionniste ou pivot d'un nouveau régime international?" Regards croisés sur l'économie 2009/2, No 6, pp. 214 à 228. URL: <https://www.cairn.info/revue-regards-croises-sur-l-economie-2009-2-page-214.htm> (accessed: 05.05.2022)

Mehling M. A., van Asselt H., Das K., Droege S., Verkuijl C. (2019) "Designing border carbon adjustments for enhanced climate action". American Society of International Law, 2019. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/designing-border-carbon-adjustments-for-enhanced-climate-action/BF4266550F09E5E4A7479E09C047B984> (accessed: 05.05.2022)

УДК 339

ОСОБЕННОСТИ РЫНОЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ТНК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© 2022 **КОНИНА** Наталия Юрьевна*

*Доктор экономических наук, профессор
Заведующая кафедрой менеджмента, маркетинга
и внешнеэкономической деятельности им. И.Н. Герчиковой
МГИМО МИД РФ*

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76

**E-mail: nkonina777@gmail.com*

ORCID 0000-0002-1186-7596 SCOPUS ID 57202468228

Поступила в редакцию 19.04.2022

После доработки 26.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей рыночного положения совокупности европейских транснациональных корпораций (ТНК) континентальной Европы в современных условиях. Определены место и специфика деятельности европейских ТНК на международных рынках в страновом и отраслевом разрезах. Методологически исследование базируется на существующих подходах к транснационализации крупных компаний в рамках международного бизнеса. Исследование основано на базах данных UNCTAD, а также ведущих международных рейтингов по деятельности ТНК. Выявлены значительные изменения в характере операций и показателях развития европейских ТНК, что связано как с внутренними факторами, так и с влиянием внешней среды. Отмечено частичное ухудшение рыночных позиций французских и итальянских ТНК в процессе глобализации и обострившейся конкурентной борьбы среди крупнейших мировых компаний. Проанализированы характерные черты европейских ТНК в условиях дальнейшей цифровизации экономики. На основе оценки деятельности европейских ТНК сделан вывод, что создание единого рынка ЕС не привело к укреплению рыночного положения ведущих ТНК Франции и Германии, потому что наибольшее влияние оказали развитие глобализации и цифровая революция.

Ключевые слова: Транснациональные корпорации (ТНК), глобализация, европейские ТНК, цифровая трансформация, глобальная внешняя среда, стратегическое развитие.

DOI: 10.31857/S0201708322050060

EDN: gluhny

Европейский союз является одним из ключевых субъектов мировой экономики с населением более 447 млн чел. и совокупным ВВП около 14,45 трлн евро по состоянию на 2021 г. В континентальной Европе базируются многочисленные международные компании, которых привлекает большой размер рынка, высокоразвитая рабочая сила, значительный интеллектуальный потенциал и высокая международная конкурентоспособность стран региона [Harzing, Sorge, 2003; Ascani et al, 2016]. Развитие европейской интеграции, последовательное расширение ЕС, введение единой валюты, формирование единого рынка товаров, услуг, людей и капитала, унификация правил ведения бизнеса и законодательства, улучшение инфраструктуры и снижение транспортных издержек, увеличение доступного интеллектуального капитала создали предпосылки для совершенствования операций европейских ТНК [Буторина, Борко, 2022].

В континентальной Европе действует много ведущих международных компаний, которые зарекомендовали себя как глобальные лидеры своих отраслей и подотраслей в мире, например *Bayer* и *BASF* – химической, *Novartis*, *Roche*, *Merck*, *Novo Nordisk* – фармацевтической; *Volkswagen*, *Daimler* и *BMW*, *Porsche*, *Stellantis*, *Renault* – автомобилестроение, *Siemens* – электротехники, *ASML Holding* – микроэлектроники, *ABB* – робототехники, *Nestle* – пищевой промышленности, *Unilever* – бытовых изделий, *LVMH* – предметов роскоши, *Inditex* – одежды.

Европейские ТНК вносят большой вклад в экономику ЕС: они представляют небольшое количество всех европейских фирм (менее 1%), но на их долю приходится большая доля ВВП, экспорта, импорта и расходов на НИОКР. Хотя последние годы ознаменовались уменьшением значения связи ТНК со страной базирования материнской компании, европейские ТНК сохраняют сильную связь со странами происхождения и базирования штаб-квартир [Кузнецов, 2006; Pereira et al, 2018; Casson, 2020].

Европейские ТНК очень разнообразны, включают как сверхкрупные, так и относительно небольшие компании, имеют разную историю создания, отраслевую и национальную специфику [Demeter, K., Szász, L., 2016; Morgan, 2017]. Существуют различные подходы к осмыслению деятельности европейских ТНК [Linares-Navarro et al, 2014; Dörrenbächer et al, 2021; Baumgartner, Tippmann, 2019]. Как правило, деятельность ТНК рассматривается с позиций международных экономических отношений и, в частности, с точки зрения прямых иностранных инвестиций. При этом эклектическая парадигма, разработанная Дж. Даннингом, признается основой в большинстве работ этого научного направления. Деятельность европейских, в частности, германских ТНК в течение длительного времени объяснялась теорией интернационализации фирмы Уппсальской школы.

В своем исследовании ТНК автор опирается на взгляды научной школы международного бизнеса, получившей развитие в трудах И.Н. Герчиковой и теории Д. Тиса, о динамических способностях как источнике конкурентных преимуществ международных компаний [Teese, 2014].

Актуальность данного исследования определяется тем, что традиционно как в российской, так и зарубежной литературе изучаются узкие вопросы деятельности международных компаний либо какой-то одной отрасли, либо какой-то страны. Ав-

тор, воспринимая экономику Европы как сформировавшееся в ходе интеграции единое динамичное целое, впервые рассматривает ТНК стран континентальной Европы как совокупность крупных международных фирм, оперирующих во всех отраслях нефинансового сектора всех стран, входящих в континентальную Европу. ТНК выступают ядром экономической системы, и оценка состояния и направлений развития всей совокупности европейских ТНК позволяют взглянуть на состояние и направления развития нефинансового сектора ЕС.

Целью статьи является эмпирическая и фактологическая попытка определения характерных черт текущего положения европейских ТНК в страновом и отраслевом разрезе относительно их глобальных конкурентов, факторов сложившейся динамики развития в условиях быстро меняющейся внешней среды. Объект настоящего исследования – ведущие европейские ТНК. Предмет исследования – изменение рыночного положения ТНК стран континентальной Европы в современных условиях. Рассмотрение операций британских ТНК не входит в наши задачи из-за особенности модели развития ТНК, институциональной среды и правовой системы Британии.

Для целей исследования автор сфокусировал свое внимание на деятельности примерно 200 крупнейших ТНК европейских континентальных стран, не считая Британию, входящих в группу 2000 крупнейших мировых ТНК. Это представляется оправданным: несмотря на то что в мире насчитывается около 79 тыс. нефинансовых ТНК, контролирующих 790 тыс. зарубежных дочерних компаний и филиалов, ядро всей мирохозяйственной системы формируют лишь около 2 000 крупнейших ТНК. В частности, на 16 апреля 2021 г. общая капитализация 2000 ТНК составила 79,8 трлн долл., объем продаж – 39,8 трлн долл., прибыль – 2,5 трлн долл. и активы – 223 трлн долл.¹

Результаты исследования

В 2021 г. в ЕС зарегистрировано примерно 22,65 миллионов компаний, оперирующих вне финансового сектора. Компании с числом занятых менее 250 чел. составляют около 2/3 общей занятости ЕС. При этом число компаний с численностью персонала более 250 человек в ЕС составило в 2017 г. более 262 тыс. Страны южной части ЕС в целом имеют более высокую долю микропредприятий, а также более высокую долю лиц, занятых в них, по сравнению с другими странами ЕС. По данным на 2019 г., статистика ЕС говорит о 112161 компании, классифицируемых как ТНК (МНП), со штаб-квартирой в ЕС, 10 502 компаний в Швейцарии и 2 383 компании в Норвегии [Pârgjoleanu, 2020].

Деятельность европейских ТНК характеризуется рядом моментов:

– с точки зрения жизненного цикла большинство европейских ТНК находятся на стадии зрелости, при этом реализуют глобальные стратегии. Все большее значение для таких компаний имеет сеть подконтрольных дочерних компаний и филиа-

¹ *Fortune Global 500 2021 list*. URL: <https://fortune.com/global500/> (дата обращения: 10.04.2022), URL: <https://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2005/countries/G.html> (дата обращения: 10.04.2022)

лов в других странах, активно реализующих глобальную стратегию развития, разработанную материнской компанией;

– определяющее значение имеет накопленный интеллектуальный капитал и другие нематериальные активы для обеспечения доминирующего положения на рынке;

– для европейских ТНК характерна высокая степень зависимости от зарубежных рынков и операций, а не от рынков и операций в рамках ЕС;

– под воздействием глобализации и цифровизации все активнее используется распределенная глобальная производственная система в рамках глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), при этом НИОКР, планирование, контроль и координация осуществляются из корпоративного центра [Кони́на, 2018].

Традиционно при исследовании ТНК значительное внимание уделяется иностранным инвестициям и размеру зарубежных активов, хотя в условиях ускорения цифровизации значение показателей величины иностранных активов и занятости уже не столь однозначно. По данным ЮНКТАД (2020 г.), среди 100 ведущих нефинансовых корпораций мира, ранжированных по объемам зарубежных активов, насчитывалось 44 европейских ТНК, в том числе 16 из Германии, 18 – из Франции, 10 – из Нидерландов¹. За 15 лет количество европейских ТНК среди 100 ведущих нефинансовых корпораций мира по объемам зарубежных активов уменьшилось на 4, а их позиции внутри этого рейтинга в целом ухудшились.

Наибольшими зарубежными активами в 2020 г. среди европейских ТНК обладают голландская *Royal Dutch Shell* – 323,6 млрд долл., индекс транснационализации 65,0%; немецкая ТНК *Deutsche Telekom AG* – 259,6 млрд долл., индекс транснационализации 78,8%; немецкая ТНК *Volkswagen Group* – 258,1 млрд долл., индекс транснационализации 59,6%; французская ТНК *Total SA* 239,9 млрд долл., индекс транснационализации 77,5%; бельгийская ТНК *Anheuser-Busch InBev NV* – 187,1 млрд долл., индекс транснационализации 84,7%. Среди 100 ведущих нефинансовых корпораций мира по объемам зарубежных активов эти европейские ТНК соответственно занимали 2, 3, 4, 5 и 7 места. В 2005 г. эти ТНК занимали по данному показателю соответственно 7, 13, 11, 9 и 77 места². Европейские ТНК продолжали расти в основном за счет слияний и поглощений с привлечением внешнего финансирования. Размер зарубежных активов 5 ведущих европейских ТНК увеличился на 863,4 млрд долл. (на 113,44%) при среднегодовом темпе роста 7,56%, что значительно превысило темпы роста всех зарубежных активов ТНК, учитываемых ЮНКТАД, ежегодный темп прироста которых за период 2005–2018 гг. составил лишь 4,31%³.

¹ Annex table 19: The world's top 100 non-financial MNEs, ranked by foreign assets, 2020. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/annex-tables/> (дата обращения: 10.04.2022)

² World Investment Report 2006. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. New York and Geneva United Nations, 2006. Print.; World Investment Report 2021. Investing in Sustainable Recovery New York: United Nations, 2021. Print. DOI: <https://doi.org/10.18356/9789210054638>

³ Рассчитано по: World Investment Report 2021. Investing in Sustainable Recovery New York: United Nations, 2021. Print. DOI: <https://doi.org/10.18356/9789210054638>

О значительном изменении рыночного положения крупнейших европейских компаний, лидировавших в 2005 г. с точки зрения объема продаж, свидетельствует сопоставление данных рейтинга *Fortune Global 500* за 2005 и 2021 гг. (Табл. 1).

Некоторые из крупнейших в мире компаний базируются в Германии, Франции, Швейцарии, Нидерландах и Ирландии. Из 500 крупнейших в мире публичных компаний, ранжируемых по доходам в списке *Fortune Global 500* за 2021 г., более 110 транснациональные корпорации находятся в большом числе континентальных европейских стран, в том числе 27 – со штаб-квартирой в Германии, 28 – во Франции, 13 – в Швейцарии, 11 – в Нидерландах, 7 – в Испании, 6 – в Италии, 3 – в Ирландии, 2 – в Швеции, по 1 – в Австрии, Дании, Бельгии, Люксембурге и Финляндии. Для сравнения в список 500 крупнейших публичных компаний *Fortune Global 500* за 2021 г. были включены 126 компаний из США, 135 из Китая, 53 из Японии, 22 из Великобритании, 15 из Южной Кореи и 12 из Канады. При этом, с точки зрения сопоставления оборота компаний за период с 2006 по 2021 гг., количество континентальных европейских ТНК в рейтинге *Fortune Global 500* сократилось со 160 в 2006 г. до 143 в 2011 г. и до 110 в 2021 г.¹

Представление об отраслевом распределении крупнейших европейских ТНК дает анализ 110 компаний, включенных в список *Fortune Global 500* за 2021 г., из которых 28 организаций относятся к банковскому и финансовому сектору, 11 фирм – это инфраструктурные фирмы, прежде всего, по выработке и распределению электроэнергии, 10 фирм – телекоммуникации и почтовые услуги, 12 фирм – нефтегазовые, 9 фирм – автомобилестроение, 9 фирм – розничная торговля, 6 фирм – конгломераты, 7 – фармацевтика, 4 фирмы – химия, 3 – электроника, 3 – масс-медиа, 3 – промышленность стройматериалов и значительное число фирм представляет разные подотрасли промышленного производства².

Крупнейшей европейской компанией с самым большим оборотом в 2021 г., по данным *Fortune Global 500*, является немецкий автопроизводитель *Volkswagen* с доходом более 291,3 млрд долл., при этом по объему продаж в 2021 г. *Volkswagen* занимал лишь 10-ое место в мире. Для сравнения оборот крупнейшей в мире компании по объему продаж *Walmart* в 2021 г. составил более 571,96 млрд долл.³

Европейские транснациональные компании принадлежат к ключевым отраслям четвертого технологического уклада – *Bayer* и *BASF*, *Henkel*, *Beiersdorf*, *LyondellBasell* – к химической, *Siemens AG*, *ABB*, *Schneider Electric* – к электротехнике, *ThyssenKrupp* и *ArcelorMittal* – к специальной черной металлургии.

В отраслевом разрезе европейские ТНК особенно сильны в автомобилестроении, где представлены такие крупнейшие автопроизводители, как германские *Volkswagen*, *Daimler* и *BMW Group*, базирующийся в Нидерландах *Stellantis*, образо-

¹ *Fortune Global 500 2021 list*. URL: <https://fortune.com/global500/> (дата обращения: 10.04.2022); URL: <https://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2005/countries/G.html> (дата обращения: 10.04.2022)

² *Fortune Global 500 2021 list*. URL: <https://fortune.com/global500/> (дата обращения: 10.04.2022)

³ *Fortune Global 500 2021 list*. URL: <https://fortune.com/global500/> (дата обращения: 10.04.2022)

ванный после трансатлантического слияния FCA и французской ТНК PSA, французская *Renault. Volvo Trucks* (Швеция) является вторым крупнейшим в мире производителем тяжелых грузовиков.

Таблица 1

Динамика оборота крупнейших нефинансовых европейских ТНК согласно *Fortune Global 500* за период 2005–2021 гг. (в млрд долл.)

Место в рейтинге 2005	Место в рейтинге 2021	Компания	Отрасль	Объем продаж в 2005 г.	Объем продаж в 2020 г.	Расположение штаб-квартиры
1	19	Royal Dutch Shell	Нефтегазовая	268,7	183,2	Нидерланды
2	24	Daimler	Автомобилестроение	176,7	175,8	Германия
3	52	Total	Нефтегазовая	152,6	119,7	Франция
4	10	Volkswagen	Автомобилестроение	110,6	291,3	Германия
5	150	Siemens	Конгломерат	91,5	63,9	Германия
6	96	Carrefour	Розничная торговля	90,4	82,2	Франция
7	216	Eni	Нефтегазовая	74,2	50,1	Италия
8	53	Deutsche Telekom	Телекоммуникации	72,0	115,1	Германия
9		Peugeot Group	Автомобилестроение	70,6	Слияние	Франция
10	329	Metro	Розничная торговля	70,2	36,5	Германия
11	79	Nestlé	Пищевые товары	69,8	89,9	Швейцария
12	87	Royal Ahold	Розничная торговля	64,7	85,2	Нидерланды

Источник: составлено автором по *Fortune Global 500 2005 list, Fortune Global 500 2021 list*. URL: <https://fortune.com/global500/> (дата обращения: 10.04.2022), URL: <https://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2005/countries/G.html> (дата обращения: 10.04.2022)

Важную роль в мировой и европейской экономике играют крупнейшие европейские энергетические компании, в число которых входят *Royal Dutch Shell, Vitol Group, Total, ENI, Equinor, Repsol, OMV, GasTerra, Naturgy, MOL Group*.

Сильные позиции на мировом рынке занимают европейские ТНК фармацевтической отрасли, чему способствуют как сложившиеся кластеры, так и успешная инновационная деятельность этих ТНК. Важное место среди глобальных фармацевтических компаний занимают такие европейские ТНК, как *Bayer, Merck Group, Sanofi, Novo Nordisc AS, Alliance Boots, Phoenix Pharmahandel, Novartis AG, Roche*

Roche Holding. Компания *Roche Holding* со штаб-квартирой в Базеле (Швейцария) является мировым лидером в области биотехнологий, предлагая на рынке 17 биофармацевтических препаратов.

К международным европейским компаниям, занимающим важные позиции в глобальных инновационно-технологических отраслях, можно отнести компании *Siemens*, *Robert Bosch* – в электронике, *ASML Holding*, *Infineon*, *ST Microelectronics*, *NXP* – в полупроводниковой промышленности, *SAP* – в разработке программного обеспечения, производители медицинского оборудования из Ирландии *Medtronic* и *Philips Healthcare* (Нидерланды). Конгломераты, когда-то контролировавшие значительную часть европейской крупной обрабатывающей промышленности, или уже трансформировались, или находятся в стадии трансформации и преобразований. Единственным большим конгломератом среди европейских ТНК остается немецкий *Siemens*, но и эта ТНК последние два года переживает процесс серьезных организационных изменений и дивестирования, когда из единой корпоративной структуры на базе сложившихся стратегических центров хозяйствования выделено 3 ТНК – *Siemens AG*, *Siemens Gamesa* и *Siemens Healthineers*.

Достаточно сложно обстоит конкурентная ситуация у ТНК общего машиностроения, электротехники, химической промышленности и энергетики. Высокой конкурентоспособностью обладают европейские ТНК потребительского сектора.

За прошедшие 15 лет произошло развитие и укрепление позиций европейских ТНК в секторах услуг, до этого закрытых для интернационализации, прежде всего в электроэнергетике и розничной торговле. *ENGIE* (Франция), *E.ON* (Германия), *EDF* (Франция), и *RWE* (Германия), *Iberdrola* (Испания), *Vattenfall* (Швеция), *EnBW* (Германия), *EDP Group* (Португалия) – являются крупнейшими европейскими инфраструктурными фирмами, производителями электричества.

Представление о динамике рыночного положения крупнейших европейских ТНК в страновом разрезе в сопоставлении с конкурентами дает рейтинг *Forbes Global 2000*, который отражает объем продаж, прибыль, активы и рыночную капитализацию фирм. Из 2000 крупнейших фирм, оцениваемых по обороту, прибыли, капитализации и активам, согласно этому рейтингу, по состоянию на 21 мая 2021 г., 57 компаний базируются во Франции, 51 компания – в Германии, 20 – в Нидерландах, 13 – в Бельгии, 12 – в Италии, 21 – в Испании, 6 – в Люксембурге и 18 – в Ирландии. Говоря о конкурентах европейских компаний необходимо отметить, что число крупнейших фирм США в рейтинге 2021 составило 588, Китая – 324, Японии – 112, Канады – 61, Великобритании – 77, Индии – 50. Об ослаблении рыночных позиций европейских крупнейших ТНК свидетельствует факт, что за период с 2006 по 2021 гг. по совокупности показателей объема продаж, прибыли, активов и рыночной капитализации число европейских компаний, входящих в группу мировых ведущих ТНК, существенно уменьшилось – с 393 до 337. В количественном отношении это сокращение составило по Франции – 5 ТНК, по Германии – 12, по Бельгии – на 3, по Нидерландам – на 13, по Испании – 9, по Италии – 22, по Греции – 7, по Финляндии – 6¹.

¹ *Forbes*. The World's Largest Public Companies. URL: <https://www.forbes.com/global2000/list/3/> (дата обращения: 16.03.2022)

Отдельным важным вопросом является проблема незначительной капитализации ведущих европейских ТНК, особенно в сравнении с американскими, что существенно ограничивает финансовые возможности европейских ТНК. Проблема недостаточной капитализации европейских компаний существенно ограничивает инвестиционный потенциал европейских ТНК, в частности их возможности при осуществлении сделок по слияниям и поглощениям. В континентальной Европе мало компаний, имеющих рыночную капитализацию свыше 100 млрд долл., в частности во Франции – только 2 ТНК – *LVMH* с капитализацией соответственно 337 млрд долл. и *L'Oreal* – 215 млрд долл., в Нидерландах – 3 фирмы, в том числе *ASML Holding* – 255 млрд долл., *PROSUS NV* – 181 млрд долл., *Shell* – 148 млрд долл., в Швейцарии – 3 компании, в том числе *Nestle* с капитализацией 322 млрд долл., *Roche Holding* – 283 млрд долл., *Novartis* – 212 млрд долл., в Бельгии – только 1 фирма – *Anheuser Busch*, капитализация которой составляет 128 млрд долл., в Дании 1 фирма – *Novo Nordisk* – 160 млрд долл., в Германии – 3 ТНК: *Volkswagen*, *SAP SE* и *Siemens AG* с капитализацией 160 млрд долл., 151 млрд долл. и 140 млрд долл. соответственно. Для сопоставления следует отметить, что размер фондового рынка в США в 2021 г. составил 20,549 трлн долл., совокупная капитализация 59 американских компаний – более 130 млрд долл., а всего на три крупнейшие американские ТНК (*Apple*, *Microsoft* и *Amazon*) приходилась более 5,5 трлн долл. суммарной капитализации¹. Недостаточная рыночная капитализация ведущих европейских ТНК обусловлена как институциональными особенностями европейского фондового рынка, так и характеристиками стратегического положения европейских международных компаний на рынках, принадлежностью их к старым, традиционным отраслям, не столь интересным для инвесторов.

Дискуссия

Анализ статистических данных свидетельствует, что, поскольку европейские ТНК сконцентрированы в традиционных отраслях, последние 15 лет ознаменовались продолжением роста активов и зарубежных активов в рамках глобализации операций и оптимизации позиции компаний на региональных рынках, прежде всего за счет осуществления слияний и поглощений. Для ряда ведущих европейских ТНК рост зарубежных активов за 15 лет превысил 100%, при этом серьезных изменений в индексе транснационализации операций ведущих европейских ТНК выявлено.

Переход европейских ТНК к модели распределенного производства в рамках ГЦСС привел к минимизации занятости и росту международных операций, связанных с движением нематериальных активов и информации (включая лицензирование, оффшоринг и контрактное производство). Развитие новой технологической базы приводит к росту значения капитала и знаний среди факторов производства. Переход от

¹ Largest Companies by Market Cap. URL: <https://companiesmarketcap.com/page/5/> (дата обращения: 07.04.2022), Ту Наqqи. 20 Largest European Companies By Market Cap in 2020. Yahoo Finance. URL: <https://finance.yahoo.com/news/20-largest-european-companies-market-134238281.html> (дата обращения: 07.04.2022), URL: <https://www.forbes.com/lists/global2000/#36438de45ac> (дата обращения: 07.04.2022)

модели «рейнского капитализма» к финансированию зарубежной экспансии за счет фондового рынка позволил германским ТНК ускорить свою транснационализацию.

Изучение данных ЮНКТАД по 100 крупнейшим нефинансовым ТНК не позволяет сделать однозначных выводов об изменении индекса транснационализации европейских ТНК. Общее число ТНК из континентальной Европы в списке ЮНКТАД по 100 крупнейшим нефинансовым ТНК за период с 2005 по 2020 гг. изменилось с 48 до 44. При этом сам индекс транснационализации менялся неравномерно, у каких-то фирм он немного вырос, у каких-то, наоборот, немного уменьшился. В целом у европейских ТНК сектора услуг уровень транснационализации ниже, чем у промышленных ТНК. Конкретная динамика индекса транснационализации зависела от реализуемой ТНК стратегии развития с учетом слияний, поглощений и дивестиций [Владимирова и др., 2020].

Создание Единого рынка не привело за последние 20 лет к кардинальному росту показателей ТНК крупнейших стран ЕС, в частности Франции и Германии. Сохраняется тенденция, что крупнейшие ТНК в континентальной Европе базируются во Франции, Германии, Швейцарии, Нидерландах и Ирландии, при этом за прошедшие 15 лет резко упало количество крупных ТНК Италии. Благодаря формированию Единого рынка ЕС, развились и сохранились ТНК в малых странах Европы, которые все более уверенно за это время глобализировали свою деятельность. Европейские промышленные ТНК, имеющие большие активы и высокую капиталоемкость, перемещаются в рейтингах *Fortune Global 500* и *Forbes Global 2000* на более низкие позиции.

ТНК европейских стран все больше уступают по объему продаж, прибыли и рыночной капитализации в конкурентной борьбе ТНК стран с быстрорастущей экономикой, прежде всего ТНК Ю. Кореи и Китая. С точки зрения количества компаний, представленных в рейтингах *Fortune Global 500*, за 15 лет число ТНК Германии уменьшилось с 37 в 2005 г. до 27 в 2021 г., а количество ТНК Франции снизилось с 39 в 2005 г. до 28 в 2021 г.¹ Наряду с уменьшением общего числа европейских ТНК в рейтинге *Fortune Global 500* и *Forbes Global 2000* как кумулятивных показателей положения европейских фирм, произошло перемещение европейских ТНК на более низкие позиции внутри рейтингов из-за относительно невысокого по сравнению с конкурентами из Китая роста оборота и прибыли. Важным инструментом реализации планов стратегического развития европейских ТНК выступают слияния и поглощения фирм, имеющих отношение к инновациям для достижения синергии, а также дивестиции непрофильных направлений деятельности ТНК.

Большинство европейских ТНК принадлежат к 4-му технологическому укладу, связанному с массовым и серийным производством и доминированием ресурсоемких и традиционных отраслей обрабатывающей промышленности. Эти ТНК занимают устойчивые и стабильные позиции в соответствующих отраслях, но конкуренция со стороны ТНК стран с быстрорастущей экономикой нарастает, одновременно в ряде отраслей, например, в энергетике и автомобилестроении, формируются прорывные инновации и начинает радикально изменяться модель потребления, что несет в себе угрозу конкурентным позициям европейских фирм.

¹ URL: <https://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2005/countries/F.html> (дата обращения: 07.04.2022), URL: <https://fortune.com/global500/> (дата обращения: 10.04.2022)

Особенности положения европейских ТНК определяются не только обострением конкуренции с американскими, японскими ТНК, равно как и с растущими ТНК из Китая, Ю. Кореи, и других бурно растущих стран. Важнейшие изменения в рыночном положении европейских ТНК связаны с процессами глобализации и цифровизации и переменами на мировых рынках, когда происходит как обострение конкуренции на традиционных рынках, так и существенное перераспределение капитала и прибавочной стоимости в пользу компаний – цифровых лидеров. Четвертая промышленная революция меняет экономический ландшафт и границы отраслей, трансформирует традиционную бизнес-среду и создает новые рынки, разрушает существующий бизнес. Цифровая трансформация позволяет уточнить, как компании создают стоимость, управляют изменениями и базовыми принципами создания и реализации стратегии, меняет традиционные подходы к фундаментальным вопросам – как достичь клиентов, как конкурировать и гарантировать рост и продажи. После 2015 г. скорость технологических изменений и нововведений существенно возрастает.

В отраслях информационно-коммуникационных технологий среди европейских ТНК мощные позиции имеют телекоммуникационные компании и производители телекоммуникационного оборудования. Позиции европейских ТНК в других группах ИКТ-бизнеса значительно слабее, особенно среди компаний, деятельность которых напрямую связана с созданием программного продукта и Интернетом. Это создает предпосылки для усиления зависимости Европы от американских цифровых ТНК, прежде всего, платформ. Вопрос влияния цифровой трансформации на текущее рыночное положение ТНК являются не столь простым, прямое воздействие цифровых прорывных решений испытывают, прежде всего, цифровые и технологические ТНК или ТНК, имеющие прочные связи с цифровой экономикой, будь то поставщики или исполнители.

Традиционные бизнес-модели ТНК других отраслей пока устойчивы. Однако проникновение ведущих цифровых ТНК в реальную экономику за пределами типичных цифровых рынков дает значительный толчок усилению конкуренции и более активной цифровой трансформации ТНК традиционных отраслей. Быстрый рост онлайн-каналов продаж ТНК таких отраслей как одежда (*Inditex, H&M*), химической (*BASF, Covestro, Henkel, Bayer*) потребительских товаров (*Unilever, Nestle*) показывает, что европейские компании активно движутся в сторону цифровизации коммерческой деятельности. Глобальные перемены начинаются под влиянием прорывных технологий и перехода к устойчивому развитию в стратегическом положении европейских ТНК в автомобилестроении и энергетическом секторе, которые очень важны для Европы. Цифровизация производства оказывается более сложной, но также продвигается вперед. Интеграция цифровых и других новых технологий порождает быстрые перемены для компаний многих отраслей и секторов, зачастую меняя модели потребления, как это произошло в секторе услуг из-за платформ *Uber, AirBnB*, розничной торговле под влиянием *Amazon*, в автомобилестроении под влиянием *Tesla*, в мобильной связи и предоставлении доступа к интернету из-за *Starlink*.

Недостаточно динамичная по сравнению с США и Китаем цифровизация европейских стран и недостаток государственной поддержки развития полупроводниковых кластеров и в целом информационных технологий привели к тому, что цифровых европейских ТНК мало. Попытки европейских ТНК занять ведущие позиции на

информационно-коммуникационном рынке предпринимались еще в конце 80-х – начале 90-х гг. Успехи телекоммуникационных фирм *Vodafone*, *Orange*, *Deutsche Telekom*, значительное продвижение *Siemens* и *ST Microelectronics* в сфере полупроводников и микроэлектроники, успех фирм *Nokia*, *Ericsson* в сфере телекоммуникационных технологий вселяли надежду на то, что европейские фирмы займут важное место в мировой ИКТ-отрасли. Но рыночные ошибки, недостаточный внутренний спрос, отсутствие в конце 90-х – начале 2000-х гг. долгосрочной поддержки и финансирования на уровне ЕС, а также недостаточная эффективность инновационной деятельности привели к замедлению развития европейских информационных компаний. По состоянию на 28 февраля 2022 г. 122 из 130 крупнейших фирм, представляющих 95,4% рыночной капитализации индекса *S&P Global 1200* информационных технологий, были зарегистрированы прежде всего в США, Японии и Ю. Корее. Доля фирм Германии, Франции и Швеции в капитализации крупнейших мировых фирм ИКТ сектора составила соответственно лишь 1,3, 1,1 и 0,5%.

В число ведущих мировых высокотехнологичных компаний, включающих производителей устройств информационных технологий и компонентов, ИТ-услуги и сервисные фирмы, входят такие ТНК, как *Infineon* (ФРГ), *Ericsson*, *Hexagon* (Швеция), *Nokia* (Финляндия), *STMicroelectronics*, *TEConnectivity* (Швейцария). Важное место среди глобальных телекоммуникационных компаний занимают европейские ТНК *Deutsche Telekom*, *Vodafone*, *Telefonica*, *Orange*. Особое место среди цифровых ТНК занимают *SAP*, *Accenture*, *Siemens*, *Dassault Systeme*, *Amadeus*, *CapGemini*, *Temenos*. Уникальной европейской ТНК в секторе ИКТ является нидерландская компания *ASML*, мировой лидер производства специальных литографических машин для индустрии полупроводников с рыночной капитализацией более 350 млрд долл. Успех ирландской ТНК *Accenture* во многом связан с государственными инвестициями в систему образования и подготовки кадров, а также в целом промышленной политикой правительства Ирландии. Для всех европейских информационно-коммуникационных ТНК характерны такие тенденции, как ограниченный объем зарубежных инвестиций, высокая капитализация, быстрая смена приоритетов технологического развития и концентрация производственных инвестиций прежде всего в США [Березной, 2018]. Среди ТНК, занимающихся электронной торговлей, особенно выделяются европейские *Zalando*, *Asos*.

Характерной особенностью рыночного положения европейских ТНК является все более активное участие в проблематике устойчивого развития. Подавляющее большинство европейских ТНК активизировали усилия по обезуглероживанию своей деятельности и повышению устойчивости. Примером является активность крупнейшего немецкого конгломерата *Siemens* по вопросам экологической и социальной ответственности, планы сократить выбросы CO₂ в своей цепочке поставок на 20% к 2030 г. и стать климатически нейтральной к 2050 г., воздействуя на своих поставщиков в управляемых ТНК глобальных цепочках создания стоимости. Существенная переориентация на устойчивое развитие европейских ТНК обусловлена влиянием со стороны национальных и европейских органов власти, а также позицией топ-менеджмента материнских компаний, определяемой инвесторами.

Заключение

Относительное ухудшения рыночного положения ряда европейских ТНК связано с переходом к постиндустриальной экономике и постепенным ростом прибыли и капитализации у компаний, глубоко интегрированных в цифровую экономику, а также с ростом могущества ТНК из стран с быстрорастущей экономикой, прежде всего Китая. За последние годы ведущие европейские ТНК, столкнувшись со значительным ростом конкуренции на международных рынках, прежде всего со стороны ТНК быстро растущих стран, предпринимали с разной степенью успешности комплекс мероприятий по своему стратегическому развитию на основе оптимизации операций, использования ГЦСС, наращивания зарубежных активов за счет слияний и поглощений, активизации инноваций и осуществления цифровой трансформации.

Необходимы дальнейшие исследования развития европейских ТНК, в частности цифровой трансформации европейских ТНК, а также изменений в стратегическом положении европейских энергетических и автомобилестроительных ТНК в связи с бурным технологическим прогрессом в этих и смежных отраслях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березной А. В. (2018) Транснациональный бизнес в эпоху глобальной цифровой революции. *Мировая экономика и международные отношения*. № 9, т. 62. С. 5–17. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17>

Буторина О.В., Борко Ю.А. (2022) Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции. *Современная Европа*. № 1 (108). С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016

Владимирова И.Г., Кони́на Н.Ю., Ефремов В.С. (2020) Транснационализация международных компаний: особенности и тенденции. *Управленец*. Т. 11. № 4. С. 70–81. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-6.

Кони́на Н.Ю. (2018) Эволюция крупнейших германских ТНК. *Современная Европа*. № 2 (81). С. 49–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220184959>

Кузнецов А.В. (2006) Некоторые аспекты развития европейских ТНК и трансформация немецких компаний в начале XXI века. *Актуальные проблемы Европы*. № 2. С. 32–54.

Ascani, A., Crescenzi, R., Iammarino, S. (2016) Economic Institutions and the Location Strategies of European Multinationals in their Geographic Neighborhood. *Economic Geography*. No 92(4), pp. 401–429.

Baumgartner, M.A., Tippmann, E. (2019) A delicate balance: how multinationals can harmonize local and global strategies. *Journal of Business Strategy*. No 40(3), pp. 3–9.

Casson, M. (2020) International rivalry and global business leadership: an historical perspective. *Multinational Business Review*. No 28(4), pp. 429–446.

Demeter, K., Szász, L. (2016) The diversity of European manufacturing plant roles in international manufacturing networks. *Journal of East European Management Studies*. No 21(2), pp. 184–208.

Dörrenbacher, C., Geppert, M., Hoffmann, M. (2021) Contemporary Restructuring Trends in European Multinational Corporations: Rationale and Impact on Labour and Workers' Participation. *Critical perspectives on international business*, Vol. 17–4, pp. 637–654.

Harzing, A.-W., Sorge, A. (2003) The relative impact of country of origin and universal contingencies on internationalization strategies and corporate control in multinational enterprises: Worldwide and European perspectives. *Organization Studies*. No 24(2), pp. 187–214.

Linares-Navarro, E., Pedersen, T., Pla-Barber, J. (2014) Fine slicing of the value chain and offshoring of essential activities: Empirical evidence from European multinationals. *Journal of Business Economics and Management*. No 15 (1), pp. 111–134.

Morgan, G. (2017) “The Multinational as a Corporate Form: A Critical Contribution from Organization Studies.” in G. Baars & A. Spicer (Eds.), *The Corporation: A Critical, Multi-Disciplinary Handbook*, pp. 248–256. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781139681025.014

Pârjoleanu, R. (2020) The Role of Multinational Corporations in the European Union. *Post-modern Openings*, No 11(4), pp. 109–126. doi: 10.18662/po/11.4/225

Pereira, V. Munjal, S., Budhwar, P. (2018) A perspective on multinational enterprise’s national identity dilemma. *Social Identities*. No 24(5), pp. 548–563.

Teece, D.J. (2014) A dynamic capabilities-based entrepreneurial theory of the multinational enterprise. *Journal of International Business Studies*. No 45 (1), pp. 8–37.

World Investment Report (2006) FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. New York and Geneva United Nations, 2006. Print.

World Investment Report (2021) Investing in Sustainable Recovery New York: United Nations, 2021. Print. DOI: <https://doi.org/10.18356/9789210054638>

Contemporary European Multinationals: Changes in the Balance of Market Power

N.Yu. Konina*

Doctor of Science (Economics), Professor

Head of Management, Marketing and Foreign Economic Activities Department, Moscow State

University of International Relations (MGIMO University)

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

**E-mail: nkonina777@gmail.com*

ORCID 0000-0002-1186-7596 SCOPUS ID 57202468228

Abstract. The article is dedicated to identification of features of market position of a number of European transnational corporations (TNCs) in continental Europe. The place and specificity of the activities of European TNCs in international markets in the country and sectoral context are determined. Methodologically, the study is based on existing approaches to the transnationalization of large companies within the framework of international business. The study uses UNCTAD databases, as well as the leading international ratings of the activities of TNCs. Significant changes in the nature of operations and development indicators of European TNCs are revealed, which is associated with both internal factors and the influence of the external environment. A partial deterioration in the market positions of French and Italian TNCs under the influence of globalization and intensified competition among the world's largest companies is demonstrated. The characteristic features of European TNCs in the context of further digitalization of the economy are analyzed. Based on the assessment of the activities of European TNCs, it is concluded that the creation of the EU single market did not lead to the strengthening of the market power of the leading TNCs in France and Germany since the development of globalization and the digital revolution had a greater impact.

Key words: Transnational corporations (TNCs), globalization, multinationals, European TNCs, digital transformation, global environment, strategic development.

DOI: 10.31857/S0201708322050060

EDN: gluhny

REFERENCES

- Bereznoi A. (2018). Transnacional'nyj biznes v epohu global'noj cifrovoj revo-lyucii [Multinational Business in the Era of Global Digital Revolution]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, No 9, pp. 5–17. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17> (in Russian).
- Butorina O.V., Borko Ju.A. (2022) Vygody regional'noj integracii: peresmotr koncepcii. [Benefits of Regional Integration: towards Redefining the Concept]. *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016 (in Russian).
- Vladimirova I.G., Konina N.Yu., Efremov V.S. (2020) Transnacionalizaciya mezhduna-rodnyh kompanij: osobennosti i tendencii [Transnationalization of multinational corporations: Peculiarities and trends]. *Upravlenets*, 2020, 11. 70–81. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-4-6. (in Russian).
- Konina, N. (2018). Evolyuciya krupnejshih germanskikh TNK [Evolution of the Largest Multinational German Companies]. *Sovremennaya Evropa*, 2(81), p. 49–59. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220184959> (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2006). Nekotoryye aspekty razvitiya yevropeyskikh TNK i transformatsiya nemetskikh kompaniy v nachale XXI veka [Some aspects of development of European TNCs and transformation of German companies at the beginning of the XXI century]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*. No 2, pp. 32–54, (in Russian).
- Ascani, A., Crescenzi, R., Iammarino, S. (2016) Economic Institutions and the Location Strategies of European Multinationals in their Geographic Neighborhood. *Economic Geography*. No 92(4), pp. 401–429.
- Baumgartner, M.A., Tippmann, E. (2019) A delicate balance: how multinationals can harmonize local and global strategies. *Journal of Business Strategy*. No 40(3), pp. 3–9.
- Casson, M. (2020) International rivalry and global business leadership: an historical perspective. *Multinational Business Review*. No 28(4), pp. 429–446.
- Demeter, K., Szász, L. (2016) The diversity of European manufacturing plant roles in international manufacturing networks. *Journal of East European Management Studies*. No 21(2), pp. 184–208.
- Dörrenbächer, C., Geppert, M., Hoffmann, M. (2021) Contemporary Restructuring Trends in European Multinational Corporations: Rationale and Impact on Labour and Workers` Participation. *Critical perspectives on international business*, Vol. 17–4, pp. 637–654.
- Harzing, A.-W., Sorge, A. (2003) The relative impact of country of origin and universal contingencies on internationalization strategies and corporate control in multinational enterprises: Worldwide and European perspectives. *Organization Studies*. No 24(2), pp. 187–214.
- Linares-Navarro, E., Pedersen, T., Pla-Barber, J. (2014) Fine slicing of the value chain and offshoring of essential activities: Empirical evidence from European multinationals. *Journal of Business Economics and Management*. No 15 (1), pp. 111–134.
- Morgan, G. (2017) “The Multinational as a Corporate Form: A Critical Contribution from Organization Studies.” in G. Baars & A. Spicer (Eds.), *The Corporation: A Critical, Multi-Disciplinary Handbook*, pp. 248–256. Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781139681025.014
- Pârjoleanu, R. (2020) The Role of Multinational Corporations in the European Union. *Post-modern Openings*, No 11(4), pp. 109–126. doi: 10.18662/po/11.4/225
- Pereira, V. Munjal, S., Budhwar, P. (2018) A perspective on multinational enterprise’s national identity dilemma. *Social Identities*. No 24(5), pp. 548–563.
- Teece, D.J. (2014) A dynamic capabilities-based entrepreneurial theory of the multinational enterprise. *Journal of International Business Studies*. No 45 (1), pp. 8–37.
- World Investment Report* (2006) FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. New York and Geneva United Nations, 2006. Print.
- World Investment Report* (2021) Investing in Sustainable Recovery New York: United Nations, 2021. Print. DOI: <https://doi.org/10.18356/9789210054638>

УДК 338

ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ОЦЕНКЕ

© 2022 **ОВЧАРОВ Антон Олегович***

Доктор экономических наук

*Центр макро- и микроэкономики, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23*

***E-mail:** anton19742006@yandex.ru

© 2022 **ТЕРЕХОВ Андрей Михайлович****

Кандидат экономических наук, доцент

*Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»
117418, Россия, г. Москва, улица Новочеремушкинская, д. 69*

****E-mail:** terehoff.t@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.02.2022

После доработки 21.05.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем цифрового неравенства европейских стран. Показана эволюция подходов к определению такого явления, как цифровой разрыв. На этой основе выделены его ключевые факторы (детерминанты), выявлены особенности цифровых разрывов в европейских странах. С использованием статистических данных рассмотрено влияние на масштабы цифровых разрывов в европейском пространстве таких детерминант, как интенсивность использования Интернета и социальных сетей, обеспеченность техническими устройствами, гендерные, возрастные, этнические и экономические различия пользователей, особенности развития рынка труда. На основе метода главных компонент был разработан авторский индекс цифровизации с целью получения обобщающей оценки её уровня. Осуществлен его расчет в отношении европейских стран и на этой основе составлен их рейтинг по уровню цифровизации. Лидерами в 2020 г. оказались Швеция, Дания и Норвегия, аутсайдерами – Греция, Болгария и Румыния. Выделены три группы европейских стран, различающихся по степени цифровизации. С помощью авторского индекса осуществлены оценки цифровых разрывов в Европе, которые сравнены с оценками, полученными

ми на основе расчета широко известного официального европейского индекса цифровой экономики и общества DESI. Сделан вывод, что авторские оценки демонстрируют более значительные разрывы, чем официальные. Результаты также показали, что цифровые разрывы между европейскими странами обусловлены уровнем их экономического развития.

Ключевые слова: цифровые разрывы, неравенство, индекс, метод главных компонент, оценки.

DOI: 10.31857/S0201708322050072

EDN: gluyvq

Особенность современного этапа социального развития заключается в том, что происходит проникновение цифровых технологий во все сферы жизни. С экономических позиций цифровизация приводит к росту конкурентоспособности компаний в постоянно изменяющейся среде, трансформирует потребительские ожидания и предпочтения, стимулирует развитие организационной культуры и повышает эффективность всех бизнес-процессов. С более широких позиций можно утверждать, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) влияют на государственное управление, сферу социальных услуг (образование, здравоохранение и т.п.) и на общество в целом [Kaplan, 2019].

На протяжении последних двух десятилетий цифровизация прошла значительный путь развития. Так, если широко распространенная сегодня IP-телефония еще в 2005 г. входила в число важнейших стратегических технологий, то уже к 2010 г. в этом списке были такие технологии, как облачные вычисления, расширенная аналитика и мобильные приложения¹. Позднее стали появляться публикации о технологиях, связывающих реальный и виртуальный мир [Cascio, 2016]. Среди актуальных ИКТ, входящих согласно рейтингу компании Gartner в тренд 2021 г., можно выделить такие, как Интернет поведения, распределенное облако, вычисления, повышающие конфиденциальность². Последняя ИКТ (*privacy-enhancing computation*) включает три технологии, которые защищают данные во время их использования. Первая технология обеспечивает надежную среду, в которой можно анализировать конфиденциальные данные, вторая – осуществляет обработку данных децентрализованным способом, третья – шифрует данные перед обработкой или анализом.

Вместе с тем беспрецедентные возможности развития, которые открываются благодаря активному использованию ИКТ, не исключают возникновения и ряда проблем. Ключевая и наиболее активно обсуждаемая из них – это проблема цифровых разрывов. В данной статье мы ставим задачу показать трактовки этого понятия, рассмотреть основные детерминанты цифрового разрыва в приложении к европей-

¹ Top 10 IT Strategies for 2010. URL: <https://www.industryweek.com/technology-and-iiot/informationtechnology/article/21956643/top-10-it-strategies-for-2010> (дата обращения: 22.05.2022)

² Gartner Top 10 strategic technology trends for 2021. URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-strategic-technology-trends-for-2021> (дата обращения: 22.05.2022)

ским странам, а также разработать инструмент оценки уровня цифровизации – обобщающий индекс цифровизации – и обсудить результаты.

Цифровой разрыв: эволюция подходов к определению

Научные исследования, обсуждающие проблему цифрового разрыва, стали появляться в 1990-е гг. Концепция цифрового разрыва в то время рассматривала его как своего рода бинарное деление между людьми, имеющими и не имеющими доступ к компьютерам и Интернету [Hoffman et al., 2000]. Этот разрыв в доступе к ИКТ, названный «цифровым разрывом первого уровня», был тщательно изучен: к началу XXI в. насчитывалось более 14000 публикаций, в которых анализировались данные проблемы [Yu, 2006].

Более широкая трактовка цифрового разрыва возникла в 2000-е гг., когда многие ученые отказались от подхода «*have and have-not*» [Leavitt, 2002], а стали исследовать это явление с учетом таких факторов, как доступность того или иного контента, интенсивность и качество подключения к Интернету, знания и навыки пользователей. Дискуссии о различиях в цифровых навыках и использовании ИКТ привели к появлению синонимичных терминов «цифровой разрыв второго уровня» и «цифровое неравенство». В фокусе внимания оказались вопросы, связанные с неравенством в технических возможностях, автономии и паттернах использования компьютерных технологий. Изучались даже различия в мотивах поведения, которые мешают людям использовать определенные устройства и технологии [Van Dijk, 2006]. Однако и этими аспектами исследования не ограничились – многие ученые считают, что доступ к ИКТ и наличие цифровых навыков априори не обеспечивают преимущества цифровизации. Необходимо учитывать ее последствия для общества в целом, социальных групп или отдельных людей, поскольку неравенство возможностей в сфере ИКТ может приводить к социально-экономическому неравенству. Другими словами, феномен цифрового разрыва можно и нужно рассматривать как отражение неравенства в обществе. Некоторые ученые даже считают цифровой разрыв одной из причин или следствием экономической бедности и используют термин «цифровая бедность» [Manduna, 2016].

Таким образом, если процессы цифровизации не приводят к благоприятным результатам, то это свидетельствует о цифровом разрыве в социальной сфере [Lythreatis et al., 2022] и предопределяет необходимость исследования взаимосвязей между цифровым неравенством и социально-экономическими процессами. Причем это делается в контексте изучения социально-демографических, экономических, культурных и иных детерминант цифрового разрыва, таких как возраст, образование, этническая принадлежность, доходы, занятость, уровень урбанизации и т.д. [Гладкова и др., 2019; Сафиуллин, Моисеева, 2019; Hidalgo et al., 2020]. Кроме того, крайне необходимы адекватные оценки уровня цифрового неравенства и эффективные меры по преодолению цифрового разрыва. Например, активно обсуждаются пути цифровой интеграции, даются различные рекомендации относительно распределения ресурсов на реализацию политики социальной интеграции с помощью ИКТ [Liao, 2022].

Цифровые разрывы в Европе на современном этапе

Несмотря на значительный прогресс, достигнутый за последние два десятка лет, и существенные меры поддержки процессов цифровизации экономики и общества, оказываемые Евросоюзом [Циренщиков, 2019], в европейских странах остаются определенные диспропорции как в инфраструктуре ИКТ, так и в интенсивности их использования. По ключевому индикатору «доступ домохозяйств к ИКТ», позволяющему оценить цифровой разрыв первого уровня, максимальный цифровой разрыв между европейскими странами составил 37% [Lucendo-Monedero et al., 2019]. Данная оценка, сделанная по выборке из 33 европейских стран для 2017 г., в целом схожа с результатами аналогичного исследования, проведенного по данным 2008–2010 гг. [Cruz-Jesus et al., 2012]. При этом европейские страны с высоким уровнем социально-экономического развития с течением времени повышают и уровень своей цифровизации, что нельзя сказать в отношении всех стран с более низкими значениями макроэкономических индикаторов. Менее развитые в экономическом плане страны Европы расширяют свое цифровое пространство, но более низкими темпами, чем страны-лидеры. Кроме того, следует учитывать и географическую близость: корреляции между переменными цифровизации существенно выше для соседних стран. В некоторых работах с помощью эконометрических моделей сделаны оценки пространственной автокорреляции, что позволило осуществить кластеризацию стран и выявить разрывы. В частности, кластер стран с самыми высокими значениями цифровизации находится на северо-западе Европы, с самыми низкими – на юго-востоке [Lucendo-Monedero et al., 2019].

Уровень цифрового неравенства определяется главным образом частотой и типом используемого Интернета. Так, по данным 2020 г., в европейских странах подключение к Интернету имели 91% домохозяйств (в том числе 89% – с широкополосным доступом), что практически соответствует уровню насыщения¹. При этом доля домашних хозяйств, имеющих компьютер с доступом в Интернет, составила, по данным 2017 г., 83%. По этому показателю лидирующие позиции занимают Исландия, Норвегия, Люксембург и Дания (98,5, 97,6, 95,9 и 95,0% соответственно). Наименьшие значения показателя среди стран Европы наблюдаются в Сербии, Италии, Болгарии и Черногории (65,8, 64,7, 60,2 и 58,2%, соответственно). Здесь мы отчетливо можем наблюдать цифровой разрыв более чем в полтора раза. Причем с определенной долей условности европейские страны можно разделить на два «цифровых полюса»: 1 – северные страны (максимальный уровень цифровизации), 2 – южные и восточные страны (минимальный уровень цифровизации). При этом следует отметить, что такая поляризация обусловлена, прежде всего, экономическими факторами – в странах с более высокими доходами люди могут себе позво-

¹ Здесь и далее мы приводим данные из актуальной базы Евростата (Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database> (дата обращения: 22.05.2022)) и отчета о развитии ИКТ стран мира (Measuring the Information Society Report. Volume 1 (2017) International Telecommunication Union, Geneva, Switzerland. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/08/MISR2017.pdf> (дата обращения: 22.05.2022))

лить не только иметь гаджеты, но и стационарный компьютер. Значение фактора дохода подтверждает и ассоциированный профессор Университета Кентерберри М. Кэмпбелл. Он выявил тесную связь между уровнем доступа в Интернет, наличием мобильных телефонов и доходами домохозяйств. Кроме этого, существуют географические различия, которые в значительной степени отражают региональное неравенство в доходах [Campbell, 2021].

Следует обратить внимание на тот факт, что пользователи компьютеров в развитых странах обладают и более развитыми цифровыми навыками, чем пользователи в странах-аутсайдерах. Так, по состоянию на 2019 г., лишь у 25% населения Европы цифровые навыки были развиты выше базового уровня. Самые высокие значения по данному показателю имели Чехия, Норвегия и Нидерланды (36, 31 и 30% соответственно), самые низкие показатели – Косово (12%), Турция (13%) и Албания (14%). Наибольшая доля лиц с более чем базовым общим уровнем цифровых навыков наблюдалась в Исландии, Норвегии, Нидерландах и Финляндии (62, 51, 50 и 50%, соответственно), наименьшая – в Румынии, Боснии и Герцеговине и в Албании (10, 8 и 7%, соответственно). Что касается интенсивности использования сети Интернет, здесь различия менее существенные, но закономерности в территориальном разрезе практически идентичны. Так, в 2020 г. наибольшее значение по показателю «доля людей с ежедневным доступом в Интернет» занимали страны: Исландия (98%), Норвегия, Дания и Великобритания (94%), Болгария и Румыния, (62%).

Анализ разрывов по степени использования социальных сетей позволяет сделать вывод, что здесь не существует ярко выраженного пространственного расслоения. По данному показателю можно выделить европейские регионы с высоким уровнем использования социальных сетей (величина охвата – более чем 64% домохозяйств и отдельных лиц), большинство из этих стран расположены в Северной Европе (Норвегия, Финляндия, Дания и др.). К странам со средним уровнем использования социальных сетей следует отнести Германию, Швейцарию, Австрию, Чехию, Словакию, Венгрию и Румынию (величина охвата – около 60% домохозяйств и отдельных лиц). Эти страны разбросаны по всей Европе. К странам с более низким уровнем использования социальных сетей (величина охвата – менее 55% домохозяйств и отдельных лиц) следует отнести Францию, Италию, Хорватию, Грецию, а также некоторые регионы на востоке Германии и в Польше.

Значительные различия в обеспеченности ИКТ и их использовании наблюдаются в разрезе отдельных стран. По доступу к Интернету среди домохозяйств лидируют Исландия (98%), Нидерланды (97%), Британия (97%), Финляндия (96%), Норвегия (96%) и Германия (96%). Самые низкие значения у стран: Греции (80%), Черногории (80%), Болгарии (79%), Северной Македонии (79%), Боснии и Герцеговины (73%). Данные различия обуславливаются многими составляющими. Например, пользователи Интернета, как правило, сосредоточены в городах, где доходы, уровень образования и доступ к цифровым технологиям более высокие, чем в сельских районах. Последние обделены вниманием провайдеров Интернет-услуг, поскольку в сельских районах ниже доходы и плотность населения, но более высокие затраты на развитие инфраструктуры. Если рассматривать распространение Интернета в странах Европы по признаку «городские/сельские районы», то можно наблюдать

следующее: городские районы неизменно имеют более высокие значения показателя «доля домохозяйств с широкополосным типом подключения к Интернету», чем сельские районы. Например, в Бельгии такое соотношение составляет (в %) 56/38, в Польше – 71/66, во Франции – 77/73, в Швеции – 87/82.

Для исследования цифрового разрыва также важно учитывать этнический состав населения. В подавляющей части стран Европы национальные меньшинства отстают от остальной массы населения в доступе и частоте использования Интернета. Это обусловлено тем, что национальные меньшинства часто имеют более низкие доходы и менее образованы. При этом некоторые исследователи отмечают, что даже с поправкой на доход этнические различия в использовании Интернета сохраняются. Немаловажен и миграционный аспект: Интернет имеет решающее значение для обмена и поиска информации при принятии решений о миграции [Merisalo et al., 2019]. Это особенно актуально для Европы ввиду увеличивающихся потоков беженцев. Мигранты ищут в Интернете информацию о рабочих местах, образовании и жилье в европейских странах.

Обращая внимание на гендерные различия в отношении доступа к Интернету, следует отметить, что они незначительны или вовсе отсутствуют в Западной Европе. Однако во многих других европейских странах женщины реже пользуются Интернетом, чем мужчины. Например, в Греции доля таких женщин составляет около 20%, в Португалии – 25%. Данный факт обусловлен тем, что женщины во всем мире имеют меньше возможностей для получения образования и карьерного роста и часто сталкиваются с ограничительными гендерными нормами [Joiner et al., 2015].

Рассматривая возрастную структуру пользования Интернетом, отметим, что молодежь пользуется им чаще, чем пожилое население. При этом молодежь чаще использует Интернет для общения в социальных сетях, пожилые люди – для получения новостной информации, прогноза погоды и т.п. Людям среднего возраста Интернет чаще всего необходим в рабочих целях и для взаимодействий с государственными органами. Многие исследования показывают, что при использовании ИКТ как молодежью, так и пожилыми людьми существуют значительные различия, которые стратифицированы по полу, этнической принадлежности и классу [Hargittai et al., 2017].

Следует отметить важность исследования взаимодействий процессов цифровизации и рынка труда. Эти взаимодействия неоднозначны. С одной стороны, технологии способствуют повышению производительности труда высококвалифицированных работников и их зарплат, а, с другой стороны, сокращается занятость тех, кто решает рутинные задачи, поддающиеся автоматизации [Лукиянова, 2021]. В 2018 г. доля персонала ИКТ в общей численности занятых по отдельным странам Европы составила от 1,51% (в Греции) до 4,75% (в Швеции). Кроме Швеции, высокие значения показателя также имели Мальта (4,71%), Эстония (4,30%), Латвия (4,15%), Финляндия (3,79%). Цифровой разрыв между странами обусловлен, прежде всего, степенью развитости инфраструктуры ИКТ, внедрением современных технологий автоматизации процессов в различные сферы материального и нематериального производства. Рост показателя в динамике способствует увеличению

спроса на рабочую силу в отраслях, связанных с созданием высокотехнологичного продукта.

Данный показатель имеет разрыв по гендерному признаку, причем в наиболее экономически развитых странах он наиболее сильно заметен (разрыв до пяти раз). Так, согласно данным Евростата, в 2020 г. доля трудоустроенных мужчин-специалистов по ИКТ от общего числа трудоустроенных в целом по ЕС составила 81,5%, тот же показатель по женщинам – 18,5%. Это говорит о том, что структура рабочих мест в значительной степени находится под влиянием ИКТ. Самая большая доля трудоустроенных мужчин-специалистов по ИКТ наблюдается в Чехии (89,7%), на Мальте (89,3%), в Венгрии (87,7%). Наименьшие значения показателя имеют Румыния, Греция и Болгария (73,8, 73,5 и 71,8% соответственно). По показателю «доля трудоустроенных женщин-специалистов по ИКТ» Болгария, Греция и Румыния имеют наибольший процент по сравнению с остальными странами ЕС (28,2, 26,5 и 26,2 соответственно). Наибольшему влиянию ИКТ в ближайшие годы будут подвержены рабочие места в Румынии, Португалии, Хорватии, наименьшему – в Швеции, Великобритании, Ирландии (в этих странах технологизация рабочих мест уже имеет высокие результаты, поэтому ее активность будет снижаться). Каждое пятое рабочее место, например, в Ирландии и каждое второе в Италии полностью автоматизированы.

Таким образом, мы фиксируем позитивные тенденции в процессах цифровизации европейских стран. Вместе с тем детерминанты цифрового неравенства в разной степени оказывают влияние на многие страны. Их знание позволяет получать адекватные оценки цифровых разрывов, вырабатывать меры по их преодолению и снижению негативного воздействия.

Обобщающая оценка цифрового неравенства стран Европы: результаты эмпирического исследования

Оценки разрывов в уровне цифровизации для разных стран или регионов целесообразно делать на основе количественных моделей, среди которых самыми распространенными являются индексные модели. Индексы представляют собой обобщающие показатели цифровизации, получаемые благодаря агрегированию индивидуальных переменных в единый показатель с помощью различных методов. Сравнение индексов в разрезе отдельных стран или регионов позволяет получать оценки различий в цифровом развитии в какой-либо момент времени.

Именно такой подход мы предлагаем в эмпирической части своего исследования. Для его реализации используются два обобщающих индикатора. Первый – это DESI (*Digital Economy and Society Index*), официальный индекс, рассчитываемый и регулярно публикуемый в отношении стран Европы. Методология его построения проста: она использует агрегирование переменных, входящих в группы и подгруппы, с помощью системы весов. Например, четыре основные группы показателей имеют равные веса (25%), а большинство подгрупп – разные¹.

¹ The Digital Economy and Society Index (DESI). URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi> (дата обращения: 22.05.22).

Второй – это наш авторский показатель под названием PC1, полученный по альтернативной методологии построения индекса цифровизации. Она основана на использовании метода главных компонент (*principal component analysis, PCA*) и реализуется на практике путем выделения первой главной компоненты из набора данных по переменным цифровизации. Именно ее можно рассматривать как композитный показатель цифровизации. Не вдаваясь в формальную сторону построения нашего индекса, отметим лишь два момента:

1. Использовалась схожая, но не тождественная DESI выборка первичных данных: информация отбиралась по трем группам показателей, включенных в раздел открытой базы данных Евростата «Цифровая экономика и общество». Все выбранные переменные (таблица 1) отражают уровень развития ИКТ на предприятиях и в домохозяйствах. Выбор именно этих переменных обусловлен тем, что по ним в Евростате представлены данные в отношении всех европейских стран. При этом в базе данных присутствует информация и по другим индикаторам, однако мы сознательно отказались от включения их в индекс. Это связано с тем, что, во-первых, они схожи с выбранными показателями (в частности, представляют собой какой-либо подвид уже включенной в индекс переменной) и не несут необходимой для получения обобщающей оценки дополнительной информации.

Таблица 1

Выборка показателей цифровизации из базы данных Евростата

Наименование группы	Маркировка показателя по классификатору Евростата	Расшифровка показателя
Использование ИКТ на предприятиях (без учета компаний финансового сектора)	isoc_ec_eseln2	Предприятия, участвующие в электронной торговле
	isoc_ci_in_en2	Предприятия, работники которых имеют доступ к Интернету
	isoc_ci_cm_pn2	Занятые работники, использующие компьютеры с доступом в Интернет
	isoc_ciweb	Предприятия, имеющие веб-сайт
	isoc_cicce_use	Предприятия, пользующиеся услугами по облачной обработке данных
Использование ИКТ в домашних хозяйствах и отдельными лицами	isoc_ci_in_h	Домохозяйства с доступом в Интернет
	isoc_ci_ac_i	Домохозяйства, использующие Интернет для поиска информации о товарах и услугах
	isoc_ci_ac_i	Домохозяйства, использующие Интернет-банкинг
	isoc_ci_ifp_fu	Домохозяйства, использующие Интернет ежедневно
	isoc_ciegi_ac	Домохозяйства, использующие Интернет для взаимодействия с государственными органами
Цифровые навыки	isoc_sks_itspt	Занятые специалисты в сфере ИКТ

Источник: составлено на основе базы данных Евростата.

Например, из третьей группы мы посчитали нецелесообразным включение в индекс таких показателей, как численность занятых специалистов в области ИКТ, детализированная с учетом пола, возраста, уровня образования, поэтому ограничились только базовым показателем. Во-вторых, отсутствие информации по какому-либо индикатору, хотя бы по одной стране, было основанием для исключения этого индикатора в целом из нашего индекса: в противном случае мы не смогли бы обеспечить сопоставимость результатов для получения сравнительных оценок цифровых разрывов.

2. Для обеспечения сопоставимости PC1 и DESI осуществлялся пересчет нашего индекса в 100-балльную шкалу пропорционально среднему значению индекса DESI-2020 по всем странам.

Мы предлагаем более продвинутый инструмент оценки цифровых разрывов, чем DESI. Агрегирование переменных в DESI осуществляется с использованием метода средней арифметической взвешенной величины, который при всей своей простоте имеет недостаток, связанный с предвзятостью выбора весов. В данном случае этой проблемы нет, поскольку выбор весов не требуется: интегральный индекс цифровизации конструируется путем выделения ненаблюдаемой переменной с использованием методов снижения размерности признаков пространства. PCA позволяет уменьшить количество переменных в массиве данных, сохранив при этом максимум информации. Зарубежными авторами метод главных компонент активно используется при исследовании процессов цифровизации, тогда как российские экономисты выбирают его чаще всего в качестве инструмента оценивания волатильности и стресса на финансовых рынках. Мы же хотим продемонстрировать результаты его реализации в отношении получения оценок по цифровым разрывам в Европе. Кроме того, особенность нашего подхода заключается в отборе данных для реализации PCA. Если в расчетах DESI необходимы результаты специальных обследований, то мы использовали исключительно публичную информацию из базы данных Евростата.

Таким образом, рассчитав с помощью метода главных компонент наш индекс, мы формируем собственный рейтинг стран Европы и сравниваем его с официальным рейтингом по данным DESI. Затем получаем оценки европейского цифрового неравенства путем сопоставления индексов для разных стран.

В итоге были получены следующие результаты. Расчет индивидуальных значений главных компонент¹ с последующим ранжированием показателя по убыванию позволил сформировать рейтинг европейских стран по уровню развития цифровой экономики. Тройку лидеров из 27 стран в 2020 г. образуют Швеция, Дания и Норвегия со значением первой главной компоненты PC1, равной, соответственно, 1,702, 1,691 и 1,456. Аутсайдерами в нашем рейтинге оказались Греция (-1,265), Болгария (-1,942), Румыния (-2,281).

В таблице 2 приведены результаты сопоставления полученного нами рейтинга с рейтингом DESI.

¹ Расчет осуществлялся с использованием пакета для эконометрического анализа EViews.

Таблица 2

Рейтинг цифровизации стран Европы в 2020 г.

Страна	Метод главных компонент (авторская методика)		Метод взвешивания (методика DESI)	
	Количество баллов	Место в рейтинге	Количество баллов	Место в рейтинге
Финляндия	-	-	62,8	1
Швеция	66,1	1	61,1	3
Дания	65,9	2	61,8	2
Норвегия	63,2	3	-	-
Нидерланды	58,6	4	58,9	4
Бельгия	55,3	5	51,1	10
Эстония	54,6	6	54,7	7
Германия	54,0	7	49	13
Ирландия	53,5	8	54,1	8
Люксембург	52,2	9	55,5	6
Австрия	50,7	10	50,2	11
Мальта	48,6	11	56,5	5
Испания	48,2	12	52,7	9
Чехия	47,6	13	43,8	18
Словения	47,5	14	48,2	14
Словакия	44,5	15	39,7	21
Латвия	44,1	16	47,2	16
Кипр	43,9	17	39,3	22
Литва	43,1	18	49,9	12
Франция	-	-	47,2	17
Венгрия	41,5	19	38,5	23
Польша	39,7	20	37,6	24
Хорватия	39,3	21	40,5	20
Италия	39,0	22	40,8	19
Португалия	37,5	23	47,5	15
Сербия	32,9	24	-	-
Греция	31,6	25	32,9	26
Болгария	23,7	26	34,4	25
Румыния	19,8	27	30	27

Источник: составлено авторами.

В нашем варианте нет баллов по таким странам, как Финляндия и Франция, ввиду отсутствия данных в Евростате по отдельным переменным, которые необходимы в расчетах по РСА. Вместе с тем в нашем рейтинге есть Норвегия и Сербия, тогда как эти страны отсутствуют в официальном рейтинге.

Полученный нами по 27 странам рейтинг можно условно разделить на 3 части с выделением стран с высокими (50 и более баллов), средними (35–49 баллов) и низкими (до 35 баллов) показателями цифровизации экономики. В первую часть вошли, как это видно из таблицы, 10 стран, во вторую – 13 стран, в третью – 4 страны. При этом первую группу формируют в основном страны с развитой экономикой, вторая и третья группы в подавляющем большинстве состоят из стран бывшего социалистического блока. Если сделать простейшие оценки цифрового неравенства в отношении этих групп, то получается, что средний уровень цифровизации первой группы на треть выше, чем уровень второй группы, и более чем в два раза превышает уровень третьей группы. Разрыв между второй и третьей группой составляет чуть более 60%. Если же рассматривать разрывы по рейтингу DESI, то схожие результаты получаются при сравнении первых двух групп. Третья группа аутсайдеров в этом рейтинге имеет более высокий средний балл, поэтому разрыв не такой большой: с первой группой он составляет 74%, со второй – 35%. Оценки максимального разрыва (отношение баллов страны-лидера и страны-аутайдера) по нашим результатам значительно больше, чем по DESI – 3,3 раза (у нас) и 2,1 раза (DESI).

Наши результаты в значительной части полученных оценок соотносятся с оценками официального рейтинга DESI. Также прослеживается схожая последовательность мест, занимаемых странами в обоих рейтингах, особенно в их верхней и нижней частях. Расхождение итоговых рейтинговых оценок может объясняться, во-первых, различием методик расчета интегрального показателя и перевода в балльную шкалу, во-вторых, различием набора переменных и объема наблюдений, которые использовались при построении рейтингов.

Заключение

В статье проведен анализ цифровых разрывов в европейских странах на современном этапе. Несмотря на впечатляющие успехи, которые Европа имеет в процессах развития ИКТ, существуют различные проблемы, связанные с ограниченностью в доступе к технологиям, различиями в цифровых навыках, а также с последствиями распространения технологий среди различных групп населения. В европейском пространстве действуют различные детерминанты цифрового разрыва, имеющие неодинаковую силу воздействия в разных странах. К таким детерминантам относятся наличие, тип и интенсивность использования Интернета, обеспеченность техническими устройствами. Немаловажны характеристики самих пользователей – гендерные и возрастные различия, этническая принадлежность, уровень доходов и т.п. На цифровые разрывы влияют процессы, происходящие и на рынке труда.

В статье по актуальным европейским статистическим данным проведен анализ детерминант цифрового разрыва в страновом (территориальном) разрезе, выделены лидеры и аутсайдеры, объяснены причины цифрового неравенства. Ключевым эле-

ментом статьи является изложение результатов эмпирического исследования, посвященного обобщенной оценке уровня цифровизации стран Европы. Предложен авторский индекс, построенный по методу главных компонент, который позволил получить рейтинг стран и сделать оценки цифровых разрывов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гладкова А.А., Гарифуллин В.З., Рагнедда М. (2019) Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан), *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, № 4. С. 41–72. DOI: 10.30547/VESTNIK.JOURN.4.2019.4172.

Лукьянова А. (2021) Цифровизация и гендерный разрыв в оплате труда, *Экономическая политика*, Т. 16, № 2. С. 88–117. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-88-117.

Сафиуллин А.Р., Моисеева О.А. (2019) Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*, № 6(12). С. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602.

Циренчиков В.С. (2019) Цифровизация экономики Европы. *Современная Европа*, № 3(89). С. 104–114. DOI: 10.15211/soveurope32019104113.

Campbell M. (2021) Pandemics and emergent digital inequalities, *New Zealand Geographer*, vol. 77(3), pp. 180–184. DOI: 10.1111/nzg.12316.

Cascio W.F. and Montealegre R. (2016) How technology is changing work and organizations, *The Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, vol. 3(1), pp. 349–375. DOI:10.1146/annurev-orgpsych-041015-062352.

Cruz-Jesus F., Oliveira T., Vacao F. (2012) Digital divide across the European Union, *Information & Management*, vol. 49(6), pp. 278–291. DOI: 10.1016/j.im.2012.09.003.

Hargittai E., Dobransky K. (2017) Old dogs, new clicks: Digital inequality in skills and uses among older adults, *Canadian Journal of Communication*, vol. 42(2), pp. 195–212. DOI: 10.22230/CJC2017V42N2A3176.

Hidalgo A., Gabaly S., Morales-Alonso G., Urueña A. (2020) The digital divide in light of sustainable development: An approach through advanced machine learning techniques, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 150, article 119754. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.119754.

Hoffman D.L., Novak T.P., Schlosser A. (2000) The evolution of the digital divide: How gaps in Internet access may impact electronic commerce, *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 5(3), JCMC534. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2000.tb00341.x.

Joiner R., Stewart C., Beaney C. (2015) Gender digital divide: Does it exist and what are the explanations?, in Rosen L.D., Cheever N.A., Carrier L.M. (eds.) *The Wiley Handbook of Psychology, Technology, and Society*, John Wiley & Sons, Ltd.: Hoboken, NJ, USA, pp. 74–88. DOI: 10.1002/9781118771952.ch4

Kaplan A., Haenlein M. (2019) Digital transformation and disruption: On big data, blockchain, artificial intelligence, and other things, *Business Horizons*, vol. 62(6), pp. 679–681. DOI: 10.1016/j.bushor.2019.07.001.

Leavitt H.J. (2002) Technology and organizations: Where's the off button? *California Management Review*, vol. 44 (2), pp. 126–140. DOI: 10.2307/41166126.

Liao Sh.-Ch., Chou T.-Ch., Huang Ch.-H. (2022) Revisiting the development trajectory of the digital divide: A main path analysis approach, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 179, article 121607. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121607.

Lucendo-Monedero A.L., Ruiz-Rodríguez F., González-Relaño R. (2019). Measuring the digital divide at regional level. A spatial analysis of the inequalities in digital development of households and individuals in Europe, *Telematics and Informatics*, vol. 41, pp. 197–217. DOI: 10.1016/j.tele.2019.05.002.

Lythreath S., Singh S.K., El-Kassar A.-N. (2022) The digital divide: A review and future research agenda, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 175, article 121359. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121359.

Manduna W. (2016) Empirical study of digital poverty: A case study of a university of technology in South Africa, *Journal of Communication*, vol. 7(2), pp. 317–323. DOI: 10.1080/0976691X.2016.11884913.

Merisalo M., Jauhiainen J.S. (2019) Digital divides among asylum-related migrants: Comparing Internet use and smartphone ownership, *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*, vol. 111(5), pp. 689–704. DOI: 10.1111/tesg.12397.

Van Dijk J.A. (2006) Digital divide research, achievements and shortcomings, *Poetics*, vol. 34(4-5), pp. 221–235. DOI: 10.1016/J.POETIC.2006.05.004.

Yu L. (2006) Understanding information inequality: Making sense of the literature of the information and digital divides, *Journal of Librarianship and Information Science*, vol. 38(4), pp. 229–252. DOI: 10.1177/0961000606070600.

Digital Divide in European Countries: Approaches to Definition and Assessment

A.O. Ovcharov*

*Doctor of Science (Economics), Professor of the Department of Accounting
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhniy Novgorod, Russia, 603950
E-mail: anton19742006@yandex.ru

A.M. Terekhov**

*Candidate of Sciences (Economics)
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic
Disciplines, Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya Street, Moscow, Russia, 117418
**E-mail: terehoff.t@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on the problems of digital inequality in European countries as well as examines the evolution of approaches to the definition of the digital divide. On this basis the research identifies key factors (determinants) and features of the digital divides in European countries. Based on statistical data the research addresses the effects of such determinants as intensity of the Internet and social networks use, the availability of technical devices, gender, age, ethnic and economic differences of users, and the development of the labor market on the digital divides in Europe. In order to obtain a generalized assessment of the level of digitalization the authors developed an original index of digitalization, using the method of principal components. It was de-

veloped the rating of European countries according to the level of digitalisation. It is revealed that Sweden, Denmark and Norway were at the top of ranking in 2020, and Greece, Bulgaria and Romania were at the bottom. The study outlines three groups of European countries focusing on their level of digitalisation. The estimates of digital divides were compared with the estimates obtained with the help of the well-known official European index of the digital economy and society DESI. The research outlined significant gaps. The analysis also demonstrated that digital divides between European countries are driven by their level of economic development.

Keywords: digital divides, inequality, index, principal component method, estimates.

DOI: 10.31857/S0201708322050072

EDN: gluyvq

REFERENCES

- Campbell M. (2021). Pandemics and emergent digital inequalities, *New Zealand Geographer*, vol. 77(3), pp. 180–184. DOI: 10.1111/nzg.12316
- Cascio W.F., Montealegre R. (2016) How technology is changing work and organizations, *The Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, vol. 3(1), pp. 349–375. DOI:10.1146/annurev-orgpsych-041015-062352.
- Cruz-Jesus F., Oliveira T., Bacao F. (2012) Digital divide across the European Union, *Information & Management*, vol. 49(6), pp. 278–291. DOI: 10.1016/j.im.2012.09.003.
- Gladkova A.A., Garifullin V.Z., Ragnedda M. (2019) Model' trekh urovnej cifrovogo neravenstva: sovremennye vozmozhnosti i ogranicheniya (na primere issledovaniya Respubliki Tatarstan) [The model of three levels of digital inequality: modern opportunities and limitations (on the example of the study of the Republic of Tatarstan)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 4, pp. 41–72. DOI: 10.30547/VESTNIK.JOURN.4.2019.4172. (in Russian).
- Hargittai E., Dobransky K. (2017) Old dogs, new clicks: Digital inequality in skills and uses among older adults, *Canadian Journal of Communication*, vol. 42(2), pp. 195–212. DOI: 10.22230/CJC2017V42N2A3176.
- Hidalgo A., Gabaly S., Morales-Alonso G., Urueña A. (2020) The digital divide in light of sustainable development: An approach through advanced machine learning techniques, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 150, article 119754. DOI: 10.1016/j.techfore.2019.119754.
- Hoffman D.L., Novak T.P., Schlosser A. (2000) The evolution of the digital divide: How gaps in Internet access may impact electronic commerce, *Journal of Computer-Mediated Communication*, vol. 5(3), JCMC534. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2000.tb00341.x.
- Joiner R., Stewart C., Beaney C. (2015) Gender digital divide: Does it exist and what are the explanations?, in Rosen L.D., Cheever N.A., Carrier L.M. (eds.) *The Wiley Handbook of Psychology, Technology, and Society*, John Wiley & Sons, Ltd.: Hoboken, NJ, USA, pp. 74–88. DOI: 10.1002/9781118771952.ch4Kaplan A., Haenlein M. (2019) Digital transformation and disruption: On big data, blockchain, artificial intelligence, and other things, *Business Horizons*, vol. 62(6), pp. 679–681. DOI: 10.1016/j.bushor.2019.07.001.
- Leavitt H.J. (2002) Technology and organizations: Where's the off button? *California Management Review*, vol. 44 (2), pp. 126–140. DOI: 10.2307/41166126.

Liao Sh.-Ch., Chou T.-Ch., Huang Ch.-H. (2022) Revisiting the development trajectory of the digital divide: A main path analysis approach, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 179, article 121607. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121607.

Lucendo-Monedero A.L., Ruiz-Rodríguez F., González-Relaño R. (2019). Measuring the digital divide at regional level. A spatial analysis of the inequalities in digital development of households and individuals in Europe, *Telematics and Informatics*, vol. 41, pp. 197–217. DOI: 10.1016/j.tele.2019.05.002.

Luk'yanova A. (2021) Cifrovizaciya i gendernyj razryv v oplate truda [Digitalization and the gender pay gap], *Ekonomicheskaya politika*, no. 16(2), pp. 88–117. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-88-117. (in Russian).

Lythreitis S., Singh S.K., El-Kassar A.-N. (2022) The digital divide: A review and future research agenda, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 175, article 121359. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.121359.

Manduna W. (2016) Empirical study of digital poverty: A case study of a university of technology in South Africa, *Journal of Communication*, vol. 7(2), pp. 317–323. DOI: 10.1080/0976691X.2016.11884913.

Merisalo M., Jauhiainen J.S. (2019) Digital divides among asylum-related migrants: Comparing Internet use and smartphone ownership, *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*, vol. 111(5), pp. 689–704. DOI: 10.1111/tesg.12397.

Safiullin A.R., Moiseeva O.A. (2019) Cifrovoe neravenstvo: Rossiya i strany mira v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii [Digital inequality: Russia and the countries of the world in the conditions of the Fourth industrial Revolution]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, no. 6(12), pp. 26–37. DOI: 10.18721/JE.12602. (in Russian).

Tsirenschikov V.S. (2019) Cifrovizaciya ekonomiki Evropy [Digitalization of the European economy]. *Sovremennaya Evropa*, no. 3(89), pp. 104–114. DOI: 10.15211/soveurope32019104113. (in Russian).

Van Dijk J.A. (2006) Digital divide research, achievements and shortcomings, *Poetics*, vol. 34(4–5), pp. 221–235. DOI: 10.1016/J.POETIC.2006.05.004.

Yu L. (2006) Understanding information inequality: Making sense of the literature of the information and digital divides, *Journal of Librarianship and Information Science*, vol. 38(4), pp. 229–252. DOI: 10.1177/0961000606070600.

УДК (001+62):659.4+327.3

ВЛИЯНИЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ НА СОВРЕМЕННОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

© 2022 **ВОДОПЬЯНОВА Елена Викторовна***

Доктор философских наук, профессор

*Отдел социальных и политических исследований, Центр культурологии
Институт Европы РАН, член редколлегии журнала «Современная Европа»*

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

***E-mail:** *veritas-41@yandex.ru*

Поступила в редакцию 30.05.2022

После доработки 06.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. В статье с использованием социокультурной методологии, парадигмы постнормальной науки и метода дедукции рассмотрены обратные связи между актуальными дисциплинарными приоритетами в европейском научно-технологическом континууме и общественным мнением европейцев в сегменте, касающемся сциентистской эволюции региона. Основная цель исследования состоит в том, чтобы показать, что взгляды европейцев, относящиеся к влиянию науки и технологий на развитие общества, с одной стороны, прямо коррелируют с эволюцией современного общества знаний, но одновременно активно продуцируют социальный заказ на изменения дисциплинарных научно-технологических приоритетов в Старом Свете. Показано, что диалог науки и европейского общества есть единство традиционных и новых форм взаимодействия между ними. При этом традиционное связано, прежде всего, с тем, что трансляция научных знаний в социум по-прежнему в значительной мере происходит через СМИ, (в первую очередь ТВ). Новые формы этого диалога сегодня в Европе основаны на возрастающей потребности в масштабном участии в них общества в контексте экологических мероприятий, осознанного потребления ресурсов без ущерба для окружающей среды и климата, готовности включаться в борьбу с новыми заболеваниями и т.п. Выстраивание диалога между наукой и европейским обществом будет происходить в

координатах постнормальной науки через углубление взаимодействия между учеными и не-экспертами.

Ключевые слова: европейская наука, технологии, информационное общество, постнормальная наука, биоэкономика, ЕС, общественное мнение, Евробарометр.

DOI: 10.31857/S0201708322050084

EDN: glvjjs

Взаимодействие науки и европейского общества меняло свои формы на протяжении всей истории Старого Света. В качестве его основных вех принято первоначально рассматривать становление античной науки как совокупности первых научных теорий и метода (прежде всего построений Аристотеля), а затем логики в средневековье, последующее доминирование в образованных кругах европейского общества Нового времени парадигмы «знание – сила», а далее, уже в XX в., эволюцию науки в данном регионе как большой системы, массовизацию исследовательского процесса и обусловленную этим сциентизацию¹ общественного сознания. В наибольшей степени упомянутые процессы проявили себя в шестидесятые-семидесятые годы XX в. на фоне реальных достижений НТП этого периода уже не только в европейских, но и во всех промышленно развитых странах.

Однако затем пути научного поиска, а также его технологических преломлений в контексте их позитивного принятия социумом стали все более расходиться. Этому обстоятельству способствовали следующие факторы:

– длительное отсутствие кардинальных прорывов в науке, особенно в последней четверти XX в., которые могли бы выступить критически значимыми для сознания европейцев;

– нарастание влияния на социум Старого Света мировоззрения постмодерна, с его ниспровержением рациональности и каких бы то ни было авторитетов, на смену которым пришла тотальная ироничность/пародийность бытия с господством знаковых симулякров и гиперреальностью (псевдореальностью), под которой ныне понимается неспособность сознания отличить реальность как таковую от мира образов;

– продолжающееся в XXI в. снижение ценности образования в массовом сознании, в т.ч. «инфляция высшего образования».

С другой стороны, технологические реалии информационного общества требуют вовлеченности – хотя и не тотальной – европейского населения в пространство научного знания. Для реализации этой стратегической цели Евросоюз прилагает много усилий, среди которых, прежде всего, стоит отметить инициативы «Европейское образовательное пространство 2025» (ранее «Европейское пространство высшего образования»). Динамика происходящих изменений также периодически подвергается мониторингу в рамках специальных опросов Евробарометра, посвященных в т.ч.

¹ Сциентизм – мировоззренческая концепция, в фундаменте которой лежит представление о науке как наивысшей ценности социального бытия, самодостаточной для ориентации человека в окружающем мире. Практически одновременно с появлением сциентизма возникает антисциентизм как противоположная мировоззренческая ориентация.

оценке уровня знаний/осведомленности и отношения граждан Старого Света к науке и технологиям.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, как коррелируют между собой текущие научно-технологические приоритеты Старого Света и представления о них и об их значимости у европейских граждан. Речь безусловно не идет о стремлении обнаружить и зафиксировать совпадение векторов эволюции европейского научно-технологического континуума и доминирующих в социуме популярных представлений. Однако некоторая степень их синергии безусловно может служить показателем движения к гармонизации социальной динамики в этой сфере.

Наука в постнормальном мире: вызовы и риски

Понятие «постнормальная наука» (PNS) было введено британским философом науки Раветцем и аргентинским математиком Фунтовичем в работе по проблемам математики риска еще в середине восьмидесятых годов прошлого века, однако оно отнюдь не сразу было взято на вооружение методологами. Между тем сегодня концептуально-понятийная модель происходящих процессов изменения климата и биологического разнообразия, а также становления альтернативной энергетики ассоциируется как раз с объяснительной схемой PNS и постнормальной эпохи, в которой неопределенность и необходимость ее учитывать занимает центральное место [Karpinska, 2018; Ravetz, Funtowicz, 1999; Ravetz, 2020; Sardar, 2010; Никифоров, 2019; Порус, Бажанов, 2021]. Одновременно феномен постнормальной науки возникает в «обществе риска» [Бек, 2000; Гидденс, 2004]. При этом ключевым для PNS является принцип предосторожности аналогичный «не навреди» в медицине [Порус, Бажанов, 2021: 20].

Появление парадигмы «нормальной науки» как эволюционного процесса приращения знаний в периоды между научными революциями датируется работой Т. Куна 1962 г. Одновременно этот период характеризовался началом активной разработки теорий постиндустриального общества во Франции и США. Таким образом, уже на тот момент науковедческие концепции несколько запаздывали по сравнению с моделированием социальных процессов. Значительно позднее активное развитие концепта PNS можно синхронизировать с теорией информационного общества М. Кастельса. Первое издание программной работы «Информационная эпоха: экономика, общество, культура» вышло в свет в 1996 г.

Собственно, уже начальная фаза становления постиндустриального социума постулировала и сдвигала функционал науки от познания как такового к предпринимательству/инновациям. Последние, безусловно, в той или иной форме должны согласовываться с текущими общественными тенденциями, по меньшей мере, вступать с социумом в диалог, в т.ч. с целью расширить участие широкой публики в принятии тех решений, которые прежде научно-технологическое сообщество принимало автономно. «Разумеется, из этого не следует, что ученые станут выносить свои экспертизы на какие-то референдумы, где любой профан имел бы возможность и право судить об их истинности или полезности. Такая наука просто невозможна» [Порус, Бажанов, 2021: 21].

Закономерно возникает вопрос о судьбе нормальной науки в современном мире [Касавин, 2020]. В нем нарастают неопределенности и формируется четкий запрос на срочные решения, готовность к принятию которых должно продемонстрировать общество в целом. Одновременно формируется потребность в управлении новым уровнем рисков и их успешным прогнозированием в таких областях, как альтернативная энергетика, биоэкономика и прочие сферы, на развитии которых столь сосредоточена Европа.

Пока PNS оказывается весьма значимой, но отнюдь не основной составляющей в исследовательском процессе как большой системе. Это связано прежде всего с сохраняющейся доминантой традиционного спектра научных дисциплин, где необходимость учета всего спектра общественных интересов пока не столь высока. Однако необходимость анализа тех передовых исследовательских отраслей, которые берут на себя нагрузку формирования нового уровня диалога между европейской наукой и социумом Старого Света, диктует потребность обращения к становящемуся концепту PNS.

Европа: смена доминирующей научно-технологической парадигмы

В контексте постулируемого роста взаимодействия между учеными/инноваторами и обществом/не-экспертами в этом разделе статьи мы остановимся лишь на тех отраслях знания и технологий в Евросоюзе, в которых оно не только реально может осуществляться, но и способно относительно легко отслеживаться. Речь в этом случае должна идти о зеленой экономике, цифровых преобразованиях, а также, основываясь на опыте пандемии, о борьбе с инфекционными заболеваниями в контексте эпидемиологии. Относительно последней можно сказать, что роль населения как не-экспертов здесь крайне велика, поскольку цель борьбы с пандемиями/эпидемиями – это достижение коллективного иммунитета посредством вакцинации населения, через преодоление нерешительности последнего в ходе прививочных кампаний, посредством укрепления и расширения мер общественного доверия. «Это сообщество, где все заинтересованные лица имеют право голоса – от экспертов различных научных дисциплин до заинтересованных сторон, журналистов-расследователей и сообщества в целом» [Waltner-Toews, Biggeri, De Marchi, Funtowicz, Giampietro, O'Connor, Ravetz, Saltelli, van der Sluijs, 2020].

Дигитализация также выступает реальной иллюстрацией состоявшегося диалога между экспертным научно-технологическим и не-экспертным сообществом, однако ее текущие результаты уже закреплены в повседневности и на сегодняшний день не позволяют отыскать принципиально новые маркеры, которые бы характеризовали выход этих контактов на новый уровень. Как раз в этом измерении биоэкономика, т.е. экономика, основанная не только на биотехнологиях, но и на биоресурсах в целом, а также вышеупомянутая борьба с опасными инфекциями в настоящее время представляются более актуальными индикаторами становления новой научно-технологической «экспертно-не-экспертной» реальности в Старом Свете. Базирующаяся на постоянно возобновляемых ресурсах зеленая постнефтяная экономика призвана обеспечивать в Европе идеальную платформу для решения задач XXI в., перехода к низкоуглеродной

устойчивой модели роста, продовольственной и энергетической безопасности, био-разнообразию и управлению природными ресурсами на основе предположения, что биоэкономика будет играть ключевую роль [Ronzon, Iost, Philippidis, 2022].

Эвристичность выбора именно биоэкономики как транспредметного [Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы, 2015] и междисциплинарного направления для иллюстрации углубления взаимодействия между наукой/технологиями и обществом объясняется еще и тем, что эта отрасль органично сочетает в себе исследовательскую, технологически-производственную, а также управленческо-организационную и потребительскую составляющие. Последняя одновременно пока развивается на фоне все еще неизжитого общего скептицизма европейского общества по отношению к современным биотехнологиям.

Сегодня деятельность в этом направлении получила широкое распространение не только на общеевропейском, но и национальном, региональном и муниципальном уровнях, а также среди компаний и отдельных граждан. «Инновации – это то, что превратит сегодняшние биоотходы в завтрашние продукты. Возьмем, к примеру, муниципальные биоотходы. Города и компании в таких местах, как Стокгольм, Люблина и Порту, начинают изучать потенциал преобразования биоотходов не только в энергию и компост, но и в более ценные химические вещества и другие продукты» [Bell, Paula, Dodd, Nemeth, Nanou, Mega, Campos, 2018: 27]. Наконец для углубления развития биоэкономики важен повседневный вклад и осведомленность каждого европейца. В определенной степени к эволюции активности в данном направлении причастны не только зеленые технологии, но и цифровизация.

Стратегии биоэкономики уже разработаны в Дании, Финляндии, Швеции, Германии, Нидерландах, Франции, Италии и Испании. В лидерах такого перехода страны Северной и Западной Европы, в то время как для государств ЦВЕ это пока труднодостижимая перспектива [Ronzon, Iost, Philippidis, 2022].

При этом цель развития биоэкономики состоит в том, чтобы стать действительно инклюзивной и привлекательной для будущих поколений европейцев, давая возможность удовлетворять их потребности без ущерба для окружающей среды и климата. Это, в свою очередь, предполагает [Bell, Paula, Dodd, Nemeth, Nanou, Mega, Campos, 2018: 25–26]:

- изменение мышления потребителей в отношении пищевых отходов и нехватки природных ресурсов и мотивация их к более устойчивым моделям потребления;
- стимулирование покупок более устойчивых товаров с меньшим воздействием на окружающую среду;
- повсеместное сокращение выбросов CO₂, создание конкурентоспособной, круговой и устойчивой экономики с прочной промышленной базой, которая в меньшей степени зависит от ископаемого углерода;
- снижение нагрузки на биологические ресурсы и реализация круговой экономики за счет использования биоотходов в качестве ресурса и обеспечения устойчивого производства биомассы;
- внедрение системного подхода к продуктам питания, сельскому хозяйству, рыболовству и аквакультуре, который сокращает потери продовольствия и обеспечивает безопасную и питательную пищу для поддержания здоровья;

– создание новых рабочих мест и процветания в сельских и прибрежных районах с помощью продуманных стратегий специализации, а также новых производственно-сбытовых цепочек, обеспечивающих инновационное использование биологических ресурсов.

ЕС инвестировал масштабные финансовые ресурсы в науку и инновации в этой сфере, Еврокомиссия при этом стремится обеспечивать эту эволюцию концептуально. Инициативы Евросоюза в области биоэкономики ведут свое начало с 2012 г., т.е. имеют десятилетнюю историю, причем весьма динамичную, поскольку уже в 2018 г. была опубликована вторая биоэкономическая стратегия ЕС. Кроме того, биоэкономика оказалась в центре таких политических инициатив, как Цели устойчивого развития (2015), Европейская зеленая сделка (2019) и План действий по циркулярной экономике (2020). Биоэкономическая стратегия ЕС – это не только одна из новейших, но одновременно и весьма трудно продвигаемая стратегия Евросоюза.

Среди причин подобной ситуации в качестве основных видятся следующие. Во-первых, недостаток европейских зеленых инноваций на фоне значительных достижений в биологическом знании. Во-вторых, массовому сознанию во всем мире, – и здесь европейцы не являются исключением, – еще лишь предстоит фундаментальная перенастройка от лежавшего в основе сциентизма приоритета точных наук и покорения природы, фундировавшего традиционные представления об НТП, к доминанте «наук о жизни», преодолению европейцами скептицизма по отношению к современным биотехнологиям, а также повсеместному и тотальному осознанному потреблению. Этот зеленый переход не может произойти быстро и поэтому далее необходимо проанализировать степень текущей готовности европейских граждан к подобным изменениям, частично фиксируемую результатами опросов общественного мнения.

Европейский социум в сциентистском измерении (по материалам Евробарометра)

Исследования об отношении граждан Старого Света к науке и технологиям, а также в направлении анализа знаний европейцев о научных достижениях, ведутся Евробарометром с конца 1970-х гг. Последний опрос, данные которого анализируются и используются в этой статье, был завершен весной 2021 г.¹ Со времени проведения предыдущего опроса прошло почти семь лет и очевидно, что это достаточно большой срок как для текущей динамики научно-технологического развития, так и для анализа потенциальных изменений в отношении последнего в общественном мнении европейцев. Так, в указанном опросе на 9% больше европейских респондентов по сравнению с предшествующим исследованием, относящимся к данной тематике, согласились с тем, что наука позитивно влияет на развитие общества. Данные Евробарометра при этом прямо коррелируют с концептом PNS, поскольку выясни-

¹ European citizens' knowledge and attitudes towards science and technology. Special Eurobarometer 516 April-May 2021. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2237> (дата обращения: 30.03.2022)

лось, что подавляющее большинство граждан согласны с тем, что привлечение неученых/не-экспертов к исследованиям и инновациям гарантирует, что последние отвечают потребностям, ценностям и ожиданиям общества.

В обсуждаемом исследовании Евробарометра было рассмотрено влияние на восприятие науки и технологий таких новейших вызовов, как пандемия COVID-19, глобальное потепление и движение к энергетическому переходу, которые существенно изменили картину мира современного европейца в начале третьего десятилетия XXI в.

Опрос показал, что, несмотря на полностью укоренившееся в массовом сознании жителей Старого Света глобальное воздействие постмодернизма, граждане европейских стран одновременно привержены традиционному сциентизму. Это подтверждает, в частности, продемонстрированный в ходе обсуждаемого опроса высокий уровень заинтересованности в науке и технологиях, а также в знаниях о них, особенно в сегментах медицины и экологии. Респонденты высоко оценивают достижения альтернативной (прежде всего, солнечной и ветряной) энергетики, а также разработку вакцин, что дает основания фиксировать приоритетную значимость СМИ в процессе формирования представлений о современной науке и технологиях в общественном мнении и культуре.

Обозначенные данным опросом приоритеты отражают в том числе и такие моменты как роль СМИ в формировании представлений о науке и технологиях, а также объективно присущую массовому сознанию инерционность. Наиболее наглядным примером первого можно считать сформированную на момент опроса социальную значимость вакцин (как ответ на пандемию). Инерционность же наглядно иллюстрирует отсутствие в энергетических приоритетах атомной энергетики, поскольку последняя стала рассматриваться в качестве «зеленой» совсем недавно и первоначально сугубо в экспертных кругах. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что в качестве наиболее значимых для развития общества достижений в науке в ближайшие двадцать лет 92% респондентов обозначили исследования в области солнечной энергетики, 87% – энергии ветра, 86% – вакцины и борьба с инфекционными заболеваниями, а также ИКТ.

В анализируемом опросе представлены также данные, позволяющие оценить и ранжировать место и роль сциентистской проблематики в общественном мнении. При ответе на вопрос о том, какой из перечисленных в таблице факторов оказывает наибольшее влияние на определение статуса страны или группы стран, для граждан большинства государств ЕС наука оказалась на 5–6 месте (из 9 предложенных позиций). Как правило, на верхних строчках такого рейтинга для европейцев из разных (в т.ч. и вне ЕС) стран (и в среднем по Евросоюзу) последовательно оказываются экономика, условия труда, уровень медицинского обслуживания, а также верховенство закона. Из приведенных данных видно, что значимость науки для респондентов выше стремления к знаниям о культуре/искусстве, проблемам национальной безопасности/обороны, а также политике в целом.

Таблица

Доминирующие в массовом сознании европейцев факторы, влияющие на статус страны в мире, %, (максимум 2 ответа)

Страна/фактор статуса	Оборона	Культура	Наука, технологии	Экономика	Природные ресурсы	Условия Труда	Медицина	Экология	Верховенство закона
ЕС-27	13	4	18	51	10	35	25	9	21
Бельгия	16	3	23	59	8	36	25	4	18
Болгария	13	2	17	50	10	44	21	5	20
Чехия	19	1	18	68	8	19	14	2	27
Дания	6	3	17	37	2	43	41	7	31
Германия	9	3	23	52	7	28	23	10	33
Эстония	19	3	25	50	5	35	18	5	22
Ирландия	9	5	11	51	4	50	32	7	16
Греция	19	7	18	65	7	30	22	5	21
Испания	5	2	20	47	6	40	36	5	17
Франция	19	5	16	54	9	32	20	14	19
Хорватия	16	3	20	53	12	32	19	5	22
Италия	10	4	18	48	14	45	26	9	12
Кипр	19	3	16	57	6	29	26	7	26
Латвия	24	2	14	56	14	38	20	2	13
Литва	29	1	19	62	10	28	18	4	10
Люксембург	15	3	15	57	6	39	23	7	26
Венгрия	14	3	23	46	14	36	27	7	13
Мальта	4	2	9	51	6	46	36	12	17
Нидерланды	7	4	20	55	8	34	32	4	30
Австрия	9	8	13	42	12	39	37	14	19
Польша	18	6	14	51	20	27	18	13	16
Португалия	8	2	18	49	5	51	25	4	25
Румыния	19	8	12	41	12	34	22	12	20
Словения	10	13	13	55	11	32	28	6	19
Словакия	16	3	19	47	13	28	22	9	31
Финляндия	23	5	14	57	10	29	14	2	29
Швеция	6	2	13	30	3	58	45	3	28
Великобритания	13	3	16	54	3	41	33	5	22

Источник: Data Annexes. Q A1. Special Eurobarometer 516.

Трудно объяснимым при этом можно считать тот факт, что практически только в Польше с ее давними и укорененными образовательными университетскими традициями значимость науки оказалась на 7 месте из 9 предложенных для рейтинга

факторов. В целом по ЕС медианное место сциентистских ценностей в эпоху пост-модерна/пост-постмодерна можно оценивать как достаточно высокий результат для оценки уровня проникновения ценностей традиционного рационального знания в общественное мнение современных европейцев и их сохранения в последнем.

Что касается информации о новых научных достижениях в конкретных дисциплинах, то 42% опрошенных очень заинтересованы и 47% умеренно заинтересованы в знаниях, относящихся к экологической проблематике, включая изменения климата. 38% очень заинтересованы и 48% умеренно заинтересованы в информации о новых открытиях в медицине. Однако европейцы не считают себя хорошо информированными в данных областях: так, о медицинских открытиях хорошо информированы лишь 13% респондентов, а 54% – умеренно хорошо. Таким образом, есть основания полагать, что парадигма PNS в не-экспертном сообществе пока находится лишь в стадии становления.

Для 63% опрошенных ТВ по-прежнему является предпочтительным средством получения информации о достижениях науки и новых технологиях, соцсети и блоги являются таким источником для 29% респондентов, онлайн и печатные издания составляют при этом 24%. В качестве источника своих знаний о науке и технологиях респонденты чаще всего называли просмотр документальных фильмов (59%), обсуждение этой проблематики с семьей и друзьями (55%), посещение музеев научно-технологического профиля (33%), а также самостоятельное изучение подобных вопросов в свободное время (22%), использование радио, в т.ч. подкастов (14%), онлайн энциклопедий (13%) и печатных научных журналов (10%). Безусловно, что среди читателей последних в этом опросе оказались и люди, связанные с наукой и технологиями профессионально.

Страны ЕС, где с наименьшей вероятностью упоминается ТВ в качестве главного источника информации о научных достижениях, это: Финляндия (48%), Люксембург (51%), Ирландия (52%), а также Греция и Австрия (обе по 53%).

Поскольку СМИ не уделяют научно-технологическому информированию граждан достаточного внимания, то знания последних достаточно часто не являются вполне объективными. Так, большинство респондентов считают, что Китай (по мнению 58% опрошенных европейцев) и Япония (54%) опережают науку ЕС. 30% полагают, что это относится к науке Южной Кореи, а 13% считают, что науку ЕС опережают индийские исследователи. С другой стороны, больше половины опрошенных, 57%, владеют объективной информацией об опережении европейской науки исследованиями, проводимыми в США.

Одновременно авторы опроса пришли к очевидному выводу о том, что доля респондентов, использующих традиционные каналы информации, увеличивается с возрастом. Любопытно отметить, что 32% опрошенных (и это на 7% меньше, чем в данных предыдущего опроса 2013 г.), согласны с тем, что европейское общество слишком сильно зависит от науки и недостаточно от веры. Это сравнение весьма символично: с одной стороны, в социуме размывается сциентистская парадигма индустриального общества шестидесятилетней давности, на тот момент связанная с триумфом НТП. С другой стороны, на современное позитивное отношение к науке и технологиям на фоне актуализации обращения к вопросам веры оказывает влия-

ние становление общества информационного, происходящее в социокультурном плане в координатах постмодерна и PNS.

* * *

Диалог технонауки и европейских граждан предстает как единство традиционных и новых форм взаимодействия между ними. При этом традиционное связано прежде всего с тем, что трансляция научных знаний в социум по-прежнему в значительной мере происходит через СМИ, прежде всего ТВ. Это наиболее отлаженный на данном этапе способ взаимодействия профессионалов технонауки с обществом, однако его масштабы, скорее, сужаются, чем расширяются под воздействием массовой культуры и клипового мышления новой эпохи.

Что касается новых форм обсуждаемого диалога, то они связаны в Европе прежде всего с тем, что для оптимизации технологий ныне требуется все более масштабное участие в них общества и усилий каждого конкретного индивида в контексте множества альтернатив: экологических мероприятий, осознанного потребления ресурсов без ущерба для окружающей среды и климата, готовности включаться в борьбу с новыми заболеваниями и т.п.

Можно предположить, что для граждан как не-экспертов право на участие в оценке научно-технологических проектов будет формироваться постепенно на пути преодоления привычной сциентистской парадигмы «прогресса любой ценой» к достижению уровня осознанного потребления исследовательских/инновационных результатов в контексте биологического знания и всех видов альтернативной энергетики. Опросы общественного мнения, проводимые Евробарометром, показывают, что определенные позитивные сдвиги в этом направлении Старый Свет демонстрирует уже сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бек У. (2000) *Общество риска: На пути к другому модерну*, Прогресс-Традиция, Москва, Россия. 383 с.

Гидденс Э. (2004) *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*, Весь мир, Москва, Россия. 116 с.

Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия (2021), Изд-во «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия. 232 с.

Касавин И.Т. (2020) *Наука – гуманистический проект*, Весь мир, Москва, Россия. 496 с.

Порус В.Н., Бажанов В.А. (2021) Постнормальная наука, *Философия. Журнал Высшей школы экономики*, Т. 5, № 4. С. 15–33.

Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы, (2015), Навигатор, Москва, Россия. 564 с.

Bell, J., Paula, L., Dodd, T., Nemeth, S., Nanou, C., Mega, V., Campos, P. (2018) EU ambition to build the world's leading bioeconomy – Uncertain times demand innovative and sustainable solutions, *New Biotechnology*, Vol. 40, Part A, 25 Jan., pp. 25–30.

Karpinska, A. (2018), Post-Normal Science. The Escape of Science: From Truth to Quality? *Social Epistemology*, Vol. 32, No 5, pp. 338–350.

Lokko, Y., Heijde, M., KarlSchebesta, K., Scholtes, P., Van Montagu, M., Giacca, M (2018) Biotechnology and the bioeconomy – Towards inclusive and sustainable industrial development, *New Biotechnology*, Vol. 40, Part A, 25 Jan., pp. 5–10.

Peters, M., Besley, T. (2019) Citizen Science and Post-Normal Science in a Post-Truth Era: Democratising Knowledge; Socialising Responsibility, *Educational Philosophy and Theory*, Vol. 51, pp. 1293–1303.

Ravetz, J., Funtowicz, S. (1999) Editorial Post-Normal Science – an insight now maturing. *Futures*, Vol. 31, pp. 641–646.

Ravetz, J. (2020) Science for a Proper Recovery: Post-Normal, not New Normal, *Issues*. URL: <https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery> (дата обращения: 10.05.2022)

Ronzon, T., Iost, S., Philippidis, G. Has the European Union entered a bioeconomy transition? Combining an output-based approach with a shift-share analysis. *Environ Dev Sustain (2022), Environment, Development and Sustainability*, 08 January. URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01780-8> (дата обращения: 10.05.2022)

Sardar, Z. (2010) Welcome to postnormal times, *Futures*, Vol. 42, No 5, pp. 435–444.

Waltner-Toews, D., Biggeri, A., De Marchi, B., Funtowicz, S., Giampietro, M., O'Connor, M., Ravetz, J., Saltelli, A., van der Sluijs, J. (2020) Post-Normal Pandemics: Why Covid-19 Requires a New Approach to Science, *Steps Centre*. URL: <https://steps-centre.org/blog/postnormal-pandemics-why-covid-19-requires-a-new-approach-to-science> (дата обращения: 10.05.2022)

The Impact of Science and Technology on Modern European Society

E.V. Vodopianova*

Doctor of Science (Philosophy), Professor

Department of social and political studies, Head of Center for Culturology

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** veritas-41@yandex.ru

Abstract. On the basis of sociocultural methodology, the paradigm of post-normal science and the method of deduction, the article examines the feedback between the current disciplinary priorities in the European scientific and technological continuum and the public opinion of Europeans in the segment concerning the scientific evolution of the region. The main purpose of the study is to show that the views of Europeans regarding the influence of science and technology on society development, on the one hand, directly correlate with the evolution of the modern knowledge society, but on the other hand actively produce a social order for changes in disciplinary scientific and technological priorities in the Old World. It is shown that the dialogue between science and European society relies on the unity of traditional and new forms of interaction between them. At the same time, the traditional aspect is primarily connected with the transmission of scientific knowledge to society still largely occurs through the media (primarily TV). New forms of this dialogue to society, which in Europe today help to understand that in order to optimize technologies, society needs to participate more and more in them in the context of environmental measures, conscious consumption of resources without harming the environment and climate, readiness to engage in the fight against new diseases, etc. It is argued that a dialogue between science and European society will take place in the coordinates of post-normal science through deepening interaction between scientists and non-experts.

Keywords: European science, technology, information society, post-normal science, bioeconomics, EU, public opinion, Eurobarometer.

DOI: 10.31857/S0201708322050084

EDN: glvjjs

REFERENCES

- Bell, J., Paula, L., Dodd, T., Nemeth, S., Nanou, C., Mega, V., Campos, P. (2018) EU ambition to build the world's leading bioeconomy – Uncertain times demand innovative and sustainable solutions, *New Biotechnology*, Vol. 40, Part A, 25 Jan., pp. 25–30.
- Bek U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Progress-Tradiciya, Moscow, 383 p. (in Russian).
- Giddens E. (2004) *Uskol'zayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalization Is Reshaping Our Lives]. Ves' mir, Moscow, 116 p., (in Russian).
- Karpinska, A. (2018), Post-Normal Science. The Escape of Science: From Truth to Quality? *Social Epistemology*, Vol. 32, No 5, pp. 338–350.
- Kasavin I. T. (2020) *Nauka – gumanisticheskij proekt*, Ves' mir, Moscow, Russia. 496 p. (in Russian).
- Lokko, Y., Heijde, M., KarlSchebesta, K., Scholtes, P., Van Montagu, M., Giacca, M (2018) Biotechnology and the bioeconomy – Towards inclusive and sustainable industrial development, *New Biotechnology*, Vol. 40, Part A, 25 Jan., pp. 5–10.
- Missiya uchenogo v sovremennom mire: nauka kak prizvanie i professiya* [The Mission of a Scientist in the Modern world: Science as a Vocation and profession], (2021), Izd-vo «Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauki», Moscow, Russia, 232 p., (in Russian).
- Peters, M., Besley, T. (2019) Citizen Science and Post-Normal Science in a Post-Truth Era: Democratising Knowledge; Socialising Responsibility, *Educational Philosophy and Theory*, Vol. 51, pp. 1293–1303.
- Ravetz, J., Funtowicz, S. (1999) Editorial Post-Normal Science – an insight now maturing. *Futures*, Vol. 31, pp. 641–646.
- Ravetz, J. (2020) Science for a Proper Recovery: Post-Normal, not New Normal, *Issues*. URL: <https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery> (accessed: 10.05.2022)
- Porus V.N., Bazhanov V.A. (2021) Postnormal'naya nauka [Postnormal science], *Filosofiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, Vol. 5, No 4, pp. 15–33, (in Russian).
- Ronzon, T., Iost, S., Philippidis, G. Has the European Union entered a bioeconomy transition? Combining an output-based approach with a shift-share analysis. *Environ Dev Sustain* (2022), *Environment, Development and Sustainability*, 08 January. URL: <https://doi.org/10.1007/s10668-021-01780-8> (accessed: 10.05.2022)
- Sardar, Z. (2010) Welcome to postnormal times, *Futures*, Vol. 42, No 5, pp. 435–444.
- Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy*, (2015), Navigator, Moscow, Russia. 564 p. (in Russian).
- Waltner-Toews, D., Biggeri, A., De Marchi, B., Funtowicz, S., Giampietro, M., O'Connor, M., Ravetz, J., Saltelli, A., van der Sluijs, J. (2020) Post-Normal Pandemics: Why Covid-19 Requires a New Approach to Science, *Steps Centre*. URL: <https://steps-centre.org/blog/postnormal-pandemics-why-covid-19-requires-a-new-approach-to-science> (accessed: 10.05.2022)

УДК 215

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ О РЕЛИГИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

© 2022 ПРОНИНА Татьяна Сергеевна*

Доктор философских наук

*Центр религиоведческих и этнополитических исследований
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Россия, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10
E-mail: tania_pronina@mail.ru

Поступила в редакцию 30.04.2022

После доработки 13.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Новизна присутствия религии в российском светском образовании своеобразно преломляется в становлении современных моделей преподавания знаний о религии. Расхождения в подходах к организации такого образования определяют проблему – анализ существующих концептуальных и методологических оснований преподавания знаний о религии в школе. Опираясь на опыт британской педагогики религиозного образования в школе, автор приводит ряд аргументов в пользу неконфессионального предмета, ориентированного на обсуждение мировоззренческих проблем, волнующих подростков. Выдвигается гипотеза, что происходит эволюция религиозного образования к неконфессиональному мировоззренческому курсу и что востребованность именно такого предмета в современной школе – закономерный и неизбежный тренд. Исходным принципом неконфессионального подхода являются взаимодействие с более чем одной религией – «обучение у религий», идейной основой – «этика многоконфессиональности», которая предполагает, что религии включают сопоставимые системы морального поведения. Этнорелигиозное многообразие современных обществ, нестабильность идентичностей современного человека, который пребывает в постоянном поиске себя, и как «номадический субъект» каждодневно «изобретает» себя и свои сообщества, определяют востребованность неконфессионального ми-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Религиоведение и теология в образовательном пространстве Российской Федерации: на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области» № 21-011-44106\21.

ровоззренческого курса, говорящего о различиях и множественности, и потому более эффективного с точки зрения нравственного воспитания.

Ключевые слова: религиозное образование, знание о религиях, российская школа, мировоззренческий плюрализм, неконфессиональный подход.

DOI: 10.31857/S0201708322050096

EDN: glwmsk

Постановка проблемы

Вопрос о том, должен ли присутствовать в образовательном пространстве предмет о религиях, утратил свою актуальность. Наследие религиозных традиций востребовано, религии транслируют системы ценностей, которые одобряются многими людьми, аккумулируют образовательный и воспитательный опыт, предлагают свою убедительную версию ответов на вечные экзистенциальные вопросы. Сегодня на повестке дня вопросы: каким по форме и содержанию должно быть знание о религии и как религия в качестве одного из учебных предметов наряду с другими может быть интегрирована в учебный процесс *современной* школы? Очевидно, что разработка концепции и реализация данного курса не могут быть осуществлены без учета общих задач современного образования, без учета социально-психологических особенностей учащихся, их запросов и интересов, которые формируются сложной социальной реальностью [Пронина, 2022].

Новизна присутствия религии в светском образовательном пространстве России своеобразно преломляется в становлении современных моделей преподавания знаний о религии в российской образовательной системе. Расхождения в подходах к организации такого образования, отсутствие единства в практиках, определяют фундаментальную проблему – анализ существующих концептуальных и методологических оснований преподавания знаний о религии в школе. В этом вопросе может быть очень полезен опыт коллег из европейских стран, в которых успешно развивается педагогика религиозного образования как отдельная область педагогической науки, осмыслены преимущества и недостатки разных концептуальных и методологических подходов, наиболее успешные методики, практики аккумулированы на региональных и международных образовательных платформах.

Дискуссии о содержании понятия «религиозное образование»

Международный документ, посвященный религиозному образованию в светском обществе «Толедские принципы по обучению в вопросах религии» определяет религиозное образование как передачу знаний о религии, но не как обучение религии [Toledo Guiding Principles, 2007]. Такой подход, по словам Д.В. Шмолина, много лет занимающегося реализацией образовательных программ по теологии и религиоведению, нацеливает «участников образовательного процесса на «межкультурный» охват сферы религиозности, на религиоведческо-культурологическое изучение предметной области, которое должно «преодолевать доктринальную ограниченность» конфесси-

ональных традиций и, соответственно, воспитывать граждан с акцентом на общие ценности и межкультурную коммуникацию и кооперацию» [Шмонин, 2017: 73].

Англоязычное выражение *Religious Education* (религиозное образование) может использоваться и как синоним выражения *Religious Studies*, т.е. русского «религиоведения», что соответствует неконфессиональному подходу к изучению и передаче знаний о религии(ях). Ф.Н. Козырев, один из ведущих российских специалистов в сфере религиозного образования в школе, обращает внимание на то, что в Англии и США по-разному используют этот термин: «в Англии¹ (а за ней в Австралии и большинстве европейских стран) под религиозным образованием стали понимать такое изучение религии в школе, которое носит более или менее критически отстраненный характер, не сопряжено с религиозной самоидентификацией учащихся и противостоит в этом отношении тому, что традиционно определялось как христианское воспитание... В США, напротив, *Religious Education* сохранило значение конфессионального обучения и продолжает использоваться в христианском контексте как синоним *Christian education*» [Козырев, 2006: 27]. В подтверждение он ссылается на Дж. Эстли, который задает своего рода стандарт в философии религиозного (христианского) образования [Astley, 1994]. По мнению Е.М. Мирошниковой, участницы международного проекта «Энциклопедия религиозного образования», согласие в данном вопросе возможно, если понимать под религиозным образованием передачу знаний о религии в соответствии именно с Толедскими принципами [Мирошникова, 2017].

Убедительно выглядит позиция Д.В. Шмонина, сторонника принципа «взаимодополнительности» «рационального и богооткровенного в теологии» [Шмонин, 2021]. Он же ссылается на мнение профессора-протоиерея, ректора ПСТГУ Владимира Воробьева, что возможно «светское религиозное образование» [Шмонин, 2018: 12]. Однако такой термин не лишен противоречивости и требует многих уточнений: 1). Каковы его мировоззренческо-методологические принципы? 2). Если оно включает знание об одной религии, тогда чем отличается от конфессионального? 3). если это знание о нескольких религиях, то почему сохраняет статус религиозного? Но и понятие «светское знание о религии» нельзя признать удачным, поскольку в пространстве современного философского дискурса, отказывающегося от жестких бинарных оппозиций, дихотомия «светское–религиозное» утратила свою актуальность. Так, Дж. Хилл, занимающийся вопросами религиозного образования в Британии, выразился довольно резко, заявив, что сохранение противоречия религиозного и светского дискурсов сегодня – это шизофрения [Hull, 1998]. Попытка же обосновать такое противопоставление разницей методологических подходов также не соответствует реальности, поскольку теологические дисциплины и религиоведение часто используют одни методы. Также следует признать устаревшим отождествление научного со светским, культурологическим, историческим и т.п., поскольку в современной теологии существует дифференциация на исторические, филологические, социальные и другие науки.

¹ Автор имеет в виду подход к пониманию религиозного образования, получающий распространение в Великобритании.

Критическое отношение к использованию данного понятия определяется не только российскими особенностями. Так, Р. Джексон, сотрудник Центра исследований в области образования Уорикского университета (Британия), отмечает, что в документах Совета Европы не используется термин «религиозное образование» из-за его двусмысленности [Jackson, 2016: 16]. При этом он признает, что термин «религиозное образование» часто обозначает «инклюзивное понимание религии или религий». Джексон констатирует, что система религиозного образования меняется в концептуальном и правовом плане под влиянием растущего религиозного разнообразия европейских обществ. Сам он предпочитает использовать понятия «инклюзивное религиозное образование», «инклюзивный неконфессиональный подход» [Jackson, 2016: 15].

С учетом высказанных терминологических трудностей и разногласий, мы используем как наиболее нейтральный и содержательно отражающий задачи данного исследования концепт – «неконфессиональный мировоззренческий курс» и выдвигаем гипотезу, что востребованность именно такого предмета в современной школе – это закономерный и неизбежный тренд.

Преподавание знаний о религии в школе: основные подходы

Разные подходы к преподаванию знаний о религии определяются, прежде всего, различным целеполаганием, и также мировоззренческими и методологическими предпосылками. В свое время на заседании Общества научного изучения религии А. Баркер отметила, что интерпретации социальной реальности всегда связаны с мировоззренческими, методологическими ориентациями исследователя, испытывают на себе влияние внешнего социально-культурного контекста [Баркер, 2003: 97]. Согласимся с президентом Общества научного изучения религии, что научное, в том числе и культурологическое, изучение религии не устраняет субъективности исследователя, зависящей от многих факторов [Баркер, 2003: 100–101].

Преподавание знаний о религии не свободно от «(не)вовлеченности» учителя в сферу религиозного, в религиозную культуру, о которой он рассказывает. Всегда имеют место элементы интерпретации учебного материала, которые определяются отношением учителя к феноменам, о которых он рассказывает, уровнем знания предмета. Российский культурно-исторический контекст таков, что мы не имеем традиции подготовки учителей для преподавания знаний о религии в школе, так как советский период стал причиной полного разрыва с существовавшей в России до 1917 г. системой подготовки учителей Закона Божьего. Исторический опыт преподавания Закона Божьего, методологическое наследие законоучителей существенно устарели и их применение в современной школе требует значительной творческой переработки. Исключение составляют только общие принципы, которых недостаточно для формирования концепции и реализации предмета. Система же подготовки таких специалистов пока находится в стадии становления и обнаруживает некоторую стагнацию, что объясняется нехваткой преподавательских кадров для повсеместно открывающихся в ВУЗах кафедр теологии. Впрочем, английский религиовед Н. Сمارт, занимавшийся также проблемами педагогики религиоз-

ного образования, справедливо отмечал, что кризис катехизических форм христианского образования как один из аспектов секуляризации – это универсальная тенденция [Smart, 1973].

Неизбежность субъективного в восприятии и представлении знаний о религиях – один из аргументов в пользу неконфессионального предмета, ориентированного на обсуждение мировоззренческих проблем, волнующих подростков, и реализуемого в формате заинтересованного обсуждения. Такой курс развивает способности критического мышления.

Очевидно как то, что трудно при рассмотрении религий достичь объективности, удовлетворяющей всех, так и то, что научные положения подлежат опытному и логическому обоснованию/опровержению, а значит, обсуждению. Вместе с тем дискуссионное представление материала, результатом которого становится понимание, позволяет сформировать установки, актуальные для современного плюралистичного социума: принятие «Другого», понимание культурных различий, способность к межкультурному диалогу.

Теоретические и методологические основания неконфессионального подхода.

Исходный принцип реализации неконфессионального подхода – взаимодействие с более чем одной религией. Британский специалист в сфере *Religious Education* (RE) Л. Барнс указывает на то, что многоконфессиональное религиозное образование имеет свою давнюю историю и восходит к доденоминационному христианству [Barnes, 2014]. Идейной основой неконфессионального образования является этика многоконфессиональности, которая предполагает, что религии включают сопоставимые системы морального поведения. Исследователи Д. Мулин-Стозек и Дж. Меткалф удачно используют для характеристики этики многоконфессиональности метафору ризомы Ж. Делёза и Ф. Гваттари [Moulin-Stozek, Metcalfe, 2020]. Сложный этнокультурный ландшафт современных обществ подобен разветвленному переплетенному корневищу, в котором уже сложно выделить главный корень. Ризома как модель предполагает отказ от линейной модели в восприятии и интерпретации, от дуальных понятий, бинарных оппозиций. Ризома ориентирует на горизонтальные неиерархичные связи, взаимодействия, порождающие неожиданные, несистемные различия, гибридные идентичности. В русле идей Ж. Делёза и Ф. Гваттари можно сказать, что этика многоконфессиональности – это многообразие, порожденное и постоянно воспроизводимое многообразием же [Делёз, Гваттари, 2005].

Эта идея находит подтверждение в принципиальной нестабильности идентичностей современного человека, который пребывает в постоянном поиске себя, и как «номадический субъект» каждодневно «изобретает» себя и свои сообщества. Идентичность сегодня – это проект, открытый к дополнениям, изменениям [Пронина, 2015]. Это еще более усложняет вопрос: как сегодня детям, идентичность которых часто не имеет аскриптивного этнокультурного, религиозного стержня, живущих в ситуации крушения авторитетов, профанности бытия, рассказать о религиях, претендующих на вневременность и апеллирующих к безусловным авторитетам? К катехизическому перечислению предписаний, обязательных к исполнению, сегодня дети не восприимчивы. Это еще один аргумент в пользу динамического характера

«*multi-faith RE*», говорящего о различиях и множественности, и, в итоге, более эффективного с точки зрения нравственного воспитания.

Методологические основания неконфессионального подхода.

Мулин-Стозек и Меткалф, опираясь на исследования других педагогов RE [Barnes, 2014; Grimmitt, 2000], в рамках неконфессионального подхода условно выделяют три концептуально различных варианта преподавания знаний о религии. Первый, который они называют универсализмом, рассматривает религии как проявление теологических и моральных постулатов. В разных религиях присутствуют одинаковые моральные нормы. Этот подход опирается на «деонтологизированную этику добродетелей», в основе которой лежит учение И. Канта о естественном моральном законе в человеке. В этом случае нравственное воспитание – это прежде всего понимание разумности моральных правил, и осуществляется оно за счет формирования сознательной внутренней мотивации у учащихся. Дидактические же рекомендации включают поощрение детей к осмыслению духовного и религиозного наследия человечества. Таким образом, возможность универсального нравственного обучения обосновано универсальностью морали.

Второй вариант, который можно назвать «заместительным», представляет учащимся моральные учения и практики разных религий, делая акцент на важности разнообразия религиозных мировоззрений. В этом случае вновь используется одна европейская рамка, принимающая за основу христианство, и из других религий извлекается то содержание, которое имеет сходство с христианством. У этого подхода два существенных недостатка: во-первых, затеняется значение мотивирующих факторов, лежащих в основе христианской этики, а эти факторы неустранимо связаны с религиозными убеждениями христианина; во-вторых, в ходе редукции, которая используется при отборе аналогий из других религий, может происходить искажение их теологических и моральных положений.

Первый и второй подходы исходят из возможности гомогенизированной «религии вообще», культурные различия нивелируются в рамках одной теоретической модели. Такие варианты могут оказаться неприемлемыми для некоторых учащихся, а значит, и не эффективными с точки зрения формирования желательных моральных установок. Неприемлемыми – для верующих, поскольку для многих из них почитание Бога выше моральных принципов, а не наоборот, и которые будучи отвержены своей религии, не готовы принять моральный универсализм религий, поскольку для них вера есть источник морального поведения. Но такие подходы могут оказаться неприемлемыми и для неверующих, которые не готовы соотносить моральный универсализм только с религиями и имеют свою версию морального оправдания желательных обязательств, моделей поведения и социальных практик. Значит, такой подход в ситуации встречи множественных идентичностей «номадических субъектов», не будет действенным.

Третий вариант – инструментальный – предполагает изучение разных религий как систем, включающих в себя разнообразный опыт, моральные подсистемы и другие элементы [Jackson, 2004; Moore, 2007; Wright, 2000]. Богатое наследие религиозных традиций используется как инструмент для «развития компетенций и/или знаний, необходимых для «хорошей и гармоничной» жизни в религиозно разнообразной среде».

разном обществе» [Moulin-Stozek, Metcalfe, 2020]. Культурные различия рассматриваются в сравнении, как элементы, формирующие уникальность индивидуальной и коллективной идентичностей.

«Неконфессиональное» «обучение у религий/ learning from religion» как синтетический подход к преподаванию знаний о религии. Проект «Программа RE 2007» (Бирмингем).

Вышеназванные три варианта могут дополнять друг друга в рамках неконфессионального мировоззренческого курса. Примером эволюции религиозного образования в сторону мировоззренческого неконфессионального предмета, что мы рассматриваем как неизбежный тренд, может служить изменение содержания RE в Англии¹. Эти изменения происходили не только под влиянием развития науки и процессов секуляризации; важную роль в эволюции RE к модели многоконфессиональной этики сыграло пережитое империей колониальное прошлое и последующее избавление от его негативных последствий. По словам Ф.Н. Козырева, английский подход имел важное следствие: «формирование внутри системы педагогических наук специализации – педагогике религиозного образования, включающей методику преподавания религии» [Козырев, 2006: 27].

По мнению М. Фелдерхофа, преподаватели RE имеют первой целью формирование универсальных установок, таких как честность, порядочность, взаимопомощь. При этом материалы из той или иной мировой религии служат контекстом формирования этих установок: «что молодые люди должны получить лично от своего обучения в школе (например, стремление к добродетели), должно быть на переднем крае мышления и планирования учителей. Как только они имеют в виду эту цель, они должны затем воспользоваться сокровищницей религиозной веры, чтобы реализовать свою цель. Эта сокровищница веры, конечно, намного обширнее, чем та, которую предоставляют история и традиции христианства. Вклады других религий в Британии и во всем мире являются существенными, и ими нельзя пренебрегать, особенно среди молодежи, чьи семейные корни уходят в эти традиции» [Felderhof, 2014]. Данная цитата – из Сборника материалов, обобщающих результаты многолетней работы педагогов, философов, теологов, практиков в сфере RE, реализованные в «Программе RE 2007» в школах Бирмингема – одного из самых больших и разнообразных в культурном отношении городов Британии. Программа одобрена религиозными лидерами города, директорами и учителями школ, общественными деятелями. По результатам апробации члены коллектива как наиболее важный ее результат отметили, что ученики по-настоящему увлеклись проблемами, которые стремятся решить все религиозные традиции.

М. Гриммит, предложивший еще в 1973 г. различать «обучение религии» и «обучение у религии/й» (*«learning about religion» and «learning from religion»*) настаивал на том, что обучение религии упускает важные образовательные возможности. Тогда как «обучение у религий» оказывает гуманизирующее влияние на учащихся, способствуя их нравственному развитию, предоставляя им возможности,

¹ О том, что существенные сдвиги в сторону неконфессиональной модели происходят и в ФРГ пишет Е.М. Мирошникова [Мирошникова, 2011].

методы и контент для построения их персонализированного мировоззрения. Происходит это через рассмотрение основных ценностей, опыта человеческих переживаний, акта веры, которые присутствуют во всех религиях. В этом он выступает наследником кантовской моральной философии, считая, что нравственное развитие происходит через усвоение разумных моральных принципов и их применения в собственной жизни. Влияние Канта он и сам признает [Grimmitt, 1987].

Практическую реализацию этих принципов среди преподавателей – сторонников мультикультурной модели – можно найти, например, в книге О. Коула «Религия в многоконфессиональной школе» [Cole, 1988]. Здесь собраны рассказы из основных мировых религий с целью отстаивания универсальной морали. Таким образом, Коул обозначает в качестве главной цели курса – рассказ о различных религиях в многоконфессиональном обществе. Через это обосновывается общезначимость моральных качеств: мужества, верности, любви, заботы, честности и др. Данная методика объединяет заместительный, универсалистский и инструментальный подходы.

Сложности и перспективы «неконфессионального» подхода.

Конечно, и такой синтезирующий подход не свободен от вопросов. Например, многоконфессиональный курс может косвенно использовать этические учения других религий для обоснования истинности и преимуществ одной религии. В качестве такого примера часто приводят концепцию нравственного универсального образования К.С. Льюиса, которую он представил в своем эссе «Человек отменяется». Автор работы опирается на разные духовные культуры для обоснования универсальной системы ценностей, однако делает это сквозь призму христианской этики, тем самым подтверждая ее высший характер. Подгоняя же под эту «рамку» другие религиозные системы, он нивелирует и даже искажает их особенности [Льюис, 1943]. В эссе «Человек или кролик» он резюмирует свою версию многоконфессиональной этики: «Желание “быть хорошим без Христа” зиждется на двух ошибках. Во-первых, это вам не под силу, во-вторых, это не цель вашей жизни» [Льюис, 1946].

Инструменталистский подход также имеет свои недостатки. Логика инструменталистского подхода упрощает существующее в религиях соотношение между моральными принципами, моральным поведением и теологическими основаниями, в результате создается «разрыв» – моральные принципы рассматриваются как самодостаточные. Тогда как в религиозной системе мораль не отделима от вероучительных оснований, моральное поведение не вторично, оно есть реализация этих оснований в сфере отношений между людьми. Еще один вопрос, который вызывает данный подход, – напрашивающаяся связь с этикой утилитаризма, который оценивает поступки исключительно по их результату, отказываясь от нравственной оценки самого поступка, его мотивации или субъекта.

И все же неконфессиональный подход следует признать оптимальным в условиях многообразных различий, множественных идентичностей «номадического» человека эпохи постмодерна, поскольку при таком подходе безусловный приоритет принадлежит не индивидуальной пользе или удовольствию, нравственность результата оценивается по той пользе, которая может быть принесена максимально большему числу людей. Также приходится признать, что утилитаристский подход во многих сферах жизнедеятельности – укоренившаяся черта современного социума.

В случае неконфессионального мировоззренческого курса, социальный прагматизм вполне оправдан. Цель такого курса – формирование установок, принятие которых обеспечит бесконфликтное сосуществование представителей разных культур и религий, возможность социальной консолидации для решения общезначимых проблем. Таким образом, религиозный элемент в содержании предмета присутствует как бы на втором плане – как один из факторов, формирующих уникальную идентичность индивида. Это уровень различий. А общественные и личностные вопросы, волнующие учащихся, рассматриваются сквозь призму общезначимого. Это уровень универсального. Такая диалектическая связь различий и общего способна обеспечить основания для социальной солидарности.

Выводы

Неконфессиональный подход опирается на принцип «обучения у религий» и предполагает не просто представление учащимся гуманистических универсальных ценностей, а построение мыслительных конструкций вместе с учащимися, что ведет к пониманию значимости этих ценностей, и, как результат, к формированию установок, в основе которых лежат эти ценности. Такой подход позволяет достичь консенсуса между разными этическими и теологическими концепциями [Bruner, Hall, 1970; Felderhof, 2014]. В данном случае желаемые моральные качества возникают из изучения религий, творческого осмысления их наследия, даже можно сказать, из взаимодействия с ними, а не из обучения религии, простого подражания или принятия качеств, транслируемых религиями. В чем мы полностью согласны с К.С. Льюисом: образование есть результат труда не только учителя, но и ученика [Льюис, 1943].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баркер А. (2003) Научное изучение религии? Вы, должно быть, шутите? *Религиоведение*. № 4. С. 93–112.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. (2005) Тысяча плато. Онлайн-альманах «Восток». URL.: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (дата обращения: 28.08.2021)
- Козырев Ф.Н. (2006) Неконфессиональное религиозное образование в зарубежной школе. Дис. на соиск. уч. ст. д. пед. н. СПб. 412 с.
- Льюис, К.С. (1943) Человек отменяется. URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-otmenyaetsya/> (дата обращения: 30.04.2022)
- Льюис, К.С. (1946) Человек или кролик. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/lyuis/chelov.php (дата обращения: 30.04.2022)
- Мирошникова, Е.М. (2011) Значение немецкого опыта для религиозного образования. Преподавание религии в школе: актуальная дискуссия в России и Германии. Материалы междунар. конф. Москва 24–25 февраля 2010. Под общ. ред. Шмидта Л.П., Москва. С. 152–164.
- Мирошникова, Е.М. (2017) Религиозное образование в современной России. *Научные ведомости*. № 24 (273). С. 99–105.
- Пронина Т.С. (2015) Типология религиозной идентичности. Аналитика религиозности современного российского общества. Дис. на соиск. уч. ст. д. филос. наук. Санкт-Петербург, Россия. 384 с.

- Пронина Т.С. (2022) Религиоведение в российской школе: мнение учителей по материалам интервью и анкетирования. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. Вып. 100. С. 117–135.
- Шмонин Д. В. (2017) «Толедские принципы» и теология в школе. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 4. С. 72–88. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-72-88>.
- Шмонин Д. В. (2018) *Технология блага: очерки теологии образования*. Центр учебной и учебно-просветительской литературы. ИД Познание. ISBN: 9785906960122. 122 с.
- Шмонин Д.В. (2021) *Тайна ответа: введение в рациональную теологию*. Монография. Санкт-Петербург, Россия. 460 с.
- Astley, J. (1994) *The Philosophy of Christian Religious Education*. Birmingham, Alabama: Religious Education Press. 322 p.
- Barnes, L. P. (2014) “The demise and rebirth of moral education in English religious education.” In *Teaching Virtue: The Contribution of Religious Education*, edited by M. Felderhof and P. Thompson. London: Bloomsbury, pp. 54–70. doi:10.1080/01416200.2014.953912
- Bruner J.S., Hall E. (1970) *Bad Education: A Conversation with J. Bruner and E. Hall*. *Psychology Today*. Dec. Vol. 4. No 7, pp. 50–57.
- Cole O. (1988) *Religion in the Multi-faith School*. Cheltenham: Hulton.
- Felderhof M., Thompson P. (2014) *Teaching Virtue: The Contribution of Religious Education*. London: Bloomsbury. DOI 10.5040/9781472593382.0006. URL: <https://www.bloomsburycollections.com/book/teaching-virtue-the-contribution-of-religious-education/introduction> (дата обращения: 6.11.2021)
- Grimmitt M. (1987) *Religious Education and Human Development*. Essex: McCrimmons.
- Grimmitt M. (2000) *Pedagogies of Religious Education*. Essex: McCrimmons.
- Hull, J.M. (1998) *Utopian Whispers: Moral, Religious and Spiritual Values in Schools*. Norwich: Chanistor.
- Jackson R. (2004) *Rethinking Religious Education and Plurality*. London: Routledge.
- Jackson R. (2016) *Inclusive Study of Religions and World Views in Schools*. *Signposts from the Council of Europe*. Vol. 4, Is. 2, pp. 14–25. Doi: 10.17645/si.v4i2.493
- Moore D. (2007) *Overcoming religious illiteracy: A cultural studies approach to the study of religion in secondary education*. New York: Palgrave.
- Moulin-Stožek, D. and Metcalfe, J. (2020) Mapping the moral assumptions of multi-faith religious education. *British Journal of Religious Education*. Vol. 42. Is. 3, pp. 253–262.
- Smart, N. (1973) *The Phenomen of Religion*. Macmillan Press.
- Toledo Guiding Principles on Teaching about Religion and Beliefs in Public Schools. (2007) *Organization for Security and Co-operation in Europe | OSCE, Warsaw, OSCE/ODIHR*. URL: <http://www.osce.org/odihr/29154> (дата обращения: 05.11.2021)
- Wright A. (2000) *Spirituality and Education*. London: Routledge Farmer.

The European Experience of Religious Education and Education on Religions in Modern Russia

T.S. Pronina*

Doctor of Science (Philosophy)

Center for Religious Studies and Ethnopolitical Studies

Leningrad State University named after A.S. Pushkin

10, Peterburgskoe shosse, St. Petersburg, Russia, 196605

***E-mail: tania_pronina@mail.ru**

Abstract. Modern models of teaching about religion in the Russian educational system in a peculiar way refract the novelty of the presence of religion in secular education. The research proposes the hypothesis about the evolution of religious education towards a non-confessional worldview course. According to this hypothesis, the relevance of such a subject in a modern school is a natural and inevitable trend. The author makes a number of arguments in favor of a non-confessional subject focused on the discussion of worldview problems of concern to adolescents. The implementation of this subject is assumed in the format of the interested discussion. The basic principle of the non-confessional approach is interaction with more than one religion – “learning from religions”. Its ideological foundation is the “ethics of multi-confessionalism” in accordance with which religions include comparable systems of moral behavior. A number of factors: the ethno-religious diversity of modern societies, the instability of the identities of a modern person who is constantly looking for oneself and, as a “nomadic subject”, every day “invents” oneself and one’s communities, determine the demand for a non-confessional worldview course. The non-confessional approach is based on the principle of “*learning from religion*”. It involves the construction of mental structures together with the students instead of a simple presentation of humanistic universal values to students. This leads to an understanding of the significance of these values, and, as a result, to the development of the attitudes based on these values. Such approach contributes to the achievement of a consensus between different ethical and theological concepts.

Key words: religious education, knowledge about religions, Russian school, worldview pluralism, non-confessional approach.

DOI: 10.31857/S0201708322050096

EDN: glwmsk

REFERENCES

- Barker A. (2003) Nauchnoe izuchenie religii? Vy, dolzhno byt', shutite? [Scientific study of religion? You must be joking?]. *Religiovedenie*. No. 4, pp. 93–112.
- Delez Zh., Gvattari F. (2005) Rizoma. Tysjacha plato. Onlajn-al'manah «Vostok» [Rhizoma. Thousand Plateaus. Vostok online almanac]. URL.: https://web.archive.org/web/20180929012423/http://www.situation.ru/app/j_art_1023.htm (accessed: 28.08.2021)
- Kozyrev F.N. (2006) Nekonfessional'noe religioznoe obrazovanie v zarubezhnoj shkole. Dis. na soisk. uch. st. d. ped. n. [Non-denominational religious education in a foreign school. Dissertation for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences.]. Saint Petersburg. 412 p.
- Lewis C.S. (1943) The Abolition of Man. URL: <https://azbyka.ru/fiction/chelovek-otmenyaetsya/> (accessed: 30.04.2022)
- Lewis C.S. (1946) Man or rabbit? URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/Iyuis/chelov.php (accessed: 30.04.2022)
- Miroshnikova E.M. (2011) Znachenie nemeckogo opyta dlja religioznoego obrazovanija. Prepodavanie religii v shkole: aktual'naja diskussija v Rossii i Germanii. [The value of the German experience for religious education. Teaching religion at school: current discussion in Russia and Germany]. Pod obshh.red. Shmidta L.P. *Materialy mezhdunar. konf. Moskva 24–25 fevralja 2010*. Moscow, pp. 152–164.

- Miroshnikova E.M. (2017) Religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii. [Religious Education in Modern Russia.]. *Nauchnye vedomosti*. No 24 (273), pp. 99–105.
- Pronina T.S. (2015) Tipologija religioznoj identichnosti. Analitika religioznosti sovremenogo rossijskogo obshhestva. [Typology of religious identity. Analytics of religiosity of modern Russian society]. Dis. na soisk. uch. st. d. filos. nauk. Saint Petersburg. 384 p.
- Pronina T.S. (2022) Religiovedenie v rossijskoj shkole: mnenie uchitelej po materialam interv'ju i anketirovanija. [Religious Studies in the Russian School: Teachers' Opinion Based on Interviews and Questionnaires]. *Vestnik PSTGU. Serija I: Bogoslovie. Filosofija. Religiovedenie*. No 100, pp.117–135.
- Shmonin D.V. (2017) «Toledskie principy» i teologija v shkole. [“Toledo principles” and theology at school]. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. No 4, pp. 72–88. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-72-88>.
- Shmonin D.V. (2018) Tehnologija blaga. Ocherki teologii obrazovanija. Centr uchebnoj i uchebno-prosvetitel'skoj literatury. [Good technology. Essays on theology of education. Center for Educational and Educational Literature]. ID Poznanie. ISBN: 9785906960122. 122 p.
- Shmonin D.V. (2021) Tajna otveta: vvvedenie v racional'nuju teologiju. [The Mystery of the Answer: An Introduction to Rational Theology]. Monografija. Izd-vo SPbPDA, Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, Saint Petersburg, Russia. 460 p.
- Astley, J. (1994) The Philosophy of Christian Religious Education. Birmingham, Alabama: Religious Education Press. 322 p.
- Barnes, L. P. (2014) The demise and rebirth of moral education in English religious education. In *Teaching Virtue: The Contribution of Religious Education*, edited by M. Felderhof and P. Thompson. London: Bloomsbury, pp. 54–70. doi:10.1080/01416200.2014.953912
- Bruner J.S., Hall E. (1970) Bad Education: A Conversation with J. Bruner and E. Hall. *Psychology Today*. Dec. Vol. 4. No 7, pp. 50–57.
- Cole O. (1988) Religion in the Multi-faith School. Cheltenham: Hulton.
- Felderhof M., Thompson P. (2014) Teaching Virtue: The Contribution of Religious Education. London: Bloomsbury. DOI 10.5040/9781472593382.0006. URL: <https://www.bloomsburycollections.com/book/teaching-virtue-the-contribution-of-religious-education/introduction> (accessed: 6.11.2021)
- Jackson R. (2004) Rethinking Religious Education and Plurality. London: Routledge.
- Jackson R. (2016) Inclusive Study of Religions and World Views in Schools. *Signposts from the Council of Europe*. Vol. 4, Is. 2, pp. 14–25. Doi: 10.17645/si.v4i2.493
- Grimmitt M. (1987) Religious Education and Human Development. Essex: McCrimmons.
- Hull, J.M. (1998) Utopian Whispers: Moral, Religious and Spiritual Values in Schools. Norwich: Chanistor.
- Moore D. (2007) Overcoming religious illiteracy: A cultural studies approach to the study of religion in secondary education. New York: Palgrave.
- Moulin-Stozek, D. and Metcalfe, J. (2020) Mapping the moral assumptions of multi-faith religious education. *British Journal of Religious Education*. Vol. 42. Is. 3, pp. 253–262.
- Toledo Guiding Principles on Teaching about Religion and Beliefs in Public Schools (2007) Organization for Security and Co-operation in Europe | OSCE, Warsaw, OSCE/ODIHR, 2007. URL: <http://www.osce.org/odihhr/29154> (accessed: 05.11.2021)
- Smart, N. (2000) The Phenomen of Religion. Macmillan Press, 1973. Wright A. Spirituality and Education. London: Routledge Farmer.

УДК 278

АССОЦИАЦИЯ «ТУРЕЦКО-ИСЛАМСКИЙ СОЮЗ ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИИ» В ГЕРМАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ ТУРЦИИ¹

© 2022 АНДРЕЕВА Лариса Анатольевна*

*Профессор РАН, доктор философских наук
Центр цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки Российской Академии наук
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1*

**E-mail: larchen1969@gmail.com*

Поступила в редакцию 30.05.2022

После доработки 16.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. В статье рассмотрена общеевропейская тенденция превращения иностранными государствами европейских мусульманских ассоциаций, состоящих из выходцев из этих государств, в своих агентов влияния. Эта проблема раскрыта на примере деятельности в Германии ассоциации «Турецко-исламский союз по делам религии» («DİTİB»), которая является де-факто и де-юре инструментом влияния Турции. Особенность «DİTİB» состоит в том, что это объединение находится под постоянным руководством, контролем и надзором Государственного бюро по делам религии Турции («Diyanet/Диянет»), которое отчитывается непосредственно перед президентом Р. Эрдоганом. В состав «DİTİB» входят 950 из 2600 мечетей в Германии. Имамы этих мечетей являются турецкими государственными служащими. В статье сделаны выводы, что «DİTİB», с одной стороны, является инструментом влияния Турции, а с другой – выражает тенденцию к усилению аффилированности турецкой общины Германии с Турцией и ослаблению аффилированности с Германией.

Ключевые слова: Турецко-исламский союз по делам религии, конфессиональные сообщества, Германия, Турция, инструмент влияния, международные отношения.

DOI: 10.31857/S0201708322050102

EDN: gmumii

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда по проекту 19-18-00054-П «Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен “параллельных” обществ в системе международно-политических отношений».

После убийства во Франции в октябре 2020 г. исламским фанатиком школьного учителя Самуэля Пати на повестку дня в Европе был поставлен вопрос о контроле за влиянием иностранных государств на европейские ассоциации и общины мусульман. 24 августа 2021 г. во Франции вступил в силу Закон об исламском сепаратизме. Согласно закону, ужесточён контроль за влиянием на французские религиозные организации иностранных организаций и государств¹. «Миграция в развитые регионы мира и интенсивный рост там новых сообществ, которые представляют незападные этносы и цивилизации, имеющие иную культуру повседневности, систему ценностей и формы самоидентификации, резко усиливают этническую, конфессиональную, лингвистическую, культурную неоднородность принимающих социумов» [Цапенко, Гришин, 2018: 5].

Можно согласиться с мнением И.В. Следзевского, что «трансграничные отношения допускают и предполагают массовые миграции не только людей, но и социальных отношений и культур из одних цивилизационных систем в другие, что ломает все привычные рамки и ограничения социокультурных взаимодействий и отношений, создавая условия для формирования в рамках формально целостных национально-государственных единиц самостоятельных, параллельных обществ» [Следзевский, 2020: 88]. Средства коммуникации позволяют сохранить активную связь европейцев с мигрантскими корнями со странами своего происхождения. Министр внутренних дел Франции Жеральд Дарманен, в ведении которого находятся и религиозные вопросы, назвал главную опасность: иностранное влияние на французский ислам. «Мы хотим устроить революцию, положив конец иностранному влиянию на ислам. Это религия для французов, поэтому она не должна зависеть от зарубежных денег и властей», – подчеркнул глава МВД в интервью газете «*Le Parisien*»².

В связи с наметившейся европейской тенденцией по борьбе с иностранным влиянием на европейских мусульман особый интерес представляет модель функционирования в ФРГ ассоциации «DITIB», аббревиатуру которой можно расшифровать как «Турецко-Исламский союз по делам религии», основанный на общем собрании в 1984 г. в Кельне. Деятельность «DITIB» относится к особенно чувствительной сфере германско-турецких отношений именно из-за того, что эта ассоциация является прямым проводником интересов Турции в Германии.

Турецкая община Германии

5 октября 2021 года исполнилось 60 лет со дня заключения Соглашения о найме между Германией и Турцией, которое положило начало формированию многомиллионной турецкой общины на немецкой земле. По данным микропереписи 2020 г., в Германии проживало около 2,75 млн человек, имеющих миграционные связи с

¹ Франция приняла закон об исламском сепаратизме. URL: https://www.ng.ru/facts/2021-08-31/11_514_france.html (дата обращения: 05.03.2022)

² «Это погубит всех». Во Франции приняли судьбоносное решение. URL: <https://ria.ru/20220214/frantsiya-1772343439.html> (дата обращения: 05.03.2022)

Турцией; больше половины из этого числа имеют турецкое гражданство¹. Это делает выходцев из Турции самой большой группой людей с миграционным прошлым в стране. Среди лиц, обладающих избирательным правом, 11,8% процента имели турецкие миграционные корни². Турки в мусульманской общине Германии, хотя и утратили в связи с миграционной волной 2015–2016 гг. абсолютное доминирующее положение, но по-прежнему составляют 50,6%, по данным на 31 декабря 2015 г. [Андреева, 2019: 111]. Большинство турецких граждан и лиц турецкого происхождения придерживаются суннитского направления ислама.

Представление об умонастроении турецкой общины Германии дает ряд социологических опросов. Среди них стоит остановиться на результатах исследования «Интеграция и религия с точки зрения людей турецкого происхождения в Германии», которое опубликовано в 2016 г. Оно основано на социологическом опросе, который проводился в рамках исследовательского проекта Кластера передового опыта «Религия и политика» Мюнстерского университета³. Репрезентативный опрос был проведен среди 1201 иммигрантов из Турции и их потомков в возрасте 16 лет и старше. Интервью проводились по телефону в период с ноября 2015 г. по февраль 2016 г. Опрос показал, что, когда дело доходит до религиозной практики (посещение мечети, личная молитва), второе/третье поколение менее активно, чем первое (23 против 32%, которые часто посещают мечеть).

Однако представители второго/третьего поколения считают себя более религиозными, чем представители первого поколения (72 против 62% считают себя «глубоко», «очень» или «скорее» религиозными). В этом контексте авторы исследования имеют в виду не столько утверждение о реально переживаемой религиозности, сколько демонстративную приверженность собственному культурному происхождению. Исследование выявило значительную фундаменталистскую тенденцию среди респондентов. Доля тех, кто выражает установки, которые вряд ли можно назвать совместимыми с основными принципами современных западных обществ, таких как Германия, значительна среди лиц турецкого происхождения. 47% опрошенных согласились с утверждением, что «следование заповедям моей религии важнее для меня, чем законы государства, в котором я живу». 32% респондентов считают, что мусульмане должны стремиться вернуться к общественному устройству времен пророка Мухаммеда. С другой стороны, приемлемость насилия по религиозным мотивам сравнительно низка. Только 20% респондентов согласились с утверждением, что «угроза исламу со стороны западного мира оправдывает то, что

¹ Medien Dienst Integration. URL: <https://mediendienst-integration.de/migration/bevoelkerung.html> (дата обращения: 05.03.2022)

² Bundestagswahl 2021: Jede dritte Person mit Migrationshintergrund war wahlberechtigt. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2021/10/PD21_463_125.html;jsessionid=876288A5D89D3A6C03EA28FB1572956B.live741 (дата обращения: 05.03.2022)

³ Integration und Religion aus der Sicht von Türkeistämmigen in Deutschland. URL: https://www.uni-muenster.de/imperia/md/content/religion_und_politik/aktuelles/2016/06_2016/studie_integration_und_religion_aus_sicht_t_rkeist_mmiger.pdf (дата обращения: 05.03.2022)

мусульмане защищаются насилем» (25% первого поколения, 15% второго и третьего поколений).

Что касается «традиционной практики веры», то 23% респондентов заявили, что мусульманам следует избегать рукопожатия с противоположным полом. Платок носят 41% опрошенных женщин первого поколения и 21% второго/третьего поколений. Кроме того, 61% респондентов согласился с утверждением, что «ислам идеально вписывается в западный мир». 73% считают, что «книги и фильмы, которые нападают на религию и оскорбляют чувства глубоко верующих людей», должны быть запрещены законом. Отношение к христианам было «весьма положительное» или «скорее положительное» у 80% опрошенных, отношение к атеистам и евреям – 49%. Что касается религии, то исследование приходит к выводу, что респонденты интерпретировали ислам как «подвергающуюся нападкам религию, которую необходимо защищать от оскорблений, предубеждений и подозрений». Кроме того, можно выделить значительную долю исламских фундаменталистских взглядов, которые трудно согласовать с принципами современного общества.

Выводы исследования свидетельствуют о противоречивости представлений респондентов. С одной стороны, подавляющее большинство лиц турецкого происхождения как будто «прижились» в немецком обществе и чувствуют себя «как дома». Тем не менее половина из них чувствует себя людьми второго сорта. Проблемы интеграции существуют не только на структурном уровне (образование, включение в рынок труда), но они не менее значимы на уровне узнавания, то есть на уровне отношений и общения. Это становится очевидным и в противоречивой оценке ислама. В то время как явное большинство населения Германии приписывает исламу отрицательные характеристики, такие как фанатизм, насилие или дискриминация в отношении женщин, большинство респондентов турецкого происхождения ассоциируют ислам с положительными характеристиками, такими как миролюбие, терпимость, солидарность или уважение к правам человека. У большинства респондентов сложилось впечатление, что ислам неправильно понимают.

Особо стоит выделить социологический опрос «Идентификация и политическое участие иммигрантов турецкого происхождения в земле Северный Рейн – Вестфалия и в Германии. Результаты расширенного многотематического опроса»¹, проведенного в 2017 г. среди лиц турецкого происхождения Фондом тюркологических исследований и интеграционных исследований (ZfTI). Всеобъемлющее исследование ZfTI в земле Северный Рейн – Вестфалия проводилось ежегодно с 1999 г. по 2013 г., и каждые два года повторяется в сотрудничестве с Министерством по делам детей, семьи, беженцев и интеграции (MKFFI) земли Северный Рейн – Вест-

¹ Identifikation und politische Partizipation türkeistämmiger Zugewanderter in Nordrhein-Westfalen und in Deutschland. URL: https://web.archive.org/web/20180730234348/http://zfti.de/wp-content/uploads/2018/07/Bericht-2017-NRW-Mehrthemenbefragung_end.pdf (дата обращения: 05.03.2022)

фалия. Это двуязычный репрезентативный телефонный опрос среди 1000 респондентов турецкого происхождения в возрасте 18 лет и старше, к которому с 2017 г. дополнительно прибавилось 1000 соответствующих лиц в других федеральных землях. Отчет 2017 г. концентрируется на основных темах: идентификация и политическое участие.

Основное внимание уделялось социальной идентичности в условиях напряженности между Германией и Турцией, а также возможным изменениям с учетом обострения отношений и внутривнутриполитической ситуации в Турции. Традиционно хорошие германо-турецкие отношения накалились после «Резолюции по Армении» Бундестага в июне 2016 г., признавшей геноцид армян, и значительного усиления чрезвычайного положения, объявленного в Турции в результате попытки государственного переворота в июле 2016 г. В отчете внимание акцентировано на том, что двусторонняя напряженность между государствами прямо или косвенно влияет на многих из почти 2,8 млн граждан турецкого происхождения, проживающих в Германии, поскольку они часто ощущают идентификацию с обеими странами. Интеграционная политика Германии направлена на то, чтобы побудить иммигрантов сильнее идентифицировать себя с Германией, а президент Р. Эрдоган проводит политику на укрепление связей «турок за границей» с Турцией. В своих выступлениях в Германии он подчеркивал ответственность за «братьев и сестер», живущих в этой стране. Для осуществления этой политики им было основано Министерство по делам турок за рубежом (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı*).

Результаты опроса показали, что в земле Северный Рейн – Вестфалия аффилиация с Турцией более популярна, чем с Германией. 61% опрошенных чувствовали себя очень сильно связанными с Турцией, подобное соотношение наблюдается и в целом по Германии. По степени принадлежности к Германии информация из земли Северный Рейн – Вестфалия практически не отличается от общенациональной, степень аффилиации с Германией несколько выше (35% респондентов в Северном Рейн – Вестфалии и 38% по всей стране). Около одной пятой респондентов (21% в Северном Рейн – Вестфалии, 19% по стране), тех кто не склонен чувствовать себя частью Германии. При этом опрос подтвердил тенденцию, как в земле Северный Рейн-Вестфалия, так и в целом по стране о возрастающей аффилиации с Турцией, при этом она, в первую очередь, определяется религиозностью и социальными отношениями с большинством общества, а принадлежность к поколению и экономическая перспектива также играют роль, но второстепенную.

Религиозность является одной из характеристик, которая наиболее сильно коррелирует со степенью аффилиации с Турцией. Религиозные респонденты и опрошенные с относительно низким уровнем взаимодействия с обществом имеют степень аффилиации с Турцией выше средней и степень близости с Германией ниже средней.

Увеличение аффилиации с Турцией – тенденция, которая уже отмечалась с 2011 г., частично обусловлена напряженными отношениями между двумя странами и критическим взглядом немецкой общественности на политику правительства Турции, поэтому респондентов прямо просили предоставить информацию об их чувстве принадлежности к Турции или Германии из-за «Резолюции по Армении»

Бундестага, попытки государственного переворота в Турции в 2016 г. или обсуждения дислокации Бундесвера на турецкой базе Инджирлик. Почти треть респондентов – 36,5% в земле Северный Рейн – Вестфалия, 33% в целом по стране ответили, что связь с Германией ослабла в результате этих событий.

Весьма важен ответ на вопрос: «Какие учреждения в земле Северный Рейн – Вестфалия и по стране в целом осуществляют полное или частичное представительство интересов респондентов?» Турецкое правительство с показателем 52,9% является учреждением, которое занимает первое место. Правительство Германии осуществляет полное или частичное представительство только для 37% респондентов из этого региона и для 37% в общенациональном масштабе. Сдвиг в аффилиации в пользу Турции произошел, прежде всего, среди более религиозных представителей второго/третьего поколений.

«Турецко-Исламский союз по делам религии» («DITIB»)

«DITIB» («Турецко-Исламский союз по делам религии») как орган турецкого правительства, действующий в ФРГ с религиозными и социальными целями, придерживается ислама в суннитской интерпретации, преобладающего в Турции. Цели, закрепленные в Уставе, включают религиозную заботу, образование и обучение турецкого народа, проживающего в Германии, создание и содержание мест молитвы и обучения, обучение мирян-проповедников, а также организацию социально-культурных мероприятий и языковых курсов, осуществление мероприятий по профессиональному обучению [См.: Kücühüseyin, 2002].

В соответствии с гражданским законодательством Германии «DITIB» в качестве зонтичной организации правомочен осуществлять координацию религиозных, социальных и культурных мероприятий для входящих в него ассоциаций. Эти ассоциации являются юридически и экономически независимыми, однако придерживаются тех же принципов и уставных целей, что и «DITIB», признавая идеологическое лидерство последней. «DITIB» утверждает, что представляет более 70% мусульман, проживающих в Германии, и в его состав входят более 960 организаций¹. В течение многих лет организация считалась важным посредником между мусульманской общиной и государством в вопросах веры, образования и интеграции, поэтому получала государственную поддержку. «Турецко-Исламский союз по делам религии» является членом Исламской конференции. Особенность «DITIB» состоит в том, что это объединение находится под постоянным руководством, контролем и надзором Государственного бюро по делам религии Турции («Diyanet/Диянет»), которое отчитывается непосредственно перед президентом Р. Эрдоганом. В состав «DITIB» входят 950 из 2600 мечетей в Германии. Имамы этих мечетей являются турецкими государственными служащими, деятельность которых оплачивает Анкара, и обычно они направляются на пять лет из Турции в Германию.

¹ Ditib Türkisch-Islamische Union der Anstalt für Religion e.V. URL: <https://www.ditib.de/default1.php?id=5&sid=8&lang=de> (дата обращения: 15.03.2022)

«DİTİB», в соответствии с немецким законодательством об ассоциациях, имеет автономию, но представители Турции имеют право решающего голоса, поскольку чиновники «Diyabet» присутствуют во всех основных органах управления.

Кроме того, есть признаки финансовой и идеологической поддержки. Профессор Сюзанна Шретер [См: Schröter, 2019], возглавляющая Франкфуртский исследовательский центр глобального ислама, высказывается еще более прямо. Для нее нет сомнений в том, что «DİTİB» «структурно, финансово, а также идеологически» зависит от турецкого религиозного ведомства «Diyabet». Шретер говорит о цепочке влияния и указывает на роль турецких религиозных атташе, которые представлены во всех важных комитетах «DİTİB»¹. В отчете научной службы Бундестага в 2015 г. был сделан вывод, что «DİTİB» также юридически связан с «Diyabet», который осуществляет «управление, контроль и контрольные полномочия» в «DİTİB»: «Мощный консультативный совет, который должен участвовать в принятии решений по всем фундаментальным вопросам ассоциации и обычно имеет окончательные полномочия по принятию решений, состоит исключительно из должностных лиц „Diyabet”»². Очевидно, что «DİTİB» является серьезным инструментом в руках президента Турции.

С 2006 г. «DİTİB» – член Немецкой исламской конференции при федеральном министре внутренних дел. Между тем МВД видит «растущее политическое влияние на “DİTİB” со стороны турецкого государства». «Возникает вопрос, является ли связь «DİTİB» с Турцией по-прежнему выражением религиозного самоопределения?», – заявил представитель МИДа Харальд Нейманнс. Община, находящаяся под влиянием другого государства таким образом, что ее принципы не являются выражением ее религиозного самоопределения, не отвечает конституционным требованиям, предъявляемым религиозной общине. МВД «приветствует критическое рассмотрение в федеральных землях того, соответствуют ли “DİTİB” требованиям религиозной общины, предъявляемым законодательствами федеральных земель». Инструментализация «DİTİB» Турцией, по мнению МВД, «неприемлема»³.

В 2016 г., после подавления в Турции попытки государственного переворота, в которой турецкие власти обвинили проповедника Фетхуллага Гюлена, между правительством Германии, «DİTİB» и стоящей за ним Турцией разразился скандал. Турецкие имамы в Германии помогали в поиске информации о подозреваемых членах организации сторонников Гюлена. Соответственно, священнослужители собирали информацию и иногда писали очень подробные отчеты. Движение Гюлена, называющее себя «Hizmet/Хизмет» (по-турецки «Служение»), насчитыва-

¹ Von Erdoğan abhängig. URL: https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2016-08/tuerken-deutschland-ditib-moscheeverband-tuerkei/seite-2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 05.03.2022)

² Die Folgen der Spitzelei für die Türkei. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/moscheeverband-ditib-die-folgen-der-spitzelei-fuer-die-tuerkei/19247224.html> (дата обращения: 03.05.2022)

³ Там же.

ло в Германии на тот момент до 100 000 последователей¹. Турецкая газета „*Cumhuriyet*“, критикующая правительство, и немецкая газета «*Die Welt*» выяснили, что религиозное ведомство «*Diyanet*» поручило имамам из «DİTİB» отправлять в Анкару информацию о последователях проповедника Гюлена. «DİTİB» первоначально признал, что некоторые имамы следовали инструкциям и передавали информацию в Анкару, однако, в тот же день после заявления «DİTİB» частично отказался от него². Отчеты 50 иностранных миссий из 38 стран были представлены в комиссию турецкого парламента для расследования предыстории путча. Три отчёта исходили из Германии, из генеральных консульств в Кельне, Дюссельдорфе и Мюнхене. Информация составлена имамами «DİTİB»³.

Официальный представитель партии «Зелёных» по вопросам религии в Бундестаге Фолькер Бек на парламентских дебатах 18 января 2017 г. задал вопрос представителю правительства о том, что им известно о шпионской деятельности «*Diyanet*». Доктор Оле Шредер, парламентский статс-секретарь федерального министра внутренних дел подтвердил, что есть письмо от Управления по делам религий («*Diyanet*») от 20 сентября 2016 г., адресованное всем посольствам и генеральным консульствам Турции, консультационным центрам по религиозным вопросам, атташе и координаторам по религиозным вопросам. Им прямо предлагалось представить экспертные заключения об учреждениях и организациях движения Гюлена, его деятельности и отправить их в «*Diyanet*» к концу сентября 2016 г. Кроме того, федеральное правительство располагает информацией о трех отчетах генеральных консульств Турции в Мюнхене, Дюссельдорфе и Кельне, которые были написаны в ответ на запрос «*Diyanet*». В них фигурируют имена имамов, которые отправили информацию атташе по религиозным вопросам в упомянутых генеральных консульствах⁴. Фолькер Бек также подал заявление о возбуждении уголовного дела по подозрению в шпионаже в ущерб ФРГ. Он требовал, чтобы «DİTİB» сообщил Федеральной прокуратуре о лицах, которые собирали информацию от имени Турции и передавали ее турецким властям. Генеральный секретарь «DİTİB» Бекир Альбога пообещал сотрудничать в расследовании и сказал, что имена уже известны властям. Федеральное министерство внутренних дел подтвердило, что органы безопасности располагают соответствующими документами и изучают их⁵. В общей сложности

¹ Die Folgen der Spitzelei für die Türkei. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/moscheeverband-ditib-die-folgen-der-spitzelei-fuer-die-tuerkei/19247224.html> (дата обращения: 03.05.2022)

² Там же.

³ Türkische Imame spionieren in Deutschland für Erdogan. URL: <https://www.welt.de/politik/ausland/article160132361/Tuerkische-Imame-spionieren-in-Deutschland-fuer-Erdogan.html> (дата обращения: 05.03.2022)

⁴ Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/18/18211.pdf#P.21153> (дата обращения: 05.03.2022)

⁵ Die Folgen der Spitzelei für die Türkei. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/moscheeverband-ditib-die-folgen-der-spitzelei-fuer-die-tuerkei/19247224.html> (дата обращения: 05.03.2022)

19 священнослужителей «DİTİB» подозревались в сборе информации о последователях Гюлена в Германии по поручению турецкого религиозного ведомства. Однако в декабре 2017 г. Федеральная прокуратура приостановила расследование в отношении исламских священнослужителей, работающих в мечетях «DİTİB», по подозрению в сборе информации¹.

По данным газеты «*Kölner Stadt-Anzeiger*» «DİTİB» в конце 2016 г. вынужден был отослать двух своих проповедников, обвиненных в сборе информации, обратно в Турцию. Согласно сообщению газеты, имамы следили за учителями исламского религиозного обучения в государственных школах. Министерство образования Дюссельдорфа подтвердило доклад «*Kölner Stadt-Anzeiger*». Прежде всего, Анкару интересовали политические противники президента Р. Эрдогана². Позиция Анкары состояла в полном отрицании: «*”Diyane”* никогда не поручал имамам “DİTİB” получать информацию о членах их общины”, – сказал руководитель “*Diyane”* Мехмет Гёрмез немецким журналистам в Анкаре³.

После скандала со сбором информации Федеральное управление по защите конституции (BfV) рассматривало возможность отнесения штаб-квартиры «DİTİB» к объектам подозрения или наблюдения. После неудавшегося путча в 2016 г. в Турции органы безопасности Германии наблюдали за изменением курса «DİTİB». После того как турецкая армия вторглась в северную Сирию также было замечено, что имамы мечетей «DİTİB» молились о победе турецкой армии. Появились фотографии, на которых дети в военной форме в немецких мечетях воссоздают сражения. С точки зрения Федерального управления по защите конституции (BfV), все это доказывает, что турецкое правительство использует «DİTİB» как инструмент для достижения своих целей на немецкой земле. Хотя эту оценку разделяют многие государственные учреждения, очевидно нежелание системного противодействия: «DİTİB» – сложный партнер, но он играет важную роль, например, в борьбе с салафизмом⁴. В результате внутривнутриполитических дебатов было признано нецелесообразным ставить «DİTİB» под наблюдение BfV. Во многих немецких школах вводится преподавание ислама и часто в качестве преподавателей приглашаются имамы «DİTİB». Немецкий политолог и автор концепции евроислама⁵ Бассам Тибби (Bassam Tibi) [См.: Tibi, 1998; Tibi, 2003; Tibi, 2009; Tibi,

¹ Ermittlungen wegen Ditib-Spionage eingestellt. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/inland/ditib-spionage-ermittlungen-eingestellt-15327274.html>. (дата обращения: 05.03.2022)

² Türkei schützt Ditib-Spitzel. URL: <https://www.dw.com/de/t%C3%BCrkei-sch%C3%BCtzt-ditib-spitzel/a-37261554> (дата обращения: 05.03.2022)

³ Там же.

⁴ Verfassungsschutz nimmt Ditib ins Visier. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/moscheeverband-verfassungsschutz-nimmt-ditib-ins-visier-1.4138179> (дата обращения: 05.03.2022)

⁵ Термин, введенный в научную дискуссию Басамом Тибби, который понимает евроислам как европейско-исламский синтез в рамках европеизации ислама и, кроме того, как отказ от шариата и джихада, которые препятствуют интеграции мусульман в Европе. Для него

2020] уверен, что не следует давать возможность преподавания этих уроков турецко-исламскому объединению. «У «DITIB» есть имамы, которые давали бы такие уроки ислама. Их оплачивает Турция. Сегодня Турция для меня не демократическая страна. И продавать ислам ПСР (Партия справедливости и развития президента Р. Эрдогана) как урок ислама неприемлемо, это должно быть категорически отвергнуто»¹.

Относительно деятельности «DITIB» надо сделать принципиальное замечание, что судить о деятельности этой организации надо не на основании легально продекларированных целей, а, прежде всего, на основании практической деятельности. С этой точки зрения важны контакты «DITIB» с организациями, относящимися к направлению «легалистского ислама» в Германии, которые стремятся легальным путем трансформировать общество в духе своей исламистской повестки, используя законные способы, навязывая в общественных дебатах свою позицию. Способность влиять на общество у «легалистов» гораздо выше, поскольку, отказываясь от насилия для достижения своих целей, они могут использовать для своей пропаганды все преимущества демократического государства. Основным течением в «легалистском исламе» в Германии является организация «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ) [См. подробнее: Андреева, 2020]. Именно с этой организацией у «DITIB» прослеживаются устойчивые связи. Например, смерть в июне 2019 г. бывшего президента Египта и лидера «Братьев-мусульман» (запрещена в РФ) Мухаммеда Мурси вызвала в турецких религиозных общинах «DITIB» в Германии целое движение, прославляющее Мурси именно как мученика веры, что совпадало с позицией президента Р. Эрдогана, который также позиционировал Мурси как мученика. Профессор Сюзанна Шрётер подвергла критике действия «DITIB»: «Смерть Мурси использовалась для создания “культы мученика”, чтобы питать легенду о “страданиях мусульман на Западе”»². Она видит в этом «опасный альянс» между «DITIB» и «Братьями-мусульманами»: «Это одновременно свидетельствует об укреплении “Братьев-мусульман”»³. Заметим, что согласно журналистскому расследованию 2022 г., проведенному журналом «*Spiegel*», некоторые чиновники «DITIB» также открыто симпатизируют ультраправой организации турецких националистов «Серые волки», находящейся под наблюдением немецких спецслужб⁴.

евроислам означает, что мусульмане, живущие в Европе, принимают разделение религии и государства.

¹ Bassam Tibi über den Islamunterricht. Muslimbrüder im Klassenzimmer? URL: <https://www.deutschlandfunk.de/bassam-tibi-ueber-den-islamunterricht-muslimbrueder-im-100.html> (дата обращения: 15.03.2022)

² Islamismus - aktuelle Nachrichten. URL: <https://tagesschau.de/inland/konstraste-muslimbrueder-101.html> (дата обращения: 06.03.2022)

³ Там же.

⁴ Extremismus Bei der Ditib ein faible fuer die grauen woelfe. URL: <https://www.spiegel.de/panorama/extremismus-bei-der-ditib-ein-faible-fuer-die-grauen-woelfe-a-579a9134-bda7-475c-bdac-c9e3adaa52c9> (дата обращения: 06.03.2022)

В начале 2019 г. «DİTİB» пригласил организации, близкие к «Братьям-мусульманам» (запрещена в РФ), на свою конференцию в Кельне. Конференция была проведена турецким правительством в противовес Немецкой исламской конференции, учрежденной правительством Германии, но прошла почти незамеченной общественностью. Турецкая религиозная организация «*Diyaset*» устроила встречу с более чем 100 участниками из 17 стран через свое немецкое отделение «DİTİB». О конференции стало известно только благодаря статье в газете «*Kölner Stadt-Anzeiger*» и буре, разразившейся в других СМИ. Четыре из пяти секций на конференции проходили под председательством представителей «*Diyaset*». Мэр района Кельн-Эренфельд Йозеф Вигерс, где находится мечеть «DİTİB», открытая в 2018 г. президентом Турции Р. Эрдоганом, даже не был уведомлен или приглашен на конференцию, что вызвало его крайнее возмущение¹.

Представитель мэра Кельна Генриетты Рекер сообщил СМИ, что всего несколько недель перед конференцией представитель «DİTİB» заверил мэра, что ассоциация будет еще более открыта для всех горожан. «Конференция, которая сейчас состоялась, совершенно очевидно противоречит этой идее, – отмечал он, – радикализму не место в Кельне»². Относительно связей «DİTİB» с «Братьями-мусульманами» можно упомянуть и тот факт, что «DİTİB» также присутствовал на основании в Берлине «Немецкого комитета фетвы» в который вовлечены многие активисты и организации из среды «Братьев-мусульман». По мнению профессора С. Шрётер, стратегия президента Турции Р. Эрдогана состоит в расширении политического ислама под руководством Турции и совместно с «Братьями-мусульманами» в глобальном масштабе³.

Как политические партии центра – ХДС, СДПГ и СвДП – относятся к руководимой из Турции ассоциации «DİTİB»? В самой густонаселенной и промышленно развитой земле Северный Рейн – Вестфалии эти три партии не возражают, чтобы «DİTİB» был допущен до преподавания религии в школе. Из центристских партий «Зеленые» частично критикуют «DİTİB». Только крайне левые и правые («Левые» и «Альтернатива для Германии»), обе партии частично состоят под наблюдением Управления по защите конституции) настаивают на прекращении государственного финансирования «DİTİB». Немецкая пресса считает, что отсутствие критики партиями центра деятельности «DİTİB» это результат широко распространенного мнения, что экстремисты с миграционным прошлым заслуживают большего снисхождения, чем те, кто не имеет соответствующего происхождения. За этим стоит опа-

¹ Islamisten in Ditib-Moschee verärgern Kölner Bezirksbürgermeister. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article186710428/Muslimbrueder-Islamisten-in-Ditib-Moschee-veraergern-Koelner-Bezirksbuergemeister.html> (дата обращения: 06.03.2022)

² Kölner Moschee Scharfe Kritik an Ditib nach Treffen mit Muslimbrüdern. URL: <https://www.rundschau-online.de/news/politik/koelner-moschee-scharfe-kritik-an-ditib-nach-treffen-mit-muslimbruedern-31839778?cb=1644927079900&> (дата обращения: 06.03.2022)

³ Islamismus - aktuelle Nachrichten. URL: <https://tagesschau.de/inland/konstraste-muslimbrueder-101.html> (дата обращения: 16.03.2022)

сение, что борьба с радикалами турецкого происхождения может усилить антииммигрантские настроения в целом. Кроме того, немецкие политики избегают открытой конфронтации с режимом Р. Эрдогана. Многие политики турецкого происхождения выступают против такой стратегии. Это, например, федеральный министр продовольствия и сельского хозяйства Джем Оздемир (*Cem Özdemir*) и политик от партии «Зеленых» Бериван Аймаз (*Berivan Aymaz*), или левые политики, такие как Севим Дагделен (*Sevim Dagdelen*) или молодой местный политик из Эссена Дживан Акбулут (*Civan Akbulut*)¹.

Заключение

Ассоциация «DİTİB» находится под постоянным руководством, контролем и надзором Государственного бюро по делам религии Турции («Diyanet/Диянет»), которое отчитывается непосредственно перед президентом Турции Р. Эрдоганом. «Diyanet» направляет турецких имамов в мечети «DİTİB», которые получают оплату за время своего пребывания от соответствующих генеральных консульств Турции. «DİTİB», с одной стороны, является инструментом влияния Турции, а с другой, выражает тенденцию к усилению аффилированности турецкой общины Германии с Турцией и ослаблению связи с Германией. Сдвиг в аффилиации в пользу Турции произошел, прежде всего, среди более религиозных представителей второго/третьего поколений мигрантов. В течение многих лет власти Германии считали «DİTİB» значимой организацией в вопросах веры и интеграции, и ассоциация получала государственное финансирование. Это также объяснялось тем, что основанное в 1924 г. президентом Турции Мустафой Кемалем Государственное бюро по делам религии Турции («Diyanet/Диянет») было призвано осуществлять, провозглашенную им в 1928 г. секуляризацию, которая приняла формы не столько разделения религии и государства, сколько подчинения религии светскому государству [См. подробнее: Киреев, 2007].

С приходом к власти в 2002 г. партии Р. Эрдогана в Турции явно сместились акценты в религиозной политике. «Именно к традиционным османским ценностям и вернулся в своей политике Реджеп Эрдоган. Определяющая роль ислама <...> – все это было частью политики Османской империи [Аватаков, Баранчиков, 2017: 12]. Поскольку «DİTİB» находится под руководством «Diyanet», то изменения внутренней политики Турции от лаицизма к мягкой исламизации не могут не отражаться на нем. Насколько внутренние структуры «DİTİB» ориентированы на внутривнутриполитические события в Турции, также стало ясно после неудавшейся попытки государственного переворота в Турции летом 2016 г. и последовавшей череды скандалов, связанной со сбором информации. Под влиянием этих событий произошло некоторое охлаждение между «DİTİB» и властями Германии. Вероятно, дей-

¹ Die politische Mitte versagt im Kampf mit türkischen Nationalisten. URL: <https://www.welt.de/regionales/nrw/article236437377/Politische-Mitte-versagt-im-Kampf-mit-tuerkischen-Nationalisten.html> (дата обращения: 11.03.2022)

ствуя на опережение, «DITIB» с 2020 г. начал подготовку религиозного персонала на немецкой земле в собственном учебном центре для имамов. Однако это не решает основную проблему – организационную и финансовую зависимость немецкой религиозной ассоциации от Турции как иностранного государства. Принципы «DITIB» не являются выражением ее самостоятельного религиозного самоопределения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аватаков В.А., Баранчиков А.А. (2017) «Бесшумная революция» Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. *Мировая политика*. № 4. С. 1–13. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24470

Андреева Л.А. (2019) Исламизация Германии: «параллельное» мусульманское общество и светское государство. *Современная Европа*. № 5. С. 110–121. DOI: 10.15211/soveurope52019110121

Андреева Л.А. (2020) Вызов современной конституционной системе Германии: деятельность организации «Братья-мусульмане» (запрещена в РФ). *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 4. С. 192–210. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9

Киреев Н.Г. (2007) *История Турции XX век*. Институт востоковедения РАН, Крафт+, Москва.

Следзевский И.В. (2020) Цивилизационное измерение современного мирового развития: проблемы и подходы. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 1. С. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90

Цапенко И.П., Гришин И.В. (2018) *Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма*. ИМЭМО РАН, Москва.

Küçükhüseyin, S. (2002) *Türkische politische Organisationen in Deutschland*. Sankt Augustin: Broschürenreihe herausgegeben von der Konrad-Adenauer-Stiftung e.V.

Tibi, B. (1998) *Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft*. München: Bertelsmann.

Tibi, B. (2003) *Die fundamentalistische Herausforderung. Der Islam und die Weltpolitik*. München: Beck.

Tibi B. (2009) *Islam's Predicament: Religious Reform and Cultural Change*. London, New York: Routledge.

Tibi, B. (2020) *Euro-Islam statt Islamismus. Ein Integrationskonzept*. Stuttgart: Bertelsmann.

Schröter, S. (2019) *Politischer Islam. Stresstest für Deutschland*. Verlag: Gütersloher Verlagshaus.

Association “Turkish-Islamic Union for Religious Matters” in Germany as a Tool of Influence of Turkey

L.A. Andreeva*

Doctor of Science (Philosophy)

Professor RAS, Centre for Civilizational and Regional Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001

***E-mail: larchen1969@gmail.com**

Современная Европа, 2022, № 5

Abstract. The article explores the pan-European tendency for foreign states to turn European Muslim associations, consisting of people from these states, into their agents of influence. This problem is illustrated by the case of the Turkish-Islamic Union for Religious Affairs (DITIB) association in Germany which a de facto and de jure instrument of Turkish influence. The peculiarity of "DITIB" is that this association is under the constant leadership, control and supervision of the State Bureau of Religious Affairs of Turkey "Diyanet", which was previously associated with the Prime Minister of Turkey, and today reports directly to President R Erdogan. DITIB includes 950 of the 2600 mosques in Germany. The imams of these mosques are Turkish civil servants who are paid by Ankara and are usually posted for five years from Turkey to Germany. The article concludes that DITIB on the one hand is an instrument of influence of Turkey, and, on the other hand, expresses the tendency of the Turkish community in Germany to increase affiliation with Turkey and weaken affiliation with Germany. The shift in affiliation in favor of Turkey occurred primarily among the more religious representatives of the second and third generations. For many years, the German authorities have considered DITIB an important contact point for matters of faith and integration, and the association has benefited from state funding. The importance of internal structures of DITIB for domestic political events in Turkey also became evident after the failed coup attempt in Turkey in the summer of 2016 and the subsequent series of scandals related to espionage in favor of Turkey.

Key words: Turkish-Islamic Union for Religious Affairs, DITIB, confessional communities, Germany, Turkey, instrument of influence, international relations.

DOI: 10.31857/S0201708322050102

EDN: gmumii

REFERENCES

- Avatakov V.A., Baranchikov A.A. (2017) «Besshumnaya revolyuciya» Prezidenta Turcii Redzhopa Tajipa Erdogana ["Silent Revolution" of Turkish President Recep Tayyip Erdogan]. *Global'naya politika*, No 4, pp. 1–13. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24470 (in Russian).
- Andreeva L.A. (2019) Islamizaciya Germanii: "parallel'noe" musul'manskoe obshchestvo i svetskoe gosudarstvo [Islamization of Germany: "parallel" muslim society vs. secular state]. *Sovremennaya Evropa*. No 5, pp. 110–121. DOI: 10.15211/soveurope52019110121 (in Russian).
- Andreeva L.A. (2020) Vyzov sovremennoj konstitucionnoj sisteme Germanii: deyatel'nost' organizacii «Brat'ya-musul'mane» (zapreshchena v RF) [A Challenge to the Modern Constitutional System of Germany: The Activities of the Muslim Brotherhood]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. Vol. 13, No 4, pp. 192–210. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-4-9 (in Russian).
- Kireev N.G. (2007) *Istoriya Turcii XX vek* [History of Turkey XX century], Institut vostoovedeniya RAN, Kraft +, Moscow (in Russian).
- Küçüküseyin, S. (2002) *Türkische politische Organisationen in Deutschland*. Sankt Augustin: Broschürenreihe herausgegeben von der Konrad-Adenauer-Stiftung e.V.
- Sledzevskiy I.V. (2020) Civilizacionnoe izmerenie sovremennogo mirovogo razvitiya: problemy i podhody [Civilizational Dimension of Modern World Development: Problems and Ap-

proaches]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64, No 2, pp. 82–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-82-90 (in Russian).

Tibi, B. (1998) *Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft*. München: Bertelsmann.

Tibi, B. (2003) *Die fundamentalistische Herausforderung. Der Islam und die Weltpolitik*. München: Beck.

Tibi B. (2009) *Islam's Predicament: Religious Reform and Cultural Change*. London, New York: Routledge.

Tibi, B. (2020) *Euro-Islam statt Islamismus. Ein Integrationskonzept*. Stuttgart: Bertelsmann.

Tsapenko I.P., Grishin I.V. (2018) Integratsiya inokul'turnyh migrantov: perspektivy interkul'turalizma [Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism]. IMEMO, Moscow. (in Russian).

Schröter, S. (2019) *Politischer Islam. Stresstest für Deutschland*. Verlag: Gütersloher Verlagshaus.

УДК 321.011, 339.9

КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ СУВЕРЕНИТЕТОВ КАК ОСНОВА ПЕРЕХОДА К ПОСТГЛОБАЛЬНОМУ МИРУ

© 2022 **ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич***

Кандидат политических наук, профессор

Кафедра теории права и государства

Российский университет дружбы народов (РУДН)

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Профессор Института медиа факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

***E-mail:** *estd1212@yandex.ru*

© 2022 **МЕЖЕВИЧ Николай Маратович****

Доктор экономических наук, профессор

Институт Европы Российской академии наук

125009, Россия, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

****E-mail:** *mez13@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.02.2022

После доработки 26.05.2022

Принята к публикации 07.07.2022

Аннотация. Вопросы суверенитета представляют собой сложнейший комплекс проблем междисциплинарного характера. Сам термин «суверенитет» не меняется, однако постоянно трансформируется его содержание. Вестфальский мир – важная веха в понимании суверенитета. На рубеже 2021–2022 гг. формируется новая граница в понимании суверенитета. Триумф ресуверенизации очевиден как тем, кто выступает за сохранение прежней модели глобализации, так и тем, кто видит ее закономерный крах. Новый подход к суверенитету означает не только контроль за территорией, но и за информацией, причем это измерение суверенитета становится особо важным. Конкуренция суверенитетов в мире надвигающейся постглобальности носит крайне сложный и противоречивый характер. Конкурируют не только экономики, но и модели суверенитета. Центральный уровень конкуренции суверенитетов – суверенитет пространства против суверенитета надпространственных систем. Национальный суверенитет может быть ре-

ализован только операционным путем. Формальный национальный суверенитет, «суверенитет по умолчанию», определяемый в дискурсе классического международного права, вряд ли останется в политической практике постглобального мира, как и само международное право.

Ключевые слова: суверенитет, международные отношения, ресуверенизация, международное право, информационный суверенитет.

DOI: 10.31857/S0201708322050114

EDN: gnbdnx

Современные глобальные трансформации как вызов принципам суверенитета

Концепция национального суверенитета вестфальской модели устарела. Сложность и многополярность мира вновь стала более очевидной [Шамахов, Межевич, 2021: 10–15]. В современных условиях пространственный мир монополярным быть не может из-за разнообразия географических условий, в силу структурных особенностей развития мировой экономики, состояния международных отношений.

Противоречия, сформировавшиеся в системе глобальной политики и экономики, признаны настолько серьезными, что обсуждаются весьма радикальные методы выхода из тупика [Schwab, Malleret, 2020]. Очевидно, что состояние стагнации (неприятное, но ставшее уже привычным) начинает разрушаться в связи с разнонаправленной активностью различных геополитических и геоэкономических игроков.

Геополитические и особенно геоэкономические трансформации в условиях разноуровневой конкуренции суверенитетов существенно меняют понимание сущности макрорегионов, формировавшееся в последние годы на волне глобализации с опорой на транснациональные корпоративные структуры [Зевин, 2016: 26–33]. Особенно это относится к явлению, которое авторы называют «ТНК в сфере информации» – *Facebook*¹ и т.д. Процесс осмысления макрорегионов как формы практической и экономически оправданной реализации принципов «коалиционной полицентричности» только начался. Значительная часть западной элиты мыслит дальнейшее развитие глобального мира через механизмы контролируемой геоэкономической регионализации [Ергин, 2021], что следует рассматривать и как европейский путь. Возможно, это и есть переход от универсальной рыночной экономики к «капитализму платформ» [Срничек, 2020].

Пандемия резко подхлестнула изменения, начавшиеся до неё, а надежды, что после падения (не только экономического) случится быстрый отскок, прожили недолго. «Кажется, исчерпанность прежнего пути окончательно осознана. Отскакивать будем куда-то в другую сторону. Пора размышлять, куда» [Лукиянов, 2022: 5]. Эта ситуация характеризовалась накоплением противоречий между ведущими акторами и замедлением всех основных процессов системных трансформаций при

¹ С 4 марта 2022 г. социальная сеть *Facebook* (запрещенная в России экстремистская организация) заблокирована Роскомнадзором на территории РФ (*прим. редакции*).

практически полном торможении институционализации, т.е. организационного оформления новых тенденций в глобальном и региональном развитии, наличие которых признается ведущими экспертами [Глобальное..., 2021; Барабанов и др., 2020].

В самом конце 2021 г. в публичном политическом пространстве начали объяснять внешнюю стагнацию хаотизацией, что породило целый ряд «новых – старых» концептов упорядочивания глобальных процессов. Наиболее заметным из них была идея «трехполярного мира»¹ и восстановления «сфер влияния», в свою очередь, обнулявших все более ранние концепты мироустройства². Это привело систему международных отношений к очевидному концептуальному и институциональному вакууму, признаваемому даже в среде американских глобалистов в качестве критического вызова для системы государственного управления³.

Важнейшим условием способности государства играть значимую роль в мировых делах уже в условиях «предхаоса» была надстройка «суверенитета, предоставленного “снаружи” международным признанием, а суверенитетом “внутри” – в виде способности государства осуществлять власть на всей своей территории» [Международные..., 2022: 3]. Это уже было проблемой для ряда государств.

Именно о необходимости обновленного целостного понимания принципов суверенитета в постглобальном мире, невозможности сохранения «частичных суверенитетов» говорил президент В.В. Путин в июне 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме: «Все его [суверенитета] элементы одинаково важны, они усиливают, дополняют друг друга. Поэтому нам важно не только отстаивать свой политический суверенитет, национальную идентичность, но и укреплять всё то, что определяет экономическую самостоятельность страны, её финансовую, кадровую, технологическую самостоятельность и независимость»⁴.

Суверенитет – источник прав, вытекающий из природы государств, а это предполагает, что необходимо уважать территориальную целостность и обеспечивать хотя бы формальную политическую независимость стран. Существование суверенных государств де-юре гарантировало современное международное право и между-

¹ Naas R., Kupchan Ch. (2021) The New Concert of Powers. How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers> (дата обращения: 01.06.2022)

² Среди них отметим «миросистемность» [Валлерстайн, 2018], «глобализацию разных скоростей», по сути, – разных основ экономического роста [Спенс, 2013]. Нельзя пройти мимо концептов мироустройства в духе позднего политического реализма, главным представителем и вдохновителем которых был Г. Киссинджер [2013].

³ Cohen Eliot A. (2022) The Return of Statecraft. Back to Basics in Post-American World. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2022-04-19/return-statecraft> (дата обращения: 01.06.2022)

⁴ Путин В.В. Выступление на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. 17.06.2022. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.

народные организации, но на практике это положение базировалось на биполярности мира. Реально защиту мог обеспечить только «свой» блок.

Ситуация с практическим наполнением суверенитетов кардинально изменилась после распада биполярной системы. К середине 1990-х гг. оценку классическому пониманию суверенитета дал Ф. Фукуяма: «Экономические силы ранее породили национализм, заменяя класс национальными барьерами, создавая централистское гомогенизированное в языковом плане сообщество. Те же самые экономические силы ведут к устранению национальных барьеров путем сотворения интегрированного мирового рынка». Казалось, что это приговор классическому пониманию суверенитета [Fukuyama, 1997: 275], но уже к 2007–2009 гг. стало ясно, что это приговор концепции Фукуямы. Его логика состоит в том, что государства добровольно передают свои полномочия наднациональным институтам под руководством возникающей транснациональной элиты, а это и есть интеграция, меняющая подходы к теории и практике суверенитета. Однако сегодня тезисы Фукуямы требуют принципиально важного уточнения. Больше нет единых «экономических сил», принцип Киплинга «каждый сам за себя» относится не только к наднациональным, но и национальным экономическим акторам.

Фундаментальная проблема сегодняшней системы международных отношений сравнительно прозрачна: постпространственный и постисторический мир размытых суверенитетов мог существовать в условиях очевидного лидерства США как государства, продиктовавшего правила, которые были приняты с разной степенью энтузиазма всюду [Фукуяма, 2017]. Такая модель в классической форме – это отказ от суверенитета как исторически конкретного явления, требовательного к географическим границам, историческим обоснованиям и нуждающегося в постоянной информационной поддержке.

Уточнение понятия

Авторы рассматривают понятие «суверенитет» исключительно в прикладном операционном плане, понимая под ним способность той или иной структуры обеспечивать соблюдение в каждый момент времени установленные ею правила экономического, политического и социального поведения, в особенности ограничительные меры без применения механизмов прямого силового принуждения. Операционный пространственный суверенитет является феноменом, признаваемым крупнейшими участниками политических и экономических процессов в конкретном пространстве «по умолчанию».

Необходимо поставить вопрос о «непространственном суверенитете», т. е. о способности обеспечивать национальную регулятивность в сферах социального, политического и экономического взаимодействия, в том числе не связанных непосредственно с территорией страны. Превращение вопроса о суверенитете, его практическом – операционном – содержании в центральный вопрос глобального развития является абсолютно естественным процессом, проистекающим из трех сопряженных элементов:

– Очевидной необходимостью найти формат сосуществования пространственного и постпространственного мира, который, вероятно, будет относительно длительным, если в результате критического развития ситуации не произойдет полный распад институциональной структуры современного мира. Возникнет ситуация «симбиотической архитектуры» внешней политики и, в особенности, экономических интересов, что превращает вопрос о «неприкасаемых» зонах интересов, т. е. о пространствах и внепространственных институтах (технологических узлах, цепях поставок, а также регулировании информационных полей) в самостоятельную проблему.

– Суверенность того или иного государства становится вопросом до известной степени перцептивным: суверенитет существует там (пространственно) и тогда (ситуативно), где он признается другими внешними игроками. Это, вероятно, является следствием относительно длительного состояния мировой политики и экономики, когда сфера коммуникаций выступала в качестве доминирующей сферы взаимодействия государств и обществ, и любой политический и/или юридический феномен должен получить свое коммуникационное подтверждение. Этот аспект был усилен деинституционализацией мировой политики. Институционального пространства для несилового, «мягкого» проявления суверенитета сейчас уже почти нет. При этом очевидны казусы внешнего управления суверенитетом [Евстафьев, 2019: 98–110]. Неизбежно возникнут некие «серые зоны», где даже формально признанный суверенитет придется доказывать на практике.

– Проблема социальной атомизации поставила под вопрос традиционное представление о том, что источником суверенитета является народ, который в постмодерне просто не предусмотрен как базовая социальная единица.

Таким образом, суверенитет превращается в релятивистскую сущность, в большей степени зависящую от внешних факторов (включая контекст своего обозначения), нежели от внутригосударственных формально-юридических обстоятельств. Одновременно суверенитет становится ситуативным, т. е. будет требовать постоянного подтверждения в формах, доступных внешним партнерам (а не обществу и политической элите). Феномен флюидного суверенитета отражает прогнозное состояние глобальной политики и экономики, проходящих через очевидный системный кризис.

Представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу: в условиях сохранения неопределенности относительно магистрального пути развития мировой политики и экономики, сохранения динамического трехвекторного равновесия между тенденциями регионализации, сохранения отдельных элементов глобализации и сетевизации, вопрос о суверенитете и способности государств его обеспечивать становится одним из важнейших аспектов развития системы глобальной политики.

Таким образом, на ближайшую перспективу борьба за право на практическое, а не только декларативное проявление национального суверенитета становится важнейшим направлением конкуренции не только для глобальных лидеров, но и ревизионистских держав «второго ряда».

Вышеизложенное ставит на повестку дня следующие принципиальные вопросы:

- Какие основные противоречия возникают вокруг вопроса о суверенитете применительно к сформировавшимся узлам геополитических и геоэкономических трансформаций?
- Как будет выглядеть структура и содержание того, что можно было бы назвать «практическим суверенитетом» применительно к современному этапу активных геоэкономических трансформаций?
- Каковы будут форматы организации и реализации политического суверенитета?
- Как изменились источники и носители суверенитета в постглобальную эпоху с учетом сочетания пространственности и надпространственности (глобальности) в важнейших институциональных системах?

Конкуренция суверенитетов: многоуровневость феномена

Конкуренция суверенитетов в мире надвигающейся постглобальности носит крайне сложный и противоречивый характер. Пространство, где развивается конкуренция суверенитетов в настоящее время совершенно иное, нежели в XIX веке (эпоха колониального преиндустриального модерна), в первой трети XX века (индустриальный империализм) и даже в послевоенный период, характеризовавшийся переходом к постиндустриальному постмодерну.

Постглобальный период развития мировой политики и экономики характеризуется сосуществованием различных моделей организации политических и экономических процессов и разрушением не только принципа универсальности моделей развития (что очевидно), но и синергичности развития, что предопределяет возникновение значимых системных диспропорций. Это приводит к тому, что в понятие «суверенитет» вкладывается различное содержание не только с точки зрения методологического и правового толкования, но и с точки зрения политико-правового использования.

На сегодняшний день мы видим несколько слоев конкуренции суверенитетов:

- Центральный уровень «конкуренции суверенитетов»: суверенитет пространства против суверенитета надпространственных систем.

Особенность данного слоя конкуренции заключается в изначально разностатусном противостоянии (государство являет собой суверенитет комплексный, что особенно проявляется в сфере внешней политики и национальной безопасности). Надпространственные, межгосударственные системы изначально нацелены на суверенитет секторальный, в какой-то специфической сфере (в последние 40 лет, а особенно в последние 20 лет становятся проявлением всеобъемлющего противостояния). Надпространственные системы (межгосударственные организации, союзы и проч.) начинают претендовать на универсальность. Это и сделало данный слой противостояния суверенитетов наиболее заметным и основным противоречием современного мира на этапе перехода от постпространственности к системе отноше-

ний, существенно больше опирающейся на принципы пространства, а значит, суверенитета.

Особой формой конкуренции является спор о традиционных подходах к пространственному суверенитету в сфере международных отношений и новых концепциях, таких как «смерть расстояния» (*“death of distance”*), «мир без границ» (*“borderless world”*), «конец географии» (*“the end of geography”*). Все эти концепции отражают верные и выверенные тенденции, имеющие прямое отношение к теории РКБ (региональных комплексов безопасности).

- Национальный суверенитет против суверенитета коалиций особенно проявился в последние 2–3 года применительно к Евросоюзу. Наиболее очевидными были прямые противоречия по поводу политического суверенитета между наднациональными структурами (сформированные на основе непрямой демократии, а в ряде случаев и прямо по принципу кооптации, более характерному для недемократических режимов) и национальными органами власти, действующими в рамках «остаточной публичной демократии».

- Необходимо обратить особое внимание на европейскую специфику проблемы конкуренции суверенитетов в разрезе национального суверенитета против суверенитета коалиций. Именно Европа стала по ряду объективных и субъективных причин (главным образом в силу деградации национальных элит) местом, где данные противоречия проявились с наибольшей остротой и динамикой. О том, что в Европе существуют конкурирующие подходы к пониманию суверенитета на национальном и наднациональном уровнях принятия решений, написаны десятки работ. Еще пандемия показала, что в кризисной ситуации речь может идти не только о суверенитете Европы, но и о «Европе суверенитетов». «Способность отдельных стран – членов ЕС справиться с многогранным кризисом, скорее, подтверждает идею о переосмыслении на новом уровне национального суверенитета и его ценности. Справедливо также и то, что в ближайшем будущем возникнет потребность не только в «новой ответственности», но и в «новой управляемости» [Европа в поиске новых решений, 2020: 12]. Особых способностей коллективно справиться с кризисом не было продемонстрировано. Более того, борьба за новую управляемость превратилась в борьбу против собственного европейского информационного суверенитета. «ЕС порой не в силах заставить собственные государства-члены согласовать позиции, соблюдать правовую дисциплину, продемонстрировать приверженность общим ценностям» [Кондратьева, 2021: 22]. Более того, европейская реакция на специальную военную операцию также показала, что несмотря на масштабное принуждение и массированную кампанию дезинформации национальные партии в отличие от партийных групп в Европарламенте сохраняют специфику своего отношения к ключевым проблемам современности. Впрочем, даже «в партиях, представленных в Европейском парламенте, существуют разные точки зрения в отношении европейского суверенитета и идентичности» [Белов и др., 2018: 9].

Важным и методологически интересным примером нового понимания сочетания национального суверенитета и суверенитета коалиций является современная трактовка проекта «Междуморья» («Интермарум»). Фактически речь идет о воз-

возможности распространения модели запараллеливания суверенитетов, например, параллельные суверенитеты Украины и Польши над некоторыми территориями.

- Суверенитет «суши» против суверенитета остальных сред, прежде всего, «моря».

Противостояние «суверенитета суши» «свободе моря» является основным и проявляется в практической плоскости, например, в действиях США по практической реализации толкования «принципов свободы мореплавания». Укажем и на ситуацию вокруг Тайваня. Уже сейчас отчасти можно говорить о том, что пространство моря превращается в территорию политической и правовой хаотизации [Урбина, 2021]. Вопросы практической, по сути политической реализации принципов суверенности в других средах (космос, околоземное пространство, воздушное пространство) также медленно выходят на первый план. Суверенитет государства конкурирует с суверенитетом «пространства корпоративного управления». Определённый аспект этой проблемы характерен и для практик ЕС.

«Корпоративный суверенитет» всегда был в основе своей «секторальным», но имел в том числе пространственное выражение (Британская Ост-Индская компания, крупные корпорации времен индустриального колониализма и неоколониализма в Азии и Африке и проч.). На сегодняшний день это противоречие суверенитетов является узконаправленным, проявившись в наиболее яркой форме в последнее время в противоречии между государством и корпорациями в сфере управления глобальным информационным пространством. Этот аспект конкуренции суверенитетов будет одним из фундаментальных, если сценарий развития глобальной политической и экономической системы пойдет по модели «неоглобализации». При любых ее интерпретациях «точкой сборки» станет глобализированное информационное общество. Вопрос о приоритете в его регулировании будет ключом к доминированию надпространственных компонентов неоглобального мира¹², включая такие принципиальные темы, как информационная поддержка «остатков» глобализации.

Предположение авторов сводится к следующему: государство в актуальной версии, ставшее производным от постиндустриального постмодерна, принципиально не может победить корпорации, находясь с ними в симбиотическом взаимодействии. Корпорации через институты формальной демократии способны оказывать значительное влияние на политику органов государственной власти, которую нельзя ограничить в рамках системы политической демократии. Вопрос о противоречиях корпоративного и государственного суверенитета в принципе не может быть решен в рамках существующей социально-экономической модели развития.

¹ Webster G., Sherman J. (2018). The Fall and Rise of Techno-Globalism. Democracies Should Not Let the Dream of the Open Internet Die. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-10-28/fall-and-rise-techno-globalism> (дата обращения: 01.06.2022)

² Slaughter M., McCormick D. (2021). Data Is Power. Washington Needs to Craft New Rules for the Digital Age. *Foreign Affairs*, Internet source. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-04-16/data-power-new-rules-digital-age> (дата обращения: 01.06.2022)

- Суверенитет человека против суверенитета государства.

Этот аспект «конкуренции суверенитетов» пока недооценен, поскольку считается, что процессы социальной атомизации приведут к постепенному распаду общества как социально-политического, т. е. государствообразующего феномена, источника власти и опоры государственного суверенитета. Этот подход является продолжением линии на демонтаж принципов «общественного договора» как системной основы развитых капиталистических обществ [Стэндинг, 2014]. Мир развитой глобализации мыслился как мир взаимодействия элит, которым суверенитет государства и общества не нужен, но необходим суверенитет элит, в особенности наднациональных. Возникает ощутимый разрыв в «каскаде суверенитетов», создающий пространство для развития суверенитетов субгосударственных структур, замещающих собой государство в качестве центрального регулятора социальной жизни человека и большинства типов социальных групп, включая «малые» и «большие» семьи, землячества, системы отношений, построенные по принципу социальной общности и проч.

Выводы

С учетом многоуровневой конкуренции суверенитетов правомерно предположить её многоформатность и разнотемповость. В совокупности главным предположением становится неизбежность длительного переходного периода к состоянию устойчивого постглобального мира. «Мир, основанный на правилах», о чем достаточно давно говорят в США, был с удивительной легкостью принят в Европе. При этом игнорировалось очевидное: США – самостоятельная страна, а ЕС – интеграционное объединение. Соответственно, трактовка правил может отличаться. Такой мир возможен только в формате ситуативности, даже если эти «правила» будут формально зафиксированы. Чем выше динамика европейских процессов, тем более волатильны эти «правила».

Отметим пять обстоятельств, определяющих не только геополитическую, но и геоэкономическую картину глобальных трансформаций и глобальной конкуренции:

Первое. *Гибридность суверенитета.* Суверенитет не может быть только экстравертным явлением, обращенным в сферу международных отношений. Суверенитет, его понимание элитами и обществами всегда будут находиться под влиянием факторов текущей политической конъюнктуры и иметь существенное внутреннее проявление [Ильницкий, Ленченко, 2020: 70–75], что предполагает целостность подходов как внутри страны, так и на ее внешнем контуре (причем не только в политико-юридических декларациях, но и практической политике). Фактор гибридности суверенитета, однако, предполагает и интеграцию максимального объема операционного пространства даже при условии «не отрицания» иных суверенитетов, особенно в случае формирования высококонкурентных «серых зон» вокруг того или иного государства.

Второе. *Прикладной характер суверенитета.* Национальный суверенитет может быть реализован, только становясь операционно обеспечиваемым. Формальный

национальный суверенитет, «суверенитет по умолчанию», определяемый в дискурсе классического международного права, вряд ли останется в политической практике постглобального мира, как и само международное право. Суверенитет должен быть «защищаемым», причем широким спектром политических, управленческих, социальных и силовых инструментов, без которых оказалось принципиально невозможным обеспечить даже санитарную защищенность.

Третье. *Коллективный характер суверенитета.* Конкурентоспособность государств мира будет определять их способность обеспечить устойчивость пространства вокруг себя, что можно сделать только в условиях формирования коалиций с унифицированным до известной степени пониманием суверенности и принципов политического и экономического взаимодействия. Суверенитет должен иметь потенциал коалиционности (коллективности), т. е. признаваемости за пределами одного национального государства. Коалиционный суверенитет должен быть относительно универсальным, выходить за рамки отраслевого регулирования. С этой точки зрения идеи достижения «секторальных» межгосударственных соглашений о коллективно признаваемых правилах игры отражают принципиально устаревшую реальность.

Четвертое. *Интегрированный характер.* Национальный суверенитет должен иметь не только пространственное выражение, обеспечивать прозрачность и управляемость «правил игры» применительно к пространству, но и регулировать «запространственные» элементы мировой политики и экономики. Например, финансовую деятельность зарегистрированных в России экономических структур, коммуникаций на внешних площадках, отраслевую арбитражность. Последнее подразумевает вывод из-под юрисдикции международных судов вопросов, связанных с деятельностью крупнейших российских экономических структур за рубежом.

Пятое. *Сочетание пространственности и секторальности.* Суверенитет должен обеспечивать не только контроль пространства и монополию государства на установление на нем «правил поведения», но и обеспечения устойчивости критических экономических систем, когда часть их технологических узлов (и узлов «добавленной стоимости») может находиться за пределами контролируемого в рамках чисто национального суверенитета пространства. Складывается ситуация, когда прежние подходы к разделению труда и формированию сверхдлинных технологических цепочек с вынесенными за пределы национальной юрисдикции важнейшими узлами формирования прибыли, перестают считаться адекватными новой геоэкономической ситуации.

Узловая геоэкономическая взаимозависимость – феномен эпохи поздней глобализации, когда некая значимая в геоэкономическом плане большая система создает критические условия для функционирования нескольких глобально значимых отраслей экономики. Ее выход из строя или резкое изменение характера функционирования может спровоцировать эффект домино¹.

¹ Подобные системы сформировались в сфере добычи природных ископаемых (редкоземельные металлы), энергетического сырья (например, в добыче и обогащении урана), логистике (обеспечение устойчивости мировой торговли, включая и финансовую составляющую).

В современном мире именно Европа будет камертоном звучания постглобализации. Достижение этой задачи будет иметь существенные последствия для организации пространства европейской и мировой торговли и глобальных торговых расчетов. Иными словами, модель суверенитета будет создавать (или препятствовать) интеграции в новую постглобальную экономику.

Важнейшим фактором обеспечения национального суверенитета должен стать информационный суверенитет, то есть формирование контролируемых национальным государством механизмов защиты от внешнего информационного воздействия. Информационное пространство будет в течение относительно длительного времени оставаться наиболее востребованным пространством конкуренции. Степень конкуренции будет весьма жесткой именно в Европе. Так, британская информационная политика не только антироссийская: она и антигерманская, и антиевропейская, а в ряде случаев и конкурентная американской.

Суверенизация информационного пространства становится важнейшим направлением развития системы глобальных и европейских политических и экономических отношений. Политические процессы и информационные практики Европы лишь на самый первый взгляд выглядят едиными. На самом деле борьба за суверенитет в информационной сфере продолжается независимо от ситуации на востоке Старого Света.

Постепенно возникает понимание, что причины европейских проблем заключаются в расколоте «информационном щите» при отсутствии эффективного «информационного меча». Единственное исключение – консолидация общеевропейского суверенитета на антироссийской основе. Ослабление политической и экономической гегемонии Европы приводит к пространственной и надпространственной конкуренции суверенитетов между европейскими странами и конкуренции суверенитетов остального мира и Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. (2020) Не одичать в «осыпающемся мире». Международный дискуссионный клуб «Валдай», Москва. 28 с.

Белов В.Б., Журкин В.В., Потемкина О.Ю., Шумилин А.И. (2018) *Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран*: [монография]. Отв. ред. В.Б. Белов. ИЕ РАН. «Весь Мир», Москва. 203 с.

Европа в поиске новых решений (2020) [монография]. Отв. ред. Р.Н. Лункин, П.В. Осолков. ИЕ РАН, Москва. 140 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372

Валлерстайн И. (2018) *Миросистемный анализ: Введение*. Пер. с англ. Вступительная статья и приложения – Г. М. Дерлугьяна. УРСС: ЛЕНАНД, Москва. 304 с.

Глобальное управление: кризис или трансформация? (2021) (Мировое развитие. Выпуск 22). Под ред. А.А. Алешина, Ю.А. Барониной, А.Р. Борисовой и др. ИМЭМО РАН, Москва. 225 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0590-1

ющую), производстве отдельных компонентов (чипы), коммуникациях (технологическая устойчивость маршрутизаторов интернета).

- Евстафьев Д.Г. (2019) Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России. *Гражданин. Выборы. Власть*. № 2. С. 98–110.
- Ергин Д. (2021) *Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций*. Перевод с англ. Интеллектуальная литература, Москва. 444 с.
- Зевин Л. (2016) Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве. *Мировая экономика и международные отношения*, Т. 60. № 8. С. 26–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33>
- Ильницкий А.М., Ленченко М.К. (2020) Социальная империя как инструмент психологической обороны Российской Федерации. *Военный академический журнал*, № 2. С.70–75.
- Киссинджер Г. (2017) *Мировой порядок*. Пер. с англ. АСТ, Москва. 312 с.
- Кондратьева Н.Б. (2021) ЕС и ЕАЭС: параллельными курсами на цифровую трансформацию. *Европейская аналитика 2021*. Под общ. ред. К.Н. Гусева, ред. кол.: Ал.А. Громыко (предс.) [и др.]. ИЕ РАН, Москва; Нестор-История, Санкт-Петербург, Россия. С. 23–35. DOI 10.15211/978-5-98163-178-8.03.
- Лукиянов Ф.А. (2022) Отскок в сторону. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 1. С. 5. Международные угрозы – 2022. Перехват инициативы. (2022) МГИМО МИД, Москва. 48 с.
- Спенс М. (2013) *Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях*. Пер. с англ. Изд-во Института Гайдара, Москва. 336 с.
- Срничек Н. (2020) *Капитализм платформ*. Перевод с англ. и научная редакция М. Добряковой. 2е издание. ИД ВШЭ, Москва. 128 с.
- Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. Пер. с англ. Ад Маргинем Пресс, Москва. 328 с.
- Урбина И. (2021) *Океан вне закона: Работоторговля, пиратство и контрабанда в нейтральных водах*. Пер. с англ. Альпина нон-фикшн, Москва. 776 с.
- Фукуяма Ф. (2017) *Угасание государственного порядка*. АСТ, Москва. 704 с.
- Шамахов В.А., Межевич Н.М. (2021) Глобализация 3.0 или новая регионализация: к вопросу об этапности мирового развития. *Управленческое консультирование*. № 3. С. 10–15.
- Fukuyama F. (1997) *The End of History and the Last Man*. New York. P. 456.
- Schwab K., Malleret Th. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. World Economic Forum, Geneva. P. 212.

Competition of Sovereignty Models as a Basis for the Transition to a Post-Global World

D.G. Evstafiev*

Candidate of Science (Politics), Professor

Department of Theory of Law and State

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198

*Professor of the Institute of media of the Faculty of Creative Industries
of the Higher School of Economics*

20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000

***E-mail:** estd1212@yandex.ru

N.M. Mezhevich**

Doctor of Science (Economics), Professor

Chief Researcher of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

****E-mail:** mez13@mail.ru

Abstract. Sovereignty issues are a complex set of problems of an interdisciplinary nature. The meaning of the term “sovereignty” has not changed but its content is constantly evolving. The Peace of Westphalia has been a recognized milestone in the understanding of sovereignty. However, at the turn of 2021–2022 we witnessed another milestone in understanding of sovereignty. The triumph of re-sovereignty is obvious both to those who advocate the preservation of the former model of globalization and to those who see its natural collapse. The new approach to sovereignty means not only control over territory, but also over information, and this dimension of sovereignty is becoming particularly important. Sovereignty is a historically concrete phenomenon. The legal norms of the post-war era assumed that States were legally equal, and their political independence was not openly disputed. This approach is outdated. Today, the competition of sovereignties in the world of post-globalization is extremely complex and contradictory since not only economies compete, but also models of sovereignty. The central level of the “competition of sovereignties” is the sovereignty of space versus the sovereignty of supraspace systems. National sovereignty can be implemented only if it is operationally secured. Formal national sovereignty, “default sovereignty”, defined in the discourse of classical international law, is unlikely to remain in the political practice of the post-global world, as well as international law *per se*. Sovereignty should be protected, using a wide range of political, managerial, social and power tools, otherwise it would be fundamentally impossible to provide any form of protection of society and the state.

Key words: sovereignty, spatial world, globalization, macroregions, post-space.

DOI: 10.31857/S0201708322050114

EDN: gnbnx

REFERENCES

Barabanov O.N., Bordachyov T.V., Lisovolik Ya.D., Luk`yanov F.A., Sushenczov A.A., Timofeev I.N. (2020) Ne odichat' v «osy`payushhemsya mire» [Do not run wild in the "crumbling world"]. *Mezhdunarodny`j diskussionny`j klub «Valdaj»*, Moscow. 28 p. (in Russian).

Belov V.B., Zhurkin V.V., Potemkina O.Yu., Shumilin A.I. (2018) *Zashhita gosudarstvennogo suvereniteta – opy`t Evrosoyuza i evropejskix stran* [Protection of state sovereignty – the experience of the European Union and European countries]: [monografiya]. Otv. red. V.B. Belov. IE RAN. «Ves` Mir», Moscow. 203 p. (in Russian).

Ergin D. (2021) *Novaya karta mira: E`nergeticheskie resursy`, menyayushhijsya klimat i stolknovenie nacij* [A new map of the World: Energy resources, changing climate and the Clash of Nations]. *Perevod s angl. Intellektual`naya literature*, Moscow. 444 p. (in Russian).

Evropa v poiske novy`x reshenij [Europe in search of new solutions]: [monografiya]. (2020) Otv. red. R.N. Lunkin, P.V. Oskolkov. IE RAN, Moscow. 140 p. (in Russian). DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report52020_372

Evstaf`ev D.G. (2019) *Informacionny`e manipulyacii i gosudarstvenny`j suverenitet: riski dlya Rossii* [Information manipulation and state sovereignty: risks for Russia]. *Grazhdanin. Vy`bory`. Vlast`*. No 2, pp. 98–110 (in Russian).

Evstaf'ev D.G. (2021) Predxaos kak srednesrochnoe sostoyanie global'noj politiki i e'konomiki. E'konomicheskie strategii. No 1, pp. 22–29 (in Russian).

Fukuyama F. (1997) *The End of History and the Last Man*. New York. 456 p.

Fukuyama F. (2017) Ugasanie gosudarstvennogo poryadka [The extinction of the state order]. AST, Moscow. 704 p. (in Russian).

Global'noe upravlenie: krizis ili transformaciya? [Global Governance: Crisis or Transformation?] (2021) (Mirovoe razvitiye. Vy'pusk 22). Pod red. A.A. Aleshina, Yu.A. Baroninoy, A.R. Borisovoj i dr. IME`MO RAN, Moscow. 225 p. (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0590-1

Il'niczkij A.M., Lenchenko M.K. (2020) Social'naya imperiya kak instrument psixologicheskoy oborony` Rossijskoj Federacii [Social empire as a tool of psychological defense of the Russian Federation]. *Voenny'j akademicheskij zhurnal*. No 2, pp. 70–75/ (in Russian).

Kissindzher G. (2017) Mirovoj poryadok [World Order]. Per. s angl. AST, Moscow. 312 p. (in Russian).

Kondrat'eva N.B. (2021) ES i EAE`S: parallel'ny`mi kursami na cifrovuyu transformaciyu. Evropejskaya analitika 2021 [The EU and the EAEU: parallel courses for digital transformation. European Analytics 2021]. Pod obshh. red. K.N. Guseva, red. kol.: Al.A. Gromy`ko (preds.) [i dr.]. IE RAN, Moscow; Nestor-Istoriya, Sankt-Petersburg, pp. 23–35. (in Russian). DOI 10.15211/978-5-98163-178-8.03.

Luk'yanov F.A. (2022) Otskok v storonu. Rossiya v global'noj politike [Rebound to the side. Russia in Global Politics]. Vol. 20. No 1, p. 5. (in Russian).

Mezhdunarodny'e ugrozy` – 2022. Perexvat iniciativy` [International threats – 2022. Interception of the initiative]. (2022) MGIMO MID, Moscow. 48 p. (in Russian).

Schwab K., Malleret Th. (2020) *COVID-19: The Great Reset*. World Economic Forum, Geneve. 212 p.

Shamaxov V.A., Mezhevich N.M. (2021) Globalizaciya 3.0 ili novaya regionalizaciya: k voprosu ob e'tapnosti mirovogo razvitiya [Globalization 3.0 or new regionalization: on the question of the stages of world development]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. No 3, pp. 10–15. (in Russian).

Spens M. (2013) Sleduyushhaya konvergenciya. Budushhee e'konomicheskogo rosta v mire, zhivushhem na razny`x skorostyax [The next convergence. The future of economic growth in a world living at different speeds]. Per. s angl., Izd-vo Instituta Gajdara, Moscow. 336 p. (in Russian).

Srnichek N. (2020) Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. Perevod s angl. i nauchnaya redakciya M. Dobryakovoj. 2e izdanie. ID VShE`, Moscow. 128 p. (in Russian).

Ste`nding G. (2014) Prekariat: novy`j opasny`j klass [Precariat: A New Dangerous Class]. Per. s angl. Ad Marginem Press, Moscow. 328 p. (in Russian).

Urbina J. (2021) Okean vne zakona. Rabotorgovlya, piratstvo i kontrabanda v nejtral'ny`x vodax [The ocean is outlawed. Slave trade, piracy and smuggling in neutral waters]. Per. s angl. Al'pina non-fikshn, Moscow. 776 p. (in Russian).

Vallerstajin I. (2018) Mirosistemny`j analiz: Vvedenie. Per. s angl. Vstupitel'naya stat'ya i prilozheniya – G.M. Derlug`yana [World system analysis. Introduction. Translated from English. Introductory article and appendices – G.M. Derlugyan]. URSS: LENAND, Moscow. 304 p. (in Russian).

Zevin L. (2016) Megaregiony` v globaliziruyushhemsya xozyajstve [Megaregions in a globalizing economy]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya*. Vol. 60. No 8, pp. 26–33. (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33>

УДК 339.9

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В НЕУСТОЙЧИВЫХ УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2022 НЕВСКАЯ Наталья Александровна*

*Кандидат экономических наук, доцент
Институт Европы Российской академии наук
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
E-mail: nnevskaya@gmail.com

Поступила в редакцию 11.06.2022

После доработки 28.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. В статье рассмотрены основные идеи фундаментального исследования «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям», подготовленного авторским коллективом ИЛА РАН под руководством чл.-корр. РАН В. М. Давыдова. В работе авторы использовали интегральный метод для раскрытия проблемы устойчивого развития через анализ исторической динамики экономических, социальных, культурных, политических отношений с позиции цивилизационного подхода, исходя из ограничений и возможностей политэкономического исследования. В работе раскрыты фундаментальные аспекты специфики устойчивого развития международных экономических и социальных отношений в Латино-Карибской Америке (ЛКА) с учетом экологических, энергетических факторов, влияющих на трансформацию рынка труда и капитала. Особое внимание в ней обращено на развитие общественных институтов и институциональной среды в странах ЛКА под воздействием международных отношений, прежде всего, с США, ЕС, Китаем, Россией, а также процессов и механизмов международной интеграции, торговли и регулирования. Книга даёт представление о реалиях и перспективах региона через призму концепции устойчивого развития на основе признанных международных ориентиров. Работа актуальна и может представлять интерес не только для исследователей региональных проблем, но и для экономистов, политологов и специалистов по международным отношениям широкого профиля.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, Латино-Карибская Америка, экологическая политика, энергетический переход, Повестка устойчивого развития 2030, Парижское соглашение, США, Китай, ЕС, Россия.

DOI: 10.31857/S0201708322050126

EDN: gnizrn

Монография «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» под общей редакцией В. М. Давыдова вышла в свет в 2022 г. К этому времени международное сообщество предприняло важные шаги в реализации сформированного образа будущего через концепцию устойчивого развития. В 2015 г. были утверждены цели устойчивого развития (ЦУР) в резолюции о повестке устойчивого развития на период до 2030 г., принятой Генеральной ассамблеей ООН (Повестка-2030). В 2016 г. вступило в силу Парижское соглашение в рамках Конвенции об изменении климата, регулирующее меры по снижению содержания углекислого газа в атмосфере с 2020 г., и снявшее ряд противоречий Киотского протокола. В 2022 г. по-прежнему наблюдались нарастающий кризис современной капиталистической системы. Начавшийся в 2007 г. мировой экономический кризис и последующая за ним стагнация повлекли серьезные трансформации в международных экономических и социальных отношениях, которые обострились и ускорились в период пандемии COVID-19. Военно-политическое обострение в феврале 2022 г. стало в том числе проявлением противоречий капиталистической системы в политических, экономических и торговых отношениях. Оно будет иметь серьезные последствия для всего мира, предвосхищая более глубокий глобальный экономический кризис в период 2023–2025 гг. Именно в таких неустойчивых условиях авторы анализируют проблемы стран ЛКА через призму концепции устойчивого развития.

Концептуальные основы и подход к поставленной проблеме

Фундаментальный труд «Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» описывает мировую экономическую систему как базис для развития политических, социальных, культурных отношений, рассматривая Латино-Карибскую Америку как часть целой единой системы. В первом разделе «Концептуальные ориентиры в трактовке основ устойчивого развития» дано теоретическое обоснование будущего кризиса. Авторы обращают внимание на необратимые процессы деградации природной среды, а также диспропорции в хозяйственной системе через имущественное расслоение населения и его поляризацию.

Со времён доклада Римского клуба «Пределы роста» закрепилось понимание потребительского отношения общества к окружающей среде в рамках современной системы капиталистического развития. Устойчивый экономический рост способствует усилению дифференциации по доходам населения, что влечёт за собой серьезные социальные и политические потрясения, обостряя актуальность целей устойчивого развития [Wallerstein, 2004: 23; Amin, etc., 1982: 12].

В монографии указана одна из основных причин ухудшения ситуации в мировой экономике: «Финансиализация изымала производительный капитал, перенаправляя его в спекулятивный сектор. ... Мало кто исключал вероятность кризисной дестабилизации мировой экономики в краткосрочной перспективе. Так ситуация характеризовалась и воспринималась до пандемии коронавируса, которая многократно усугубила кризисную ситуацию» [Перспектива ..., 2022: 21]. Формулируя

наличие нетрадиционных вызовов безопасности, связанных с коронавирусной инфекцией, региональным организованным и транснациональным криминалом, авторы затрагивают и другую сторону безопасности – уязвимость экономики и социума. Сложность экономического и социального механизма влечёт лёгкость разрыва цепи в любом звене бытия и имеет следствием нарушение равновесия системы. На примерах разрывов в «процессах международной торговли, туризма, производственных цепочках, нарушений судоходства и авиатранспорта, дестабилизации мирового рынка капитала, перекосов ценообразования и изменения жизненного уклада в пораженных пандемией странах», авторы предполагают, что была «поставлена точка в подготовке глобального экономического кризиса» [Перспектива ..., 2022: 23].

В главе «Детерминация результатов развития» авторы опираются на причинно-следственные связи происходящих процессов и признают важность посткейнсианского [Кругман, 2009] направления экономической мысли в регулировании экономики. На основе диалектической триады (теза – антитеза – синтез) в работе сформулированы концептуальные ориентиры устойчивого развития. «В силу масштабной и глубоко проникающей глобализации процессы поступательного движения экономики, общества, культуры и системы международного общения сплелись в тугую неразрывный узел. При таком сплетении резко повышается уязвимость всех базисных и надстроечных структур, открывающая широкое пространство для деструктивных цепных реакций в любых направлениях», что именуется как «неустойчивое развитие» [Перспектива ..., 2022: 30]. Антитеза связана с понятием устойчивого развития: «Сглаживание циклической динамики, отраслевых и территориальных диспропорций, обеспечение национальной экономической безопасности на основе рационального и ответственного использования материальных и финансовых ресурсов, социальной ориентации развития и механизмов перераспределения доходов, соблюдение базовых гражданских прав, нейтрализация коррупции и криминальной активности» [Перспектива ..., 2022: 31].

В итоге авторы определяют устойчивое развитие через следующие признаки: «Экономически сбалансированное, социально инклюзивное и уравновешенное, экологически ответственное, биологически безопасное, институционально настроенное на соблюдение интересов большинства и защиту прав меньшинства, ... не использования оружия массового поражения и военных решений международных конфликтов»... «при такой матрице развития недопустимо злоупотребление задолженностью перед будущим» [Перспектива ..., 2022: 31]. В работе такой вывод определяется как идеал, отличающийся от практики. Можно добавить, что этот идеал относится к другой системе общественных отношений, базирующихся на принципиально иных отношениях собственности на средства производства и распределение общественного продукта. Современная экономическая система строится на задолженности перед будущим. Отсутствие противовеса в современной капиталистической системе делает невозможным приближение к такому идеалу.

Понимание сформулированных в первом разделе книги проблем общественного развития прослеживается в выступлениях спикеров на многих международных площадках. Никто из экспертов не поставил под сомнение необходимость перехода к новой системе общественных отношений. Речь всегда идет о корректировке су-

шествующей капиталистической системы. С необходимостью общественной трансформации в 2020 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе выступали Клаус Шваб¹ и принц Чарльз с докладом «COVID-19: Великая перезагрузка». В 2022 г. на той же площадке выступали с противоположными взглядами на одну проблему Джордж Сорос² и Генри Киссинджер³ в докладах об обострении международного конфликта. Все доклады выделяли обозначенные противоречия капиталистической системы, но формирование другого пути или создание системного антагониста не рассматривали даже как возможность. Исходя из этих реалий предложенный авторами идеал выглядит недостижимым.

Экологические вызовы и экономическая политика в странах ЛКА

Стратегическая цель Парижского соглашения – достижение климатической нейтральности. Экономические методы, используемые для регулирующего воздействия реализации ЦУР, укладываются в два основных подхода к борьбе с отрицательными экстерналиями – пигуанство и коузианство. Интернализация экстерналии по Пигу осуществляется через налогообложение [Pigou, 1932]. Налог на загрязнение является формой государственного вмешательства с целью достижения Парето-оптимального состояния, когда рыночная система не способна устранить этот отрицательный эффект самостоятельно. В этом случае общественные издержки от загрязнения включаются в производственную функцию предприятий, которые для максимизации прибыли при росте издержек сократят предложение до точки социально приемлемого оптимума. Этот подход лег в основу углеродного налога.

Альтернативным способом является коузианство. Государство не вмешивается в рыночный механизм, но фиксирует права собственности, в данном случае права на чистый воздух. Участники отношений устраняют экстерналию самостоятельно через заключение сделок и трансфертные платежи, если стоимость заключаемого соглашения невелика и транзакционные издержки стремятся к минимуму [Coase, 1960]. В этом случае формируется рынок разрешений на выбросы, где объем выбросов покрывается объемом разрешений: в случае излишков предприятия продают разрешения на выбросы, в случае недостатка – покупают. Средние предельные издержки на сокращение выбросов предприятий уравниваются при стремлении каждого участника их минимизировать. В итоге минимизируются общественные издержки экономической системы на сокращение выбросов.

¹ Schwab K., Malleret T. (2020) COVID-19: the great reset. Forum publishing. URL: <http://reparti.free.fr/schwab2020.pdf> (дата обращения: 02.06.2022)

² Soros G. Remarks Delivered at the 2022 World Economic Forum in Davos. URL: <https://www.georgesoros.com/2022/05/24/remarks-delivered-at-the-2022-world-economic-forum-in-davos/> (дата обращения: 02.06.2022)

³ Kissinger H. These are the main geopolitical challenges facing the world right now URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/05/kissinger-these-are-the-main-geopolitical-challenges-facing-the-world-right-now/> (дата обращения: 02.06.2022)

Так как страны ЛКА относятся к развивающимся странам со слабо развитой промышленностью индустриального типа, в этой группе стран для регулирования производственных процессов в сторону климатической нейтральности используется преимущественно пигуанский подход. Между тем в Европе можно наблюдать пример коузианского подхода. Пигуанский подход в экономическом регулировании проблем будет прослеживаться в работе при рассмотрении политики экологического перехода стран ЛКА в соответствии с ЦУР.

Определяя парадигму цивилизационного развития в странах ЛКА, авторы рассматривают влияние дезагрегированных целей и задач в документах ЦУР на экономику с учетом индустриальной базы стран ЛКА в рамках сложившейся системы регулирующих механизмов. Учитывая наличие пассивов в виде богатых природных ресурсов – тропических лесов и рек, страны ЛКА имеют возможность превратить их в активы, реализуя современную экологическую повестку. В работе справедливо отмечаются ограниченные возможности стран ЛКА. «В развивающихся странах переход с неизбежностью осуществляется специфическим образом. Имея ввиду выживание ранее индустриального и даже доиндустриального уклада, можно говорить одновременно о двойном либо тройном переходе.... Странам Латино-Карибской Америки, экономика которых во многом завязана на первичный сектор, трудно рассчитывать на перестройку структуры национальной хозяйственной системы в приемлемые исторические сроки, на то, что они смогут ослабить инерцию жёстко периферийного прикрепления к мировому рынку» [Перспектива ..., 2022: 42].

На страницах монографии авторы регулярно подчеркивают периферийный характер экономического развития стран ЛКА. Формируемая экономическая система экологического перехода в конечном итоге позволяет развитым странам получать большую экономическую выгоду при распределении экологических платежей за счет лидерства в технологиях существующего научно-технологического уклада. По мнению авторов, есть расхождения «в степени радикализации требований к финансовой поддержке «зелёной» трансформации со стороны экономически развитых государств и степени готовности надевать «смирительную рубашку» на национальную экономику, ограничивая её рост ради приоритетов устойчивого развития согласно Повестке-2030. Камнем преткновения остается соотношение императивов экономического роста с одной стороны, а с другой – соблюдение лимитов допустимости загрязнения среды. До сих пор второе часто приносят в жертву первому, вызывая расхождения в позициях развитых и развивающихся стран» [Перспектива ..., 2022: 42].

Авторы анализируют национальный вклад стран ЛКА в достижение целей Парижского соглашения, указывая на трудность достижения поставленных планов, что связано с существующими в странах ЛКА моделями развития и структурой национальных экономик периферийного типа. Выделяются первоочередные меры, которые должны предпринять страны ЛКА для сокращения эмиссии парниковых газов в соответствии с Парижским соглашением. «Во-первых, переход на возобновляемые источники энергии (энергетика и транспорт), во-вторых, внедрение новых методов ведения сельского хозяйства, в-третьих, восстановление лес-

ных массивов» [Перспектива ..., 2022: 67]. В работе постулируется необходимость качественного экономического роста, который должен соответствовать целям устойчивого развития.

Авторы признают, что требуется «существенное изменение качества модели производства и потребления товаров и услуг, организации хозяйственной деятельности с меньшими материальными и энергетическими затратами и одновременно более низким уровнем отходов и выбросов природного газа, снижение давления экономической активности на окружающую среду может позволить хоть в какой-то мере говорить о создании условий для обеспечения устойчивого развития» [Перспектива ..., 2022: 76]. Для этого необходимо разработать производственные, финансовые и институциональные механизмы и технологии ограничения климатических рисков. В анализе «национальных вкладов» авторы указывают на раннеиндустриальный тип развития экономик, что предполагает большие изменения в инвестиционной и налоговой политиках национальных государств.

Фактически требуется провести обновление производственного комплекса национальных государств с учетом их относительных преимуществ в международном разделении труда, но возлагаемые на развивающиеся страны издержки по климатической повестке только усугубят инвестиционные возможности стран. Однако авторы несколько смягчают проблему разрыва инвестиционных и налоговых возможностей от экономической реальности стран ЛКА под давлением необходимости достижения ЦУР. Планы и показатели развития при выполнении ЦУР можно реализовать в условиях мирового экономического роста, но при незначительном проявлении мирового кризиса именно страны периферии продемонстрируют наибольшее падение показателя инвестиций в ВВП и снижение налоговых поступлений для перераспределения в соответствии с ЦУР.

При рассмотрении энергетического перехода в странах ЛКА проанализированы существующие региональные реалии и тенденции этого рынка, сделан анализ возобновляемых ресурсов этой территории, дана оценка возможности доступа к современным энергетическим услугам. Особое внимание уделено международному сотрудничеству в рамках освоения передовых технологий. Авторы признают наличие больших межстрановых различий в обеспеченности источниками возобновляемой энергии и уровня жизни населения. Отмечается, что «в настоящее время на долю энергии на углеводородном сырье приходится около трёх четвертей от общего объема её производства в регионе» [Перспектива ..., 2022: 77].

Предполагается, что международное сотрудничество облегчит доступ к технологиям чистой энергетики. Однако данными технологиями владеют развитые страны – США, ЕС и Китай. Бедность населения и уровень затрат на производство чистой энергии в странах ЛКА не дают возможности осуществить переход к более дорогой чистой энергетике на конкурентных рыночных основах, так как ископаемое и древесное топливо является более дешёвым. Поэтому допускается возможность временного сохранения или увеличения доли углеродоёмких отраслей и роли традиционных технологий. Авторы считают, что «достижение цели 7 Повестки-2030 маловероятно, но преобразования в энергетике в большинстве стран соответствуют приоритетам устойчивого развития. Существующие препятствия будут ска-

зваться долгое время, но энергетический переход предопределен» [Перспектива ..., 2022: 97]. К оптимистичным выводам авторов можно добавить, что анализ энергетической обеспеченности стран ЛКА иллюстрирует общую проблему зависимости развивающихся стран от развитых.

Страны с периферийным типом экономики, реализуя Парижское соглашение и Повестку-2030, создают условия для входа на собственный энергетический рынок энергетическим и инфраструктурным компаниям развитых стран. Отсутствие собственных современных технологий в области чистой энергии ставит под сомнение энергетический суверенитет и национальную безопасность стран ЛКА. Поэтому не только экономические причины могут замедлять реализацию ЦУР, но и недоверие к политике развитых стран в условиях обострения политических противоречий.

Социально-экономический анализ рынков факторов производства в странах ЛКА

Большое внимание в книге уделено современным тенденциям развития рынков факторов производства под влиянием новой экологической повестки в региональных условиях экономического развития. Глава 5 посвящена проблеме финансирования всех экономических и социальных процессов. Специфика регионального финансового рынка позволяет оценить возможности мобилизации ресурсов для ЦУР. Авторы рассматривают общемировую тенденцию увеличения разрыва между финансовым и реальным секторами экономики, утрачивание финансовым капиталом функции посредничества между сбережениями и инвестициями. Поднят вопрос влияния политики «количественного смягчения» на процесс финансирования мировой экономики. Рассматривая особенности финансирования в странах ЛКА, авторы указывают на имитационный характер становления финансовой экономики. Финансовый рынок стран Латино-Карибской Америки отличаются следующие характеристики: «1. финансовые инновации внедряют в замедленном темпе; 2. низкая востребованность фондового рынка со стороны домашних хозяйств, малых и средних предприятий; 3. низкий уровень инклюзивности – доля пользователей кредитно-банковской системы ниже среднемировых показателей» [Перспектива ..., 2022: 103–104].

Описанная ситуация характерна для многих развивающихся стран, в которых наблюдается высокая дифференциация по доходам населения и доминирование на рынке монополий. Конкурентными участниками мирового рынка могут выступать лишь крупнейшие компании, а конкурентными потребителями – верхние обеспеченные слои населения. Авторы справедливо указывают, что «приоритеты Повестки-2030 требуют серьезных вложений..., но обозначенные ориентиры, безусловно, полезны. Хотя в обстановке мирового кризиса они пока осуществимы, по-видимому, лишь в малозначительной степени». «Для реализации задач Повестки - 2030 нужны радикальные перемены в глобальном порядке, в системе международных экономических отношений, в самой природе капитализма, возможность которых вызывает большие сомнения» [Перспектива ..., 2022: 118].

В работе обосновано применение капитальных ресурсов в секторе реального производства стран ЛКА пределами использования с учётом производственного профиля региона. Так как регион периферийный, то инновации носят несистемный характер, что легко объясняет востребованность на мировом рынке продукции крупных сырьевых компаний и продукции некоторых представителей компаний научного прогресса – автомобильной, электронной и аэрокосмической промышленности. Отсутствие инноваций экономически объяснимо высокой долей дешевой рабочей силы, так как в рыночных условиях коэффициент замещения труда капиталом должен приносить положительный эффект. Если рабочая сила дешевая, то нет необходимости внедрять технику и технологии для замещения труда [Nevskaya, 2021].

Авторы считают, что «ограниченное распространение передовых технологий в производственной системе привело к структурной неоднородности в ЛКА, что является одной из коренных причин высокого уровня неравенства в регионе. Эта неоднородность выражается в высокой доле занятости в неформальном секторе и уровне т. н. «внутреннего разрыва», определяемого как соотношение между производительностью труда микро-, малых и средних предприятий и производительностью крупных компаний в одной и той же стране или регионе» [Перспектива ..., 2022: 122]. С данным утверждением авторов сложно согласиться. Авторы ранее выделяли основную причину отсталости – периферийный характер экономики, что и является первопричиной неравенства в регионе, которое выражается, прежде всего, в дифференциации по доходам населения стран Латинской Америки. Страны ЛКА участвуют в международном разделении труда на условиях неэквивалентного обмена, являясь донорами мировой капиталистической системы.

Выгодоприобретателями в такой экономической структуре рынка являются крупные корпорации как международные, так и национальные. Это приводит к высокой дифференциации по доходам населения внутри страны периферийного типа, а также к дифференциации распределения денежных потоков среди компаний в пользу крупных монополий и олигополий. Низкая заработная плата у основной массы населения не способствует повышению качества потребительских товаров, обновлению производства и внедрению инноваций в связи с низким уровнем потребительского спроса. В производственной сфере инновации тормозятся экономическими механизмами замещения труда капиталом, поскольку такое замещение экономически не обосновано. Это сказывается на показателях производительности труда отраслей и конкретных предприятий – чем ниже фондовооруженность, тем ниже производительность труда. Поэтому ограниченное распространение передовых технологий в производственной сфере является скорее следствием, нежели коренной причиной неравенства в данном регионе.

Мысль о дифференциации в производственной сфере, связанной с местом в международном разделении труда, подтверждает анализ положения информационно-коммуникационной отрасли стран ЛКА, которая является одним из представителей отраслей-лидеров научно-технического прогресса. При этом предполагается встраивание в мировую экономику через модель производственных цепочек создания стоимости транснациональными корпорациями. «Использование передовых цифровых

технологий становится неотъемлемой частью успешных бизнес-моделей компаний Латинской Америки, включая электронный банкинг, электронный инвойсинг (e-invoicing), создание «мобильных банков», организацию стартапов и т. п. Реальный успех приходит преимущественно к крупным латиноамериканским компаниям, сотрудничающим с транснациональными корпорациями и интегрированными в глобальные производственно-сбытовые цепочки» [Перспектива ..., 2022: 130].

Обращает на себя внимание продукт производства как результат встраивания. Он относится к потребительскому рынку, а не к производству средств производства, пусть и в лидирующей сфере цифровых технологий. Это косвенно указывает на подчиненный характер производственной сферы стран ЛКА по отношению к развитым странам. Авторы указывают на это обстоятельство. «Цифровизация оказывает растущее, хотя и неоднозначное по сегментам экономики и странам, влияние на деятельность латиноамериканского бизнеса. До полного разворота от интернет-потребления до интернет-производства ещё далеко, но продвижение в этом направлении идёт» [Перспектива ..., 2022: 130].

В работе обоснованно связывается «динамика устойчивого развития ЛКА в среднесрочной и долгосрочной перспективе ... с результативностью мер принимаемых правительствами стран региона по повышению конкурентоспособности национальных экономик. Существенный рывок в данном направлении невозможен без технологического прорыва и развития инноваций, использование которых ... обеспечивает устойчивый рост и развитие производительности в долгосрочном периоде» [Перспектива ..., 2022: 134].

Анализируя рынок труда, авторы отмечают большую роль динамики его показателей в достижении ЦУР. В этом отношении авторы уделяют внимание показателям занятости и открытой безработицы, связанным с пандемией COVID-19. Их мнение совпадает с позицией экспертов ООН в прогнозе отката в достижении ЦУР-8 в связи с тем, что «кризис усугубил структурные диспропорции, имеющиеся на рынке труда, в частности, между формальной и неформальной занятостью, между мужской и женской частями рабочей силы в странах Латинской Америки».

Оценка занятости авторами осуществляется по качественным показателям, в частности, по производительности труда. Показатель производительности труда связан с качеством человеческого капитала. Статистика, представленная в работе, свидетельствует о низкой доле специалистов высокой квалификации и профессионалов среднего уровня на рынке стран ЛКА. Авторы сделали особый упор на процессе цифровизации рынка труда в связи с тем, что именно он получил основной урон от пандемии [Post-Covid Economic Revival, 2021]. Коронакризис способствовал цифровизации и резкой трансформации на рынке труда на фоне специфической проблемы стран ЛКА – дефицита профессионально подготовленной рабочей силы.

Социальные и политические проблемы региона и их роль в достижении ЦУР

Для достижения ЦУР необходимо владеть информацией не только о наличии и качестве трудовых ресурсов, но и о состоянии социума, выражаемого в показателях

дифференциации доходов, которые в странах ЛКА характеризуются большими разрывами между стратами. Авторы работы, используя результаты исследования Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), разделяют латиноамериканские государства на три группы в зависимости от веса той или иной страты. Первая группа с относительно низкими показателями бедности и весомой долей средних слоев, вторая группа - страны с зажиточными слоями в диапазоне от 10 до 20%, третья группа – Центральноамериканские страны плюс Мексика, которым свойственно преобладание низших страт, характеризующихся экстремальным и неэкстремальным уровнями бедности населения [Перспектива ..., 2022: 175].

В таких условиях сложно реализовать прогрессивное социальное развитие региона. Новые тенденции цифровизации общества в сфере финансов, электронной торговли, коммуникационных технологий окажут изменения на социальную структуру общества, но за счёт периферийности общества изменения будут носить долгосрочный затянувшийся характер. Привлекает внимание смелый вывод авторов о том, что «углубление хронических социальных язв быстро мобилизует латиноамериканский социум, который ... может стать субъектом региональных конструктивных преобразований вплоть до запуска процессов качественных социально-политических трансформаций в форме «общественных революций» нового типа» [Перспектива ..., 2022: 187].

«Общественным революциям» нового типа должна предшествовать революционная ситуация, где необходимо, но недостаточно наличие накалённой неравномерной социальной структуры и озлобленности. Возможен ли качественный переход такого рода в социально-экономических условиях стран ЛКА – вопрос сложный. Вероятно «общественная революция» нового типа могла бы стать выходом из клубка социальных проблем в этом регионе, но неоднородность страт внутри региона, достаточное удовлетворение базовых потребностей большей части населения и отсутствие противоречий в правящем классе вряд ли повлекут за собой качественные изменения через слом системы. Учитывая современную историю региона, такое предположение авторов рационально обосновано.

Оценка социальной политики в странах ЛКА в работе дана с позиции ускорения достижений ЦУР и обоснована необходимостью повышения конкурентоспособности на мировом рынке, что возможно при должном внимании к образованию, здравоохранению, инфраструктуре, созданию возможностей профессионального роста молодёжи. Важным фактором, тормозящим социальное и экономическое развитие, является коррупция в регионе. Авторы подробно изучили это явление в главе 10 через анализ количественных показателей и причин коррупции, роли коррупционных скандалов, организованной преступности и наркобизнеса как угрозы общественной стабильности и безопасности рассматривают особенности криминальной ситуации в отдельных странах. Особой ценностью данной главы является раскрытие экономических предпосылок обозначенных проблем. В заключении авторы справедливо касаются вопроса необходимости повышения ответственности стран-потребителей незаконных товаров и услуг.

Изложение социальной и социокультурной обусловленности в монографии представляется проблемой миграции через призму положений концепции устойчивого развития. Незатронутая в разделе анализа рынка труда проблема миграции является логическим продолжением материала об основных социальных сложностях региона: высокого расслоения благосостояния внутри общества, наличия коррупции, преступности и наркотрафика, которые фактически влекут за собой клубок миграционных проблем. Следуя концептуальным методологическим основам монографии, в главе излагаются демографические и экономические причины миграции и их последствия. Страны ЛКА выступают донорами на мировом рынке трудовых ресурсов, их экономика по объективным экономическим причинам не может обеспечить наличие высококвалифицированных рабочих мест.

Население в странах ЛКА по периферийному типу рынка реализует свои способности и продает рабочую силу в страны экономического центра, обеспечивая движение трансфертных платежей своим семьям в страну-донора рабочей силы. Авторы находят в структуре подобных экономических отношений некоторую связь с ЦУР: «Денежные переводы мигрантов рассматриваются через призму инвестиций и стоимости транзакции в качестве одного из инструментов достижения ЦУР» [Перспектива ..., 2022: 251]. Признают, что при соответствии законодательства международным нормам проблемы с соблюдением прав мигрантов остаются открытыми.

Закрывают матрицу социальной и социокультурной обусловленности вопросы устойчивости государственных институтов и политических режимов через конфликтогенный потенциал территории и проблемы воспроизводства идентичности.

Авторы рассматривают внутривнутриполитическую устойчивость в странах региона в связке с классическими принципами демократического общества на территории стран ЛКА: выборов и сменяемости власти, контроля гражданского общества над силовыми структурами, политического плюрализма. Указывается отрицательное влияние социальных проблем, рассмотренных в предыдущих главах. Следуя методологии, обозначенной в начале книги, хотелось бы отметить труднореализуемость этих постулатов и выводов. В мире реализована классическая демократия греческого типа, которая не подразумевает демократических процедур в странах-экономических аутсайдерах. Признаки демократического общества возможны среди свободных людей, которые свободны прежде всего экономически. Страны периферии в этой модели нельзя отнести к свободным. Поэтому страны ЛКА будут постоянно бороться за демократию, но по объективным причинам скатываться в авторитаризм.

Последний раздел книги посвящен влиянию ключевых внешних акторов и позиционированию стран ЛКА на мировой арене. В работе рассмотрены постоянная и меняющаяся роль США, партнёрство с Евросоюзом, китайский фактор в регионе, Россия в традиционном и новом амплуа в контексте новой экологической повестки и решений климатических проблем. Отдельно в монографии рассмотрена теория и практика интеграции в контексте устойчивого развития и выход на новые ниши мирового рынка.

Авторы указывают, что для стран ЛКА США «остаются одним из важнейших платежеспособных рынков сбыта, источником капитала и новых технологий. С

другой стороны, принимается во внимание, что США – ключевая детерминанта латиноамериканской конъюнктуры и это отражается в экологической повестке» [Перспектива ..., 2022: 294]. Разнонаправленность решений Вашингтона относительно участия в Парижском соглашении подтолкнула к сближению стран ЛКА в этом вопросе с другим мировым экономическим центром – ЕС. «Евросоюз стал для стран Латинской Америки основным проводником государственных программ по линии Север-Юг, нацеленных на решение глобальных проблем, в том числе охраны окружающей среды» [Перспектива ..., 2022: 319]. Сотрудничество ЛКА с ЕС способно стать одним из важных источников технологий и инвестиций, в том числе в экологической сфере [Gromyko, 2021].

Евросоюз является одним из лидеров в переходе на новую экологическую повестку и реализацию ЦУР и перетягивает основное внимание стран ЛКА в вопросах экологического сотрудничества. Особенность взаимодействия с Китаем проявляется в его активной экспансии на менее развитые рынки через прямые инвестиции в инфраструктуру. КНР реализует стратегии выхода на периферийные рынки по классическому империалистическому типу. С 2007 г. Китай вносит в свои планы повестку устойчивого развития и решение экологических проблем, в том числе и в международном взаимодействии со странами ЛКА. Россия и страны ЛКА, находясь в периферийном экономическом положении, имеют много общих системных проблем развития и могут дополнять друг друга в решении экологических проблем через стратегическое партнёрство.

В завершение работы авторы рассматривают роль интеграционных объединений в формировании перспектив устойчивого развития как инструмент и как объект ЦУР. В вопросах глобального регулирования авторы уделяют внимание необходимости более широкого доступа стран ЛКА к механизмам глобального регулирования. Авторы отмечают, что «сформировавшаяся в последние десятилетия система глобального регулирования оказалась внутренне фрагментарной и недостаточно эффективной... Существует консенсус в отношении того, что необходимо сделать, но отсутствует понимание как добиться и какие механизмы задействовать чтобы обеспечить достижение ЦУР» [Перспектива ..., 2022: 431].

* * *

Сложность и масштабность темы, затронутой авторами монографии «Перспектива устойчивого развития, апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям» не позволяют сделать обобщенных выводов, так как они приведут к упрощению исследуемой проблемы.

Проведенный в книге глубокий анализ ресурсов, возможностей и рисков в странах ЛКА демонстрирует все выгоды и угрозы от реализации Парижского соглашения и Повестки-2030, отражающих цели устойчивого развития. Методология анализа данной работы позволяет опереться на объективные экономические законы существующей мировой системы, которые будут приводить к закономерному результату: страны ЛКА будут двигаться в общем фарватере на отрезках циклического роста мировой экономики и демонстрировать абсолютный экономический при-

рост, но в относительных значениях экономических величин они будут беднеть по сравнению с развитыми странами, не взирая на установленные показатели в планах достижения ЦУР. Результаты работы авторов книги демонстрируют сложности перехода стран периферийного типа экономики к реализации ЦУР. Рассматривая специфические региональные и страновые проблемы Латино-Карибской Америки в экономическом, социальном и культурном срезе, авторы демонстрируют как далеки могут быть декларируемые цели от реального положения в стране. Формирование стандартов в реализации ЦУР прежде всего отражает интересы и возможности стран центра. С другой стороны, в работе продемонстрированы возможности развивающихся стран изменить существующее положение в лучшую сторону, применяя уже наработанную практику решения проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям (2022) Институт Латинской Америки РАН. Издательство «Весь Мир», Москва. 448 с.
- Amin, S., Arrighi, G., Frank, A.G., Wallerstein, I. (1982) *Dynamics of Global Crisis*. English ed. Monthly Review Press, New York. URL: <https://nyupress.org/9780853456063/dynamics-of-global-crisis/> (дата обращения: 02.06.2022)
- Coase R. (1960) The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*, Vol. 3, pp. 1–44. URL: <https://www.law.uchicago.edu/files/file/coase-problem.pdf> (дата обращения: 02.06.2022)
- Gromyko A.I.A. (2021) De-Escalation of tension is beneficial for all. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 91. No 4, pp. 408–409. DOI: 10.1134/S1019331621040043
- Krugman P. (1979) Increasing returns, monopolistic competition, and international trade. *Journal of International Economics*. Vol. 9, Issue 4, pp. 469–479. DOI: 10.1016/0022-1996(79)90017-5
- Nevskaya N.A. (2021) European Investments Opportunities After COVID-19. Chapter 13 in Book: *Post-Covid Economic Revival*. Vol. I. Palgrave Macmillan, pp. 191–202. DOI: 10.1007/978-3-030-83561-3 10.1007/978-3-030-83561-3_13
- Pigou A.C. (1932) *The Economics of Welfare*. 4th ed. London: Macmillan. URL: http://files.libertyfund.org/files/1410/0316_Bk.pdf (дата обращения: 02.06.2022)
- Post-Covid Economic Revival (2021) Vol. I. Editor: Vladimir S. Osipov. Palgrave Macmillan, pp. 191–202. DOI: 10.1007/978-3-030-83561-3 10.1007/978-3-030-83561-3
- Wallerstein I. (2004) *World-systems analysis: an introduction*. Durham, NC: Duke University Press. 128 p. ISBN-10: 0822334429. URL: <https://iwallerstein.com/alternatives-the-united-states-confronts-the-world/> (дата обращения: 02.06.2022)

Sustainable Development in Unsustainable Conditions of International Relations

N.A. Nevskaya*

Candidate of Science (Economics), Associate Professor

Institute of Europe RAS, 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya street, 11-3

***E-mail:** nnevskaya@gmail.com

Abstract. The article explores the main ideas of the fundamental research “Sustainable Development Perspective. An Appeal to Global and Latin American Realities” published by the Institute of Latin America RAS team under supervision of V. M. Davydov. The authors use an integral method to address the problem of sustainable

development through the analysis of the historical dynamics of economic, social, cultural, and political relations using a civilizational approach, based on the limitations and opportunities of political economic research of economic development. The paper reveals the fundamental aspects of the sustainable development of international economic and social relations in Latin America and the Caribbean states, taking into account environmental and energy factors affecting the transformation of relations in the labor and capital markets. The monograph formulates conceptual guidelines for interpreting the foundations of sustainable development, considers the environmental and energy aspects of sustainable development, and analyzes the problems of transforming economic and social relations in the labor and capital markets. Special attention is paid to the development of public institutions and the institutional environment in the Latin America and the Caribbean countries under the influence of relations with the USA, the EU, China, Russia, as well as processes and mechanisms of international integration, trade and regulation. The book gives an idea of the realities and prospects of the region through the prism of the concept of sustainable development based on recognized international guidelines.

Key words: Sustainable Development Goals, Latin America and the Caribbean, environmental policy, energy transition, Agenda for Sustainable Development 2030, Paris Agreement, USA, China, EU, Russia.

DOI: 10.31857/S0201708322050126

EDN: gnizrn

REFERENCES

- Perspektiva ustojchivogo razvitiya. Apelljacija k obshhemirovym i latinoamerikanskim realijam [Perspective of sustainable development. Appeal to global and Latin American realities (2022)] Institut Latinskoj Ameriki RAN. «Ves' Mir», Moscow, Russia. 448 p. (in Russian).
- Amin, S., Arrighi, G., Frank, A.G., Wallerstein, I. (1982) *Dynamics of Global Crisis*. English ed. Monthly Review Press, New York. URL: <https://nyupress.org/9780853456063/dynamics-of-global-crisis/> (accessed: 02.06.2022)
- Coase R. (1960) The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*, Vol. 3, pp. 1–44. URL: <https://www.law.uchicago.edu/files/file/coase-problem.pdf> (accessed: 02.06.2022)
- Gromyko A.I. (2021) De-Escalation of tension is beneficial for all. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 91. No 4, pp. 408–409. DOI: 10.1134/S1019331621040043
- Krugman P. (1979) Increasing returns, monopolistic competition, and international trade. *Journal of International Economics*. Vol. 9, Issue 4, pp. 469–479. DOI: 10.1016/0022-1996(79)90017-5
- Nevskaia N.A. (2021) European Investments Opportunities After COVID-19. Chapter 13 in Book: *Post-Covid Economic Revival*. Vol. I. Palgrave Macmillan, pp. 191–202. DOI: 10.1007/978-3-030-83561-3_13
- Pigou A.C. (1932) *The Economics of Welfare*. 4th ed. London: Macmillan. URL: http://files.libertyfund.org/files/1410/0316_Bk.pdf (accessed: 02.06.2022)
- Post-Covid Economic Revival (2021) Vol. I. Editor: Vladimir S. Osipov. Palgrave Macmillan, pp. 191–202. DOI: 10.1007/978-3-030-83561-3_13
- Wallerstein I. (2004) *World-systems analysis: an introduction*. Durham, NC: Duke University Press. 128 p. ISBN-10: 0822334429. URL: <https://iwallerstein.com/alternatives-the-united-states-confronts-the-world/> (accessed: 02.06.2022)

УДК 327

От редакции. Публикуем последнюю статью Игоря Фёдоровича Максимычева (1932–2021), над которой ведущий российский германист, главный научный сотрудник Института Европы РАН работал незадолго до ухода из жизни. С учётом состояния, в котором международные отношения находятся год спустя, подходы Игоря Фёдоровича к оценке уроков истории отношений России и Германии и к их новейшей стадии не могут не привлечь своей проницательностью и глубиной.

МОСКВА И БЕРЛИН В МИРЕ, ПОЛНОМ КРИЗИСОВ. *Есть ли будущее у российско-германского тандема?*

© 2022 **МАКСИМЫЧЕВ Игорь Фёдорович***

Доктор политических наук

*Главный научный сотрудник, Институт Европы Российской академии наук
125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3*

**E-mail: ieras@mail.ru*

Поступила в редакцию 03.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. Россию и Германию всегда связывали сложные политические и экономические взаимоотношения. Периоды вражды сменяли этапы тесного сотрудничества. Данная статья посвящена анализу исторических перипетий партнерства и столкновений двух государств. В ней раскрыты особенности культурного соприкосновения и гармоничного сочетания национальных характеров двух народов. От Ливонского похода на Русь до Великой Отечественной войны автор рассматривает все крупные события за последние 800 лет, которые затронули судьбы обеих стран. Особое внимание уделено XX веку, в ходе которого Россия и Германия не раз оказывались по разные стороны баррикад. Автор делает вывод, что трагедия совместной российско-германской истории заключается в том, что взаимная дополняемость сторон то и дело прерывалась конфликтами и войнами.

Ключевые слова: Россия, Германия, внешняя политика, двусторонние отношения, дипломатия.

DOI: 10.31857/S0201708322050138

EDN: gnkcaa

Делать прогнозы – дело неблагодарное. Несбывшиеся прорицания ведут по большей части к утрате доверия к их авторам. Это особенно верно для начальных периодов исторических циклов перемен глобального масштаба, один из которых разворачивается на наших глазах. Нарастающая неустойчивость ситуации в целом снижает шансы предсказать с определённой долей вероятности маршрут, по которому направляется мир в ближайшем или более отдалённом будущем. На данный момент невозможно предугадать реальные последствия пандемии коронавируса, не говоря уже об иных массовых заболеваниях, жертвой которых, по оценкам медиков, человечество будет становиться вновь и вновь. Ещё менее надёжными выглядят предположения о характере и сроках неизбежных в складывающихся обстоятельствах фундаментальных сдвигов в обществах тех или иных государств. Ясно лишь, что речь идёт о трансформациях всего политического комплекса – и в области внутренних дел, и в международных отношениях, и в экономической сфере.

Однако вечно откладывать попытки спрогнозировать пути развития ошибочно. Определять свою линию в реалиях возникающего на наших глазах мира необходимо уже сегодня. Нужны хотя бы предварительные прикидки, какими дорогами и далеко в грядущие годы могут зайти драматические сдвиги в глобальном, региональном и местном измерениях. Существенным элементом анализа складывающейся ситуации остаётся выявление преобладающих тенденций эволюции взаимоотношений России с её основными партнёрами (конкурентами) в мире. Абсолютных гарантий надёжности результатов поиска ответов на возникающие в данной связи вопросы никто не даст. Степень их достоверности, действительно, невысока, но она существует. В конце концов точность прогнозов погоды нас также часто расстраивает, но тем не менее мы внимательно прислушиваемся к советам метеорологических служб. К тому же существует неизбывное правило самосбывающихся пророчеств, что также необходимо учитывать. Коронавирус придал несомненное ускорение процессам перемен, начавшимся в мире задолго до пандемии. Нельзя медлить с их осмыслением.

Шрамы прошлого

Если есть на свете страны, самой судьбой предназначенные дополнять друг друга всегда, то это Россия и Германия. У двух государств не только сочетаются их природные и иные ресурсы, не только таланты и профессиональные навыки трудолюбивого населения, но и отсутствуют объективные причины для конфликтов. Гармонируют особенности национального характера жителей обеих стран. Распространённая в России шутовская сентенция «Что русскому хорошо, то немцу смерть» (что изначально относилось в основном к сравнительным способностям двух наций по части алкогольных напитков) отнюдь не отражает пренебрежительного отношения русских к Германии. В более общих российских оценках германского фактора явственно звучат комплиментарные нотки в отношении интеллектуального уровня партнёров. Торговая марка *“Made in Germany”* всегда высоко ценилась в России.

В свою очередь, исполненные почтения отзывы о русских и России не были редкостью в Германии. Как правило, позитивные оценки базировались на глубоком

впечатлении, производимом размерами территории восточного соседа, его военной мощью, трудолюбием, выносливостью и долготерпением населения. Для наглядности немцы часто использовали символический образ «русского медведя», хорошо иллюстрирующий, по их мнению, степень воздействия на окружающий мир могущества, неукротимости и непредсказуемости действий партнёра. Долгое время в Германии преобладало мнение, что особенности российского фактора диктуют желательность избегать ссор с Россией, и что наиболее эффективным средством реализации целей германской политики остаётся согласованное объединение ресурсов обеих держав. Гармоничное совмещение немецкой системности, дисциплины и настойчивости с российским размахом, широтой взглядов и полётом мысли в рамках общего русла развития расценивалось как путь в будущее, устраивавший и русских, и немцев.

К сожалению, немцы часто сбивались с тона в том, что касается способов построения механизмов взаимодействия с Россией. Они не могли (да и не могут) полноценно осознать, что методы принуждения в партнёрстве с Россией не работают. У влиятельной части германских политических элит рано проявилась склонность к предположению, что с учётом независимого курса России на международной арене для Германии может оказаться желательным противодействовать российскому влиянию на европейские дела. Расчёт был на то, что ослабленная Россия станет более сговорчивым партнёром, «другом Германии». От подобных иллюзий оставался лишь один шаг до стратегии установления контроля над предпочтениями великого восточного соседа. И немцы, увы, то и дело в истории предпринимали такой шаг вплоть до силового воздействия на Россию.

Непосредственное соприкосновение обоих народов не заладилось с самого начала. Первые же удостоившиеся внимания летописцев контакты были омрачены германским «натиском на восток», под знаком которого формировалось противостояние Руси и остальной Европы. В 1217 г. папа Римский Гонорий III от имени «цивилизованного мира» поручил рыцарям Тевтонского (то есть Германского) ордена обратить в «истинную веру» славян Восточной Европы. Рыцари с рвением и немалой материальной выгодой для себя принялись огнём и мечом насаждать католичество, не делая различия между язычниками и православными, поработали и тех, и других. Далеко на восток крестоносцам продвинуться не удалось – их остановило на льду Чудского озера новгородское ополчение под водительством Александра Невского (1242 г.).

После Ледового побоища тевтонцы избегали прямого столкновения с Русью. Окончательно полчища захватчиков потерпели поражение в 1410 г. при Грюнвальде, где отличились смоленские полки. Но кровавая эпопея Тевтонского ордена не зря врезалась в народную память. На земле истреблённого славянского племени пруссов появился Кёнигсберг – опорный пункт экспансии, затронувшей не только Восточную Европу. Довольно скоро германская Пруссия пробилась на ведущие позиции в рамках Священной Римской империи германской нации.

Неудачный старт «натиска на восток» расчистил путь к строительству отношений мирного сотрудничества немцев и русских. В результате недвусмысленного провала первого тура тевтонских попыток на первый план вышли альтернативные

возможности. Сказалась закономерность: чем сокрушительней отпор, тем конструктивнее последующее поведение бывшего агрессора. Начавшийся многовековой период плодотворных взаимовыгодных обменов между Русью и конгломератом немецких государств характеризовался, прежде всего, экономической и часто политической заинтересованностью во взаимодействии. Гости из Германии проявляли максимальную активность. Они были в Москве столь многочисленны и предприимчивы, что пригород, где жили прибывавшие на Русь иностранцы, стал называться «немецкая слобода».

Российские императоры взяли за моду жениться на представительницах мелких немецких княжеств. Иногда это приносило пользу для России. Об этом, например, свидетельствуют итоги царствования Екатерины II, до замужества принцессы Ангальт-Цербстской. Именно благодаря ей возник феномен «российских немцев», нашедших в России убежище от религиозных преследований в Германии. В ходе периодически возникавших на континенте военных конфликтов Россия и Пруссия почти никогда не сталкивались напрямую. В начале XIX в. русские армии освобождали Европу от диктатуры Наполеона Бонапарта рука об руку с прусскими и австрийскими войсками. Пруссия воздержалась от поддержки антироссийской Крымской авантюры, затеянной в 1853–1856 гг. Наполеоном III в связке с Англией. Недалёкий племянник корсиканца так и не смог понять, что отныне французское влияние на континенте прямо зависит от степени российской поддержки.

Крымская война на десятилетия отводила Россию от беспокойств по поводу французских или английских интересов. В 1870 г. изолированную Францию легко одолела Пруссия, учредившая Германский рейх с его заявкой на ведущую роль в Европе. Единая Германия разом опрокинула исторически сложившееся соотношение сил на континенте. На смену традиционному англо-французскому соперничеству пришла нарастающая германская гегемония. Проницательный В.О. Ключевский констатировал на заре прошлого столетия: «В конце XVIII и в начале XIX века в Европе не было народа более мирного, идиллического, философского и более пренебрегаемого соседями, чем немцы. А менее чем сто лет после появления Вертера и только одно поколение от Йены¹ этот народ едва не завоевал всей воинственной Франции, провозгласил право силы как принцип международных отношений и поставил под ружьё все народы континентальной Европы»². Неумолчный грохот маршевых барабанов кайзеровской армии оповестил мир, что существующие границы рейха «невыносимо тесны» для немцев и что их страдания, вызванные данным обстоятельством, настоятельно требуют немедленного включения в повестку дня европейской политики предоставления германской нации привилегированного «места под солнцем».

В обстановке предвоенной лихорадки прозвонил колокол по многовековой практике российско-германского сотрудничества в политической и экономической

¹ В 1806 г. в двойном сражении под Йеной и Ауэрштедтом французы наголову разгромили прусскую армию.

² Ключевский В.О. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 1. Курс русской истории, часть 1. М., 1987. С. 38.

сферах. На континенте немцы усматривали «новые территории» для экспансии в основном в составе России. Пересмотр европейских границ, как его представляли себе в Берлине, подразумевал в первую голову реанимацию «натиска на восток». Этим объясняется, в частности, тот парадоксальный факт, что в 1914 г. рейх объявил войну России, а не Франции, хотя отношения Берлина с Петербургом были почти родственными. Германию в очередной раз подвела неоправданно высокая самооценка.

Авантюрное решение вести войну на два фронта оказалось одной из главных причин, по которым немцы проиграли Первую мировую. Восточный фронт заставил немцев дробить свои силы. Западное направление оставалось для Берлина основным на протяжении всех военных лет, но в решающие моменты англо-французские войска получали самоотверженную поддержку со стороны своего восточного союзника и потому выдержали германский натиск. Сама же Россия не дождалась от Запада ответной помощи сопоставимой интенсивности и в 1917 г. оказалась вынужденной сложить оружие. Вслед за подписанием продиктованного Германией сепаратного Брестского мира в марте 1918 г. началось отторжение обширных российских территорий в пользу рейха и его вассалов.

По окончании военных действий на Западном фронте в ноябре 1918 г. немцы потеряли территориальные приращения на Востоке так же стремительно, как и приобрели их в период максимального ослабления российской центральной власти. Мало того, они уступили Польше часть Восточной Пруссии («польский коридор», обеспечивавший Варшаве прямой выход к Балтийскому морю). Послаблений немцы не дождались и после участия германских вооружённых формирований в организованном Антантой подавлении революционного брожения в Прибалтике. Подписанный в июне 1919 г. в Версале мирный договор с Германией входит в число самых тяжёлых для проигравшей стороны (своеобразной исторической справедливостью было то, что он во многом копировал логику Брестского диктата). Германские националисты и реваншисты ухватились за возможность опереться на недовольство населения рейха, испытывавшего вполне конкретные экономические лишения вследствие выплаты репараций. Политическое влияние в Германии тех, кто жаждал отомстить за поражение, быстро росло.

Советы же продолжали занимать особую позицию по отношению к Германии и после её капитуляции, надеясь на развитие там революционной ситуации. Москва осудила Версальскую мирную конференцию и отказалась одобрить её результаты. Она продолжала требовать справедливого мира без аннексий и контрибуций.

Капитуляция рейха не означала отказа от планов «восточного похода». Проект был лишь отложен до момента, когда германский военный потенциал будет восстановлен. Захват чужих территорий на востоке продолжал рассматриваться влиятельными немецкими политическими кругами как условие необходимой для процветания рейха германской гегемонии в Европе. В условиях кризиса, последовавшего за капитуляцией, оформилась и окрепла политическая организация, настроенная на территориальные захваты в Европе.

Адольф Гитлер и его национал-социалистская партия использовали гнев и отчаянье германского среднего класса для разжигания расовой и национальной ненави-

сти немцев по отношению к частям населения самой Германии, а также народам соседних стран (в первую голову к славянам). Делая ставку на страх буржуазной Европы перед социализмом, нацисты всеми доступными средствами внушали, что только вооружённая Германия способна прикрыть Запад от расползающейся из России «большевистской заразы». Антисоветизм стал основным инструментом освобождения немцев от «оков Версаля». Блок агрессоров, сколачиваемый Германией, Италией и Японией на базе Антикоминтерновского пакта, угрожал не только интересам СССР. Однако Запад самонадеянно считал, что ему удастся свести дело к взаимоуничтожению Советов и рейха в рамках прямого конфликта между ними.

Растущий международный вес Советского Союза обусловил склонность некоторых немецких политиков к использованию российского фактора в своих подковерных интригах. До назначения Гитлера рейхсканцлером в январе 1933 г. для части правивших в Берлине кругов центристского и правого толка оставался нечуждым расчёт добиться уступок Запада через угрозу сближения Германии с Красной Россией. Определённую достоверность подобному шантажу придавал реальный опыт сотрудничества кайзеровской Германии с Республикой Советов в течение краткого периода Брестского сепаратного мира, когда большевики приняли к исполнению все заявленные Берлином условия, даже самые неприемлемые. Западные политики стали воспринимать туманный призрак советско-германского альянса как провозвестник самых катастрофических последствий.

Подписанный в 1922 г. Москвой и Берлином Рапалльский договор смертельно напугал Запад, хотя содержание документа исчерпывалось формально взаимным отказом сторон от репараций и иных материальных претензий друг к другу (война, Версаль, революционные преобразования в России сильно усложнили положение в этой сфере). Проломив стену изоляции, которую Франция и Англия тщательно возводили не только вокруг Веймарской республики, но и вокруг Советской России, договор укрепил международные позиции обоих участников. Проникшие в мировую печать неподтверждённые сведения о негласно налаженной между рейхсвером и Красной Армией совместной работе в ряде военных областей, в которых Версаль запрещал Германии любую активность, ввергли Лондон и Париж в состояние паники¹. Тактика устрашения победителей перспективой дружбы с Москвой оказалась весьма удачной для Берлина – ревизия установленных Версальским договором ограничений началась практически сразу же после его подписания.

Антисоветский настрой ведущих держав Запада не менялся ни до, ни после прихода Гитлера к власти в Германии. По вине западных столиц полное прекращение Советским Союзом с 1933 г. военных (и вообще всяких) контактов с немцами не было использовано для своевременного создания антинацистского блока, на котором настаивала Москва. Интеллектуальное падение тогдашних европейских лидеров продемонстрировала их уверенность, что «в случае чего» роль неприступного восточного вала сможет сыграть диктаторская Польша, а от Советского Союза потребуется лишь «не мешать» полякам.

¹ Горлов С.А. Совершенно секретно. Москва – Берлин 1920–1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999. С. 321.

В итоге всей предшествовавшей закулисной политики в Европе Москва оказалась в августе 1939 г. перед судьбоносным выбором: практически немедленная война с Германией, готовой «прикончить» в кратчайшие сроки Польшу и гарантировать вермахту исходные позиции в опасной близости к Киеву (с последующей оккупацией Прибалтики для обеспечения выхода на ближние подступы к Ленинграду), или согласие на неожиданное предложение немцев о временном *modus vivendi* с германским «хищником», выпущенным Западом на волю. Трудное решение Москвы в пользу последнего варианта было вызвано вполне обоснованным убеждением в абсолютной ненадёжности каких-либо союзных обязательств Запада, даже если тот пойдёт на подписание соответствующих соглашений с СССР (что само по себе вызывало сильные сомнения).

Не оставалось иного выхода, кроме как рассчитывать только на собственные силы. Между тем в Москве сознавали, что неизбежная война с нацистской Германией станет для Советской России тяжелейшей битвой не на жизнь, а на смерть. Для достижения боевой готовности, которая соответствовала бы критической ситуации, требовалось время. Пакт о ненападении с Германией был не более чем попыткой оттянуть начало войны, отодвинув при этом на определённое расстояние линию будущего фронта от жизненно важных центров СССР. Ничего более эффективного построить не удалось.

Одновременно выяснилось, что Запад не смог договориться с немцами. Его упорные усилия убедить нацистов в «целесообразности» ограничить германскую экспансию исключительно территорией СССР провалились. К августу 1939 г. шансов предотвратить конфликт политическими интригами не осталось. Расплата Запада за годы бездействия и антисоветских настроений оказалась поистине эпической. Последовавшие события показали призрачность надежд на то, что «ссора» с Берлином ограничится малой кровью, после чего последует договорённость с агрессором на приемлемых для Запада условиях. Немцы вновь доказали, что если они и не очень приспособлены к миру, то воевать они умеют.

Советское руководство не сомневалось, что вермахт сможет осуществить свой план скоротечного разгрома Польши. Однако преобладало мнение, что Франция, чьи вооружённые силы прослыли мощным военным инструментом, сможет драться на равных. К тому же «линия Мажино» вдоль границы с Германией считалась неприступной. Вот почему оказался неожиданным для всех ошеломляющий темп германского блицкрига в 1939–1940 гг. Организованное сопротивление польской армии продолжалось чуть дольше двух недель; объединённые англо-французские вооружённые силы побежали почти сразу же после начала боёв (до этого более полугодом длилась «странная война», когда противники неподвижно стояли друг против друга на франко-германской границе); Франция капитулировала через неполные полтора месяца реальных военных действий.

Пора было переходить от бутафорской к настоящей битве за право жить. Однако оказалось, что для материковой Европы делать это было уже слишком поздно. За пределами нацистского господства оставались лишь островная Англия и социалистический Советский Союз. Что было потом, мы знаем. Через несколько лет страшных испытания, в мае 1945 г., Третий рейх под натиском Красной армии пал.

А через 45 лет именно Москва внесла основной вклад в то, что на карте Европы вновь появилась объединённая Германия. Правда, оценено это по достоинству Берлином так и не было.

* * *

Трагедия всей долгой совместной российско-германской истории заключается в том, что взаимная дополняемость сторон то и дело прерывалась конфликтами и войнами. Уже в постсоветское время у России, несмотря на все её искренние усилия, не получилось направить отношения с объединённой Германией в русло прочного стратегического сотрудничества. Членство Германии в НАТО, полувассальная зависимость от США, подспудный реваншизм части правящего класса не позволили это сделать. Но и сегодня у России и Германии в Европе нет более важных для их национальных интересов партнёров, чем они сами. Тем не менее состояние их взаимоотношений не только далеко от желаемого, но и грозит совсем рухнуть в пропасть. При этом не надо забывать, что весь предыдущий ход истории свидетельствует – если немецкие мечи покидали антирусские ножны, то на кону стояла судьба всего континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Максимычев И.Ф. (2019) Берлинский дневник (1989–1992 гг.). Из записок дипломата. РАН, Москва. 287 с.

Максимычев И.Ф. (2019) Возвращение национальной идеи. Европа между трёх океанов: монография. Под общей ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. ИЕ РАН, Москва; Нестор-История, Санкт-Петербург. С. 491–495.

Максимычев И.Ф. (2019) Присоединение. Закат Германской Демократической Республики. Часть первая. *Современная Европа*. № 5. С. 154–165.

Максимычев И.Ф. (2019) Присоединение. Закат Германской Демократической Республики. Часть вторая. *Современная Европа*. № 6. С. 198–209.

Максимычев И.Ф. (2019) Подлётное время. Дальнее эхо обрушения ГДР и контуры подступающих катастроф. Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка. (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко). ФГБУН Ин-т Европы Российской Академии Наук, Ин-т «Справедливый мир». Под ред. Н.Б. Кондратьевой и А.К. Никитина. ИЕ РАН. Ключ-С, Москва. С. 40–63.

Moscow and Berlin in a World Full of Crises. *Is there a Future for the Russian-German Tandem?*

I.F. Maksimychev*

Doctor of Sciences (Politics)

Chief Researcher at the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** ieras@mail.ru

Abstract. Russia and Germany have always had contradictory relationship throughout history. The periods of hatred were followed by the times of partnership. The article explores historical twists and turns of the bilateral relationship. Attention is paid to the complementary nature of two cultures, potential for harmonization of the coexistence. Mutual respect and understanding characterized most of the interactions throughout the years. The author analyzes the most significant events of the last 800 years, intents and policies that caused them starting with the Livonian campaign against Rus and up to the Second World War. Special attention is given to the XX century during which Germany and Russia were on different sides of the two largest military conflicts in history. The conclusion is drawn that the tragedy of the bilateral relationship is that mutual compatibility of the two countries and cultures was often disrupted by the contradictory interests of the foreign policy.

Key words: Russia, Germany, foreign policy, bilateral relationship, diplomacy.

DOI: 10.31857/S0201708322050138

EDN: gnkcaa

REFERENCES

- Maksimychev I.F. (2019) Berlinskij dnevnik (1989–1992 gg.). Iz zapisok diplomata [Berlin Diary (1989–1992). From the notes of a diplomat]. RAS, Moscow. 287 p. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Vozvrashchenie nacional'noj idei. Evropa mezhdru tryoh okeanov [The return of the national idea. Europe between three oceans]: monografiya. Pod obshchej red. A.I.A. Gromyko, V.P. Fyodorova. IE RAS, Moscow; Nestor-History, St. Petersburg, pp. 491–495. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Prisoedinenie. Zakat Germanskoj Demokraticeskoj Respubliki. Chast' pervaya [Joining. The decline of the German Democratic Republic. Part one]. *Sovremennaya Evropa*. No 5, pp. 154–165. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Prisoedinenie. Zakat Germanskoj Demokraticeskoj Respubliki. Chast' vtoraya [Joining. The decline of the German Democratic Republic. Part two]. *Sovremennaya Evropa*. No 6, pp. 198–209. (In Russian).
- Maksimychev I.F. (2019) Podlyotnoe vremya. Dal'nee ekho obrusheniya GDR i kontury podstupayushchih katastrof [Flight time. The distant echo of the collapse of the GDR and the contours of incoming disasters]. Social'no-politicheskie riski v usloviyah formirovaniya novogo mirovogo poryadka. (K 110-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Gromyko). FGBUN In-t Evropy Rossijskoj Akademii Nauk, In-t "Spravedlivyj mir". Pod red. N.B. Kondrat'evoj i A.K. Nikitina. IE RAS. Klyuch-S, Moscow, pp. 40–63. (In Russian).

УДК 325

ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ НА ПРИМЕРЕ ИТАЛИИ

© 2022 ШОГУНЦ Анна Вардановна*

*Ведущий консультант Департамента многостороннего
экономического сотрудничества и специальных проектов
Министерства экономического сотрудничества Российской Федерации
123112, Россия, Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2*

**E-mail: annashoghunts@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.05.2022

После доработки 02.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. В статье исследуется один из типов многоуровневого управления (горизонтальное) применительно к сфере управления миграцией в Европейском союзе на примере Италии. Статья базируется на рассмотрении трех ключевых кейсов: ситуативное (*ad hoc*) горизонтальное сотрудничество средиземноморских стран ЕС по спасению мигрантов на море, формирование общей позиции средиземноморских стран по вопросам миграции и убежища и взаимодействие между итальянскими регионами и городами. Сделан вывод, что горизонтальное сотрудничество на национальном уровне помогает отстаивать свои интересы средиземноморским странам, наиболее подверженным притоку мигрантов, но при этом мало способствует продвижению реформы миграции и убежища, обсуждаемой на наднациональном уровне. Одновременно в рамках исследования выявлено, что на субнациональном уровне в Италии горизонтальное сотрудничество регионов сосредоточено на приеме и интеграции мигрантов, а взаимодействие в рамках сетей способствует повышению статуса итальянских городов.

Ключевые слова: управление миграцией, Европейский союз, горизонтальное сотрудничество, Италия, MED5, Пакт ЕС о миграции и убежище, сети городов.

DOI: 10.31857/S020170832205014X

EDN: gnsfid

Миграционный кризис, пик которого пришелся на 2015–2016 гг., определил тему нелегальной миграции как одну из основ повестки дня Европейского союза на последующие годы, став серьезным вызовом как для национальных государств, так

и для ЕС в целом. Массовый приток ищущих убежище и мигрантов в приграничные страны Союза (прежде всего в Италию) не только способствовал дестабилизации европейской системы приема ищущих убежища, но и выявил противоречия как между различными уровнями управления (наднациональным, национальным и субнациональным), так и между государствами-членами ЕС в формировании и реализации политики в области миграции и убежища.

В целях исследования сотрудничества и противоречий между государствами ЕС в области миграции автор применяет концепцию многоуровневого управления (МУУ), разработанную в 1990-х гг. американскими учеными Г. Марксом и Л. Хуге. Концепция МУУ была призвана дать представление о политической деятельности, в которой участвуют многочисленные субъекты на различных политических уровнях, что особенно актуально для многоступенчатой институциональной структуры, выстроенной в Евросоюзе [Marks, 1993].

В более поздних исследованиях многоуровневое управление стало рассматриваться как метод регулирования, при котором происходит переход политической власти в менее иерархическую сетевую плоскость [Conzelman, 2008]. В данном контексте на первый план выходит горизонтальное сотрудничество, которое подразумевает взаимодействие акторов на одном уровне управления.

В 2000–2010-е гг. исследования МУУ сфокусировались на применении концепции на разных уровнях (местном, национальном, наднациональном; в контексте глобального управления), а также изучения взаимосвязей между ними [Bache, 2015]. Притом что в последнее время большинство работ по МУУ сосредоточено на конкретных страновых примерах политики миграции, все больше внимания уделяется регионам и городам [Zapata-Barrero et al., 2017], в частности роли итальянских провинций [Lorencka, 2020] и расширения влияния регионов и городов в выстраивании и реализации политики миграции и убежища [Caronio, 2022]. Более того, заметна тенденция по исследованию теоретиками МУУ связей между различными акторами в рамках одного уровня управления (горизонтальное сотрудничество) [Camptomori, Ambrosini, 2020], включая вопросы участия негосударственных акторов [Mende, 2021].

В данной статье автор стремится выявить особенности противодействия и взаимодействия уровней (вертикальное сотрудничество) и различных акторов в рамках одного уровня (горизонтальное сотрудничество), что дополняет и расширяет исследования российских ученых в сфере управления миграцией в ЕС.

MED5 и общая позиция в области политики миграции и убежища

Огромный приток ищущих убежище и нелегальных мигрантов в Европейский союз в период миграционного кризиса 2015–2016 гг. выявил целый ряд пробелов в системе предоставления убежища. В частности, лишь несколько стран вследствие своего географического положения оказались ответственными за рассмотрение подавляющего большинства заявлений об убежище. Памятуя об уроках кризиса, в сентябре 2020 г. Еврокомиссия представила проект Пакта ЕС о миграции и убежи-

ше, который включает ряд законодательных предложений, направленных на реформу различных аспектов политики миграции и убежища.

В ходе работы над реформой Комиссия попыталась найти компромисс между позициями средиземноморских стран и Вишеградской группой, не желающей брать на себя конкретные обязательства в виде квот по приему для проживания на своей территории ищущих убежища. Еще в 2016 г. в проекте реформы политики убежища Комиссия допустила альтернативные формы помощи, например, финансирование расселения мигрантов вместо их приема («гибкая» и «эффективная» солидарности) [Towards a sustainable., 2016]. Средиземноморские страны продолжали настаивать на обязательном приеме мигрантов всеми государствами-членами в качестве соблюдения принципа «европейской солидарности»¹.

В попытке выступить единым фронтом в области управления миграцией пять средиземноморских стран (Италия, Испания, Греция, Мальта и Кипр), наиболее пострадавшие от миграционного кризиса, в 2020 г. создали объединение Mediterranean 5 (MED5). Механизмом функционирования MED5 стали встречи министров внутренних дел каждые полгода, результаты которых отражаются в совместных заявлениях. Примечательно, что встречи глав МВД государства MED5 стараются проводить в преддверии заседаний Совета ЕС по вопросам юстиции и внутренних дел или саммитов ЕС, чтобы заранее координировать общую позицию по вопросам миграционной политики и отстаивать ее на общеевропейских встречах.

В апреле 2020 г. в Афинах на первой встрече MED5 участники призвали другие государства ЕС разделить миграционное бремя. По итогам первого заседания группы пять стран также обратились к Комиссии с просьбой включить в проект Пакта ЕС о миграции и убежище положения об обязательном механизме распределения просителей убежища на случай возникновения чрезвычайного миграционного давления на одну из стран-членов². Такой механизм был предложен позднее в рамках Пакта, но аналогичную систему переселения ищущих убежища после спасения на море большинство партнеров группы MED5 по ЕС отвергло.

Ситуативное сотрудничество государств-членов в области миграции и убежища

Принципы горизонтального сотрудничества между средиземноморскими странами были заложены еще в период миграционного кризиса в ЕС на основе конкретных ситуаций приема спасенных на море мигрантов. Главным действующим лицом в этих ситуациях по большей части стала Италия, хотя ее партнеры менялись от случая к случаю.

Италия стала одной из немногих стран ЕС, проявивших инициативу в спасении мигрантов на море в период кризиса. В 2013–2014 гг. силами итальянской береговой охраны, осуществлявшей патрулирование европейских границ в Средиземном море, проводилась операция *Mare Nostrum*. Спустя год после начала операции, Италия запросила дополнительное финансирование у партнеров по ЕС (операция

¹ Europe Daily Bulletin 12609. 26.11.2020.

² Europe Daily Bulletin 12468. 17.04.2020.

обходилась итальянскому правительству в 9 млн евро ежемесячно), но не получила отклика. В результате операция была свернута.

Вместе с тем в конце 2014 г. в рамках многосторонних усилий ЕС по контролю за границами агентство Фронтекс совместно с государствами-членами ЕС начало операцию «Тритон», в которой принимали участие уже 26 государств, правда, без формального участия Италии¹. Несмотря на то что зона действия операции «Тритон» охватывала итальянские территориальные воды, само государство только осуществляло административную координацию действий агентства Фронтекс. По оценке УВКБ ООН, результаты «Тритон» (несмотря на более широкое участие) нельзя сравнить с результатами итальянской операции, чей бюджет и поисково-спасательный потенциал были гораздо значительнее².

В июне 2018 г. возникла спорная ситуация вокруг корабля *Aquarius*, спасшего 630 нелегальных мигрантов и получившего отказ от итальянского правительства открыть порты для их высадки. После долгих споров между странами ЕС мигрантов приняла Испания, позднее они были распределены по договоренности между семью странами ЕС.

Важным событием в рамках горизонтального сотрудничества в ЕС в области управления миграцией стала неформальная встреча в сентябре 2019 г. министров внутренних дел четырех стран – Италии, Мальты, Франции и Германии – при участии представителей Еврокомиссии и Финляндии (страны-председателя в Совете ЕС) на Мальте после того, как в очередной раз в Средиземном море сотни спасенных мигрантов не смогли сойти на берег ЕС. Италия сыграла ключевую роль сначала в обострении, а затем и в разрешении данного кризиса. В 2019 г. министр внутренних дел Италии Маттео Сальвини инициировал принятие закона о закрытии портов для судов неправительственных организаций, которые спасали мигрантов в Средиземном море [Алексеевкова, 2019]. Однако впоследствии смена политической власти в середине 2019 г. в Италии и приход более проевропейской коалиции, а также отмена соответствующего закона, позволили странам достичь компромисса.

По итогам встречи в сентябре 2019 г. была принята Мальтийская декларация, установившая процедуры приема спасенных в Средиземном море ищущих убежища и сроки их переселения. Участие в декларации носило добровольный и временный характер для стран-членов ЕС, позволяя обойти принятый в разгар миграционного кризиса и вызвавший большие разногласия план по введению обязательной квоты по приёму ищущих убежища.

ЕС позиционировал принятую систему и согласие на нее Италии и Мальты как прорыв в сотрудничестве в области управления миграцией. В то же время необхо-

¹ Joint Operation Triton (Italy) // Frontex [Official site]. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/focus/joint-operation-triton-italy--ekKaes> (дата обращения: 01.08.2022)

² UNHCR urges Europe to recreate a robust search and rescue operation on Mediterranean, as Operation Triton lacks resources and mandate needed for saving lives // UNHCR [Official site]. URL: <https://www.unhcr.org/news/press/2015/2/54dc80f89/unhcr-urges-europe-recreate-robust-search-rescue-operation-mediterranean.html?query=operation%20triton> (дата обращения: 01.08.2022)

димо понимать, что переселение касалось только беженцев, то есть тех, чье право на убежище было подтверждено, а их среди общей массы мигрантов было менее 10 тысяч¹. Кроме того, ключевые средиземноморские страны – Греция, Испания и Кипр – отказались присоединиться к декларации.

Таким образом, Мальтийская декларация не обеспечила странам-участницам эффективного механизма переселения, на который была рассчитана, именно из-за противоречий между государствами-членами ЕС, хотя и ослабила в краткосрочной перспективе кризис, вызванный вопросом приема и расселения мигрантов, спасенных в море [Carrera, Cortinovia, 2019].

В июне 2022 г. на заседании Совета ЕС по вопросам юстиции и внутренних дел MED5 пришли к политическому согласию с другими странами ЕС и Еврокомиссией о временном механизме солидарности, который, однако, юридически не оформлен и будет действовать один год на добровольной основе. Страны-добровольцы возьмут обязательство принять наиболее уязвимых просителей убежища на основе размера своего ВВП и численности населения, а также выбрать в качестве альтернативы финансирование переселения вместо фактического приема.

В настоящее время временный механизм солидарности одобрен 21 государством, включая 9 стран-участниц Мальтийской декларации, другие страны ЕС также могут к нему присоединиться².

Данный механизм добровольной временной солидарности гораздо более репрезентативен с точки зрения участвующих стран, чем Мальтийская декларация. В то же время он основан именно на добровольной помощи испытывающим миграционное давление странам, что означает победу концепции «гибкой солидарности» над обязательными квотами по расселению.

Роль Италии и MED5 в горизонтальном сотрудничестве по вопросу принятия Пакта ЕС о миграции и убежище

Приграничные страны MED5 вынуждены отстаивать свои особые интересы перед Еврокомиссией и другими партнерами по ЕС, при этом происходит переход от ситуативного сотрудничества к формированию общей позиции по вопросам миграции и убежища.

Наиболее последовательно в последние два года общая позиция группы проявляется при обсуждении законодательных инициатив, предложенных Еврокомиссией в рамках Пакта о миграции и убежище. По мнению MED5, Пакт о миграции и убежище дает недостаточно гарантий помощи средиземноморским странам в случае очередного миграционного наплыва, а некоторые его положения в принципе неприемлемы для Италии и других стран MED5.

¹ 4-country deal points to shift in EU migration policy // Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/leaked-document-shift-eu-migration-policy/> (дата обращения: 15.06.2022)

² Europe Daile Bulletin 12977. 23.06.22.

В частности, страны «пятерки» считают обременительными ряд обязательств, указанных в проекте Регламента о предварительных проверках на внешних границах, который является одним из ключевых и наиболее спорных документов в рамках Пакта о миграции и убежище [Рыбаков, 2021]. В соответствии с ним приграничным странам придется ввести более строгие процедуры идентификации и медицинского контроля ищущих убежища еще до их въезда на территорию стран ЕС, чтобы государство могло оперативно принять решение о (не) предоставлении убежища претенденту. Кроме того, Италия, Греция и Мальта хорошо понимают, что предварительные проверки ищущих убежища на границе потребуют создания новых «больших закрытых центров», против чего эти страны категорически выступают¹.

Для регулирования миграционных потоков в июне 2022 г. Италия выдвинула идею новой европейской миграционной политики, согласно которой страны «пятерки» будут стремиться достичь «компромисса между ответственностью и солидарностью» в рамках ЕС². Очевидно, по мере принятия регламентов в рамках Пакта южные страны стараются «увязывать» положения об обязательных формах солидарности при приеме и расселении ищущих убежища с созданием новых механизмов, вроде предварительных проверок, и принятием некоторых документов технического характера (например, регламента о «Евродак»). Сама идея не является принципиально новой, так как именно такую позицию страны MED5 последовательно отстаивают с 2020 г. Тем не менее предложение Италии демонстрирует ее желание проявить инициативу в группе и придать большую значимость своим предложениям в области реформы миграции и убежища с помощью сотрудничества с другими средиземноморскими странами.

Относительно расширения полномочий «Евродак» – базы данных отпечатков пальцев ЕС для идентификации ищущих убежища и лиц, незаконно пересекающих границу, у MED5 также возникли сомнения³. Средиземноморские страны ЕС считают, что Регламент о «Евродак» уже должен включать механизмы распределения ответственности за спасение мигрантов на море, спонсорство их возвращения и переселения, чего в текущей версии документа нет и против чего активно выступает ряд других государств ЕС, например, Франция и Германия.

Основное недовольство MED5 относительно Регламента об Агентстве ЕС по предоставлению убежища (функционирует с 2022 г.) вызывал не сам документ, а отсутствие в нем отсылок на другие регламенты Пакта, что демонстрирует приверженность группы осуществлению «пакетной» реформы миграции и убежища, то есть одновременному согласованию всех регламентов в рамках Пакта о миграции и убежище. Тем не менее в 2021 г. страны MED5 согласились принять оперативную и тех-

¹ Europe Daily Bulletin 12609. 26.11.2020.

² Italian minister raises idea of new European migration policy // Euractiv. URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/italian-minister-raises-idea-of-new-european-migration-policy/ (дата обращения: 03.07.2022)

³ Identification of applicants (EURODAC) // European Commission [Official site]. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/asylum/identification-of-applicants_en (дата обращения: 18.06.2022)

ническую часть регламента, однако добились, чтобы несколько его статей вступили в силу только после достижения общего согласия по Регламенту об управлении убежищем и миграцией (заменяет Дублинский регламент) или к 2024 году.

В итоге в июне 2022 г. на заседании Совета ЕС по вопросам юстиции и внутренних дел MED5 принципиально одобрила принятие государствами-членами ЕС Регламентов о «Евродак» и о проверках на границе. Относительно второго документа, например, позиция MED5 привела к расширению опций для приграничных государств-членов в отношении мест, где может осуществляться процедура проверки.

Взаимодействие в рамках MED5 происходит в рамках горизонтального уровня на межправительственной основе, постепенно переходя от ситуативного сотрудничества к общей позиции на европейском уровне. При этом оно носит характер политического партнерства и никак не оформлено юридически, что позволяет сделать вывод о том, что «пятерка» стран выстраивает свое видение миграционной политики в русле линии Еврокомиссии и не планирует создавать новые, отдельные от ЕС, правовые рамки сотрудничества. В данном случае горизонтальное сотрудничество оказывает влияние на управление миграцией двумя способами: с одной стороны, оно усиливает противоречия между «пятеркой» стран и другими членами ЕС и не помогает продвижению реформы миграции и убежища, с другой стороны, способность стран с общими интересами договариваться помогает находить выход из чрезвычайных ситуаций, когда в рамках наднационального уровня невозможно добиться разделения ответственности между государствами-членами.

Горизонтальное сотрудничество на субнациональном уровне в Италии

Другим аспектом горизонтального сотрудничества в области миграции и убежища является взаимодействие акторов в рамках субнационального уровня управления, регионального и местного. Большой приток ищущих убежища в Италию вызвал необходимость принятия закона № 142/2015 для устранения диспропорции по расселению лиц, ищущих убежища, по территории страны (до 2014 г. 70% размещались в трех южных регионах – Сицилии, Апулии и Калабрии). Для достижения данной цели была разработана система из двух этапов: сначала прием в правительственных центрах, затем интеграция на местах (SPRAR)¹ [Campomori, Ambrosini, 2020].

Региональные органы власти играют важную роль, создавая на добровольной основе на своей территории центры приема в сотрудничестве с НПО и ассоциациями мигрантов. Власти Сицилии, Апулии, Калабрии и Кампании первыми присоединились к сети SPRAR, увидев в приеме мигрантов возможности для развития местной экономики, особенно в небольших коммунах и отдаленных районах, где высок риск депопуляции.

¹ Sistema di protezione per richiedenti asilo e rifugiati (SPRAR) – система защиты лиц, ищущих убежища, и беженцев, состоявшая из правительственных центров приема. Составляла вторую ступень приема ищущих убежища в Италии, управлялась МВД Италии. В задачи системы входило руководство проектами по приему, оказанию помощи и интеграции ищущих убежища на местном уровне.

Кроме того, итальянские регионы играют значимую роль в реализации проектов по трудоустройству и интеграции мигрантов. Например, пять южных областей – Апулия, Базиликата, Калабрия, Кампания и Сицилия – реализуют трехлетний проект *Su.Pr.Eme.Italia*, финансируемый из европейского Фонда убежища, миграции и интеграции (22 млн евро). Целевой аудиторией проекта стали 20 тысяч сезонных рабочих – мигрантов, занятых в сельскохозяйственном секторе¹.

Коммуны обладают большей компетенцией именно в области интеграции мигрантов². Они могут инициировать языковые и культурные программы, планы по обучению и трудоустройству мигрантов, направленные на большую вовлеченность их в принимающее сообщество. При этом города стремятся играть большую роль в разработке и реализации миграционной политики. Комитет регионов ЕС в 2021 г. опубликовал исследование общественного мнения, согласно которому политика приема и предоставления убежища должна разрабатываться при консультации с местными и региональными органами власти, для чего необходимо облегчить их доступ к фондам. Муниципалитеты, участвующие в программе переселения ЕС или разрабатывающие свои собственные проекты по интеграции, должны иметь возможность получать прямое финансирование из фондов ЕС³.

В ходе обсуждения проекта Пакта о миграции и убежище заметен запрос на предоставление муниципалитетам прямого доступа к финансированию ЕС для реализации политики по приему и интеграции мигрантов. Роль регионов и городов в формировании общеевропейской политики в области миграции и убежища часто недооценивается, а компетенции не так велики, как у национального правительства, однако на практике они могут в большей степени влиять на управление миграцией, не говоря уже об интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Депутаты Европарламента подчеркивают необходимость установления новых правил, которые позволили бы городам участвовать в разработке национальных стратегий миграции и в планировании квот по приему мигрантов⁴.

Примером горизонтального взаимодействия на местном уровне можно считать Рабочую группу по миграции и интеграции сети городов *Eurocities*, которая объединяет 190 крупнейших городов Европы, включая 15 итальянских. Председателем сети стал мэр Флоренции Дарио Нарделла, что говорит о заинтересованности итальянских городов в горизонтальном сотрудничестве как минимум для повышения престижа и статуса в национальной и международной иерархии городов.

¹ Progetto “PIU” – SU.PR.EME”. Programma operativo nazionale “Inclusione” FSE 2014-2020 // Regione Calabria [Official site]. URL: <https://www.regione.calabria.it/website/portalmedia/2021-02/AVVISO-CO-PROGETTAZIONE-PIU-SUPREME.pdf> (дата обращения: 16.03.2022)

² Testo del decreto-legge 21 ottobre 2020, n. 130, Art. 5 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 2020. № 314. p. 96.

³ European annual regional and local barometer // European Committee of the Regions [Official site]. URL: <https://cor.europa.eu/en/our-work/Documents/barometer-fullreport%20web.pdf> (дата обращения: 18.03.2022)

⁴ Opinion factsheet. New Pact on Migration and Asylum // European Committee of the Regions [Official site]. URL: <https://bit.ly/3jISZUm> (дата обращения: 18.03.2022)

В рамках взаимодействия по линии *Eurocities* наиболее активную роль играет один из городов-основателей сети – Милан. Стратегия участия Милана в проектах *Eurocities* принесла определенные плоды с точки зрения доступа местных властей к европейским источникам финансирования. Политическое присутствие итальянских городов в транснациональной сети позволяет им лоббировать общие интересы на наднациональном уровне [Квашнин, 2020].

Другим объединением городов является программа «Межкультурные города» (*Intercultural Cities*), основанная в 2018 г. и объединяющее более 140 городов по всему миру, в том числе, 28 итальянских. Сеть межкультурных городов структурирована как «обучающееся сообщество», целью которого объявлено оказание помощи местным органам власти в разработке совместных проектов и обмену лучшими практиками¹. Турин присоединился к программе «Межкультурные города», продвигая в качестве передовой практики межкультурной политики комплексный городской проект «*The Gate*», направленный, в том числе, на разрешение конфликтов, привнесенных в общество с прибытием мигрантов².

Итальянские регионы и города активно сотрудничают в области приема и интеграции мигрантов. Однако, если регионы сосредоточены больше на приеме и расселении ищущих убежища на территории страны, то города предпочитают сотрудничество в рамках транснациональных сетей. Каждая сеть способствует повышению имиджа на европейском уровне и эффективности городов в разных сферах, например, в области культурной интеграции мигрантов [Caronio, 2019]. Города и регионы заинтересованы в обмене опытом и повышении своего потенциала по интеграции мигрантов, а также выступают за расширение своих функций в области реализации миграционной политики и финансирования проектов, реализуемых на субнациональном уровне.

Выводы

Горизонтальное взаимодействие Италии и других средиземноморских стран осуществляется часто ситуативно, что выражается в общей реакции и попытках урегулировать конкретные проблемы, связанные с притоком мигрантов (как правило, спорные ситуации в связи с спасением мигрантов в Средиземном море).

Тем не менее происходит постепенная эволюция сотрудничества MED5 от *ad hoc* партнерства к отстаиванию общей позиции в рамках ЕС. «Пятерка» регулярно выступает единым фронтом при обсуждении проблем в области миграции и убежища, в частности, при рассмотрении инициатив в рамках Пакта о миграции и убежище, когда внутренние противоречия между государствами-членами Союза не позволяют в полной мере реализовать потенциал реформы системы миграции и убежища.

Средиземноморские страны ЕС во главе с Италией используют неформальное объединение MED5 в качестве платформы для выражения собственной позиции по различным вопросам в области управления миграцией. Горизонтальное сотрудни-

¹ Intercultural Cities Annual report 2016 // Council of Europe [Official site]. URL: <https://rm.coe.int/16806c9674> (дата обращения: 28.04.2021)

² Progetto The Gate // Comune Torino [Official site]. URL: <http://www.comune.torino.it/portapalazzo/ambienti/sociale/> (дата обращения: 16.03.2022)

чество на национальном уровне позволяет эффективно решать вопросы в случае отсутствия результатов на наднациональном уровне, примером чему может служить принятие Мальтийской декларации и добровольного временного механизма солидарности по распределению спасенных на море мигрантов.

Горизонтальное сотрудничество стран ЕС на национальном уровне имеет серьезные перспективы по давлению на Еврокомиссию в области реализации политики по управлению миграцией и убежищем, в частности, на дальнейшее продвижение реформы в области миграции и убежища. Особенность подобного сотрудничества в том, что оно, скорее, вынуждено и направлено не на отказ от общей политики в области миграции и убежища, а на предложение новых идей для ее реформирования и эффективного функционирования.

Горизонтальное сотрудничество успешнее на субнациональном уровне. Регионы Италии стремятся участвовать в национальной системе приема, создавая центры для ищущих убежища на своей территории и реализуя специальные программы по интеграции мигрантов. Большое количество столичных городов в Италии стали членами сетей городов. Некоторые крупные города, например Милан и Турин, целенаправленно используют миграцию и инициативы по интеграции мигрантов как ресурс для повышения своего престижа на европейской арене и получения доступа к фондам ЕС и влияния на национальном уровне.

Вместе с тем взаимодействие местного и наднационального уровней управления в области миграции создает перспективы для городов по расширению полномочий и увеличению роли в управлении миграционной политикой, в том числе преодолевая национальные барьеры местных инициатив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Е.А. (2019) Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 1. С. 36–42. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120193642>

Квашнин Ю.Д. (2020) Европейские города как акторы миграционной политики. *Современная Европа*. № 7 (100). С. 101–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020101112>

Потемкина О.Ю. (2020) Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе. *Современная Европа*. № 2. С. 100–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110>

Потемкина О.Ю. (2019) После кризиса: «новый старт» миграционной политики ЕС. *Современная Европа*. № 6. С. 18–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829>

Рыбаков А.В. (2021) Пакт о миграции и убежище как основа формирования новой миграционной политики Европейского союза. *Право и политика*. № 10. С. 70–82.

Bache I., Flinders M. (2015) *Multi-level Governance: Essential Readings*. Edward Elgar Publishing. 1520 p.

Campomori F., Ambrosini M. (2020) Multilevel governance in trouble: the implementation of asylum seekers' reception in Italy as a battleground. *Comparative Migration Studies*. No 8:22, pp. 1–19.

Caponio T. (2018) Researching Multilevel Governance: A Local Government Perspective. *Journal of Public Administration Research and Theory*, pp.1–3.

Caponio T. (2019) City Networks and the Multilevel governance of migration. Policy discourses and actions. EUI Working Paper RSCAS 2019/08. Robert Schuman Centre for Advanced Studies Migration Policy Centre. 27 p.

Caponio T. (2022) City Networks in Multilevel Policymaking on Migration. A Least-Likely Case for MLG? Making Sense of the Multilevel Governance of Migration, pp. 47–81.

Carrera S., Cortinovis R. (2019) The Malta declaration on SAR and relocation: A predictable EU solidarity mechanism? CEPS Policy Insights. No 14, pp. 1–7.

Conzelmann T. (2008) Towards a new concept of multi-level governance? European Committee of the Regions, pp. 31–40.

Lorencka M. (2020) The Province in Italy as the Weakest Link in the Multilevel Governance. *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*. No 5 (57), pp. 365–378.

Marks G. (1993) Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC. The State of the European Community. The Maastricht Debates and Beyond (ed. by A. Cafruny, G. Rosenthal). Boulder, CO: Lynne Rienner. Vol. 2, pp. 391–411.

Mende J. (2021) Private Actors, NGOs and Civil Society in Multilevel Governance. A Research Agenda for Multilevel Governance (ed. by Benz, Broschek, Lederer). Edward Elgar, pp. 171–189.

Public Statement from European Cities on Vulnerable Children in the refugee situation in Greece. Politico. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2020/04/City-Letter-on-refugee-children-relocation-April-2020.pdf> (дата обращения: 30.07.2022)

Towards a sustainable and fair Common European Asylum System. European Commission [Official site]. URL [http://europa.eu/rapid/press-release_\(дата обращения: 06.07.2022](http://europa.eu/rapid/press-release_(дата обращения: 06.07.2022)

Zapata-Barrero R. et al. (2017) Theorizing the ‘local turn’ in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies. *International Review of Administrative Sciences*. No 83 (2), pp. 241–246.

Horizontal Migration Governance in the European Union: Case of Italy

A.V. Shogunts*

*Lead Consultant, Department of Multilateral Economic Cooperation
and Special Projects, Ministry of Economic Development of the Russian Federation
10-2, Presnenskaya embankment, Moscow, Russia, 123112*

**E-mail: annashoghunts@mail.ru*

Abstract. The article analyses one of the types of multilevel governance (horizontal) in the sphere of migration and asylum management in the European Union on the case of Italy. The article focuses on the cooperation between Italy and other EU member states (national level), as well as interaction between regions and cities (subnational level). The paper is based on three case-studies: *ad hoc* horizontal cooperation between Italy and other Mediterranean countries on the resettlement of migrants rescued at sea; promotion of the common position of Mediterranean countries of the EU regarding migration and asylum policy, and interaction between Italian regions and cities. The author concludes that horizontal cooperation in the sphere of migration at the national level helps to promote the interests of a group of Mediterranean European countries, most affected by the flows of illegal migrants, but simultaneously contributes poorly to encouraging the common European migration and asylum reform promoted at the supranational level by the European Commission. However, the study reveals that at the subnational level in Italy horizontal cooperation between regions has focused on migrants’ reception and integration, while interaction within city networks contributes to raising the status and role of Italian cities and the quality of cities’ programmes for the implementation of migration policy.

Key words: migration management, European Union, horizontal governance, Italy, MED 5, EU Pact on Migration and Asylum, city networks.

DOI: 10.31857/S020170832205014X

EDN: gnsfid

REFERENCES

- Alekseenkova E.A. (2019) Italiya i Franciya: konflikt po voprosu budushchego ES [Italy and France: Conflict over the future of the EU]. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. No 1, pp. 36–42. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120193642> (In Russian).
- Bache I., Flinders M. (2015) *Multi-level Governance: Essential Readings*. Edward Elgar Publishing, 1520 p.
- Campomori F., Ambrosini M. (2020) Multilevel governance in trouble: the implementation of asylum seekers' reception in Italy as a battleground. *Comparative Migration Studies*. No 8:22, pp. 1–19.
- Caponio T. (2018) Researching Multilevel Governance: A Local Government Perspective. *Journal of Public Administration Research and Theory*, pp.1–3.
- Caponio T. (2019) City Networks and the Multilevel governance of migration. Policy discourses and actions. EUI Working Paper RSCAS 2019/08. Robert Schuman Centre for Advanced Studies Migration Policy Centre. 27 p.
- Caponio T. (2022) City Networks in Multilevel Policymaking on Migration. A Least-Likely Case for MLG? Making Sense of the Multilevel Governance of Migration, pp. 47–81.
- Carrera S., Cortinovis R. (2019) The Malta declaration on SAR and relocation: A predictable EU solidarity mechanism? CEPS Policy Insights. No 14, pp. 1–7.
- Conzelmann T. (2008) Towards a new concept of multi-level governance? European Committee of the Regions, pp. 31–40.
- Kvashnin YU.D. (2020) Evropejskie goroda kak aktory migracionnoj politiki [European cities as factors of migration policy]. *Sovremennaya Evropa*. No 7 (100), pp. 101–112. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72020101112> (In Russian).
- Lorencka M. (2020) The Province in Italy as the Weakest Link in the Multilevel Governance. *Przeglad Prawa Konstytucyjnego*. No 5 (57), pp. 365–378.
- Marks G. (1993) Structural Policy and Multi-Level Governance in the EC. The State of the European Community. The Maastricht Debates and Beyond (ed. by A. Cafruny, G. Rosenthal). Boulder, CO: Lynne Rienner. Vol. 2, pp. 391–411.
- Mende J. (2021) Private Actors, NGOs and Civil Society in Multilevel Governance. A Research Agenda for Multilevel Governance (ed. by Benz, Broschek, Lederer). Edward Elgar, pp. 171–189.
- Potemkina O.Yu. (2020) Mnogourovnevoe upravlenie migraciej v Evropejskom soyuze [Multilevel migration management in the European Union]. *Sovremennaya Evropa*. No 2, pp. 100–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110> (In Russian).
- Potemkina O.Yu. (2019) Posle krizisa: «novyj start» migracionnoj politiki ES [After the crisis: a "new start" of the EU migration policy]. *Sovremennaya Evropa*. No 6, pp. 18–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620191829> (In Russian).
- Rybakov A.V. (2021) Pakt o migracii i ubezshishche kak osnova formirovaniya novoj migracionnoj politiki Evropejskogo soyuza [The Migration and Asylum Pact as the basis for the formation of a new migration policy of the European Union]. *Pravo i politika*. No 10, pp. 70–82. (In Russian).
- Public Statement from European Cities on Vulnerable Children in the refugee situation in Greece. Politico. URL: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2020/04/City-Letter-on-refugee-children-relocation-April-2020.pdf> (дата обращения: 30.07.2022)
- Towards a sustainable and fair Common European Asylum System. European Commission [Official site]. URL [http://europa.eu/rapid/press-release_\(дата обращения: 06.07.2022\)](http://europa.eu/rapid/press-release_(дата обращения: 06.07.2022))
- Zapata-Barrero R. et al. (2017) Theorizing the 'local turn' in a multi-level governance framework of analysis: a case study in immigrant policies. *International Review of Administrative Sciences*. No 83 (2), pp. 241–246.

УДК 329.63

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ТРЕТЬИХ И МАЛЫХ ПАРТИЙ В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БРИТАНИИ В 2010-2022 ГГ.

© 2022 НАЗРУК Татьяна Валерьевна*

*аспирант, Аспирантская школа по международным отношениям
и зарубежным региональным исследованиям, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
E-mail: nazaruct@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2022

После доработки 29.05.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Аннотация. За последнее десятилетие в общественно-политической жизни Британии произошел ряд событий, которые вылились в глубокий и продолжающийся до сих пор общественно-политический кризис. За это время в стране четыре раза прошли всеобщие парламентские выборы, причем дважды – досрочно. Однако главным вопросом, разделившим как общество, так и политические элиты, стал брекзит. Основная борьба традиционно происходила между тори и лейбористами. Однако на фоне турбулентности в политической жизни страны также менялась роль третьих и малых партий, которые до недавнего времени часто оставались за скобками анализа британской политики. В статье исследованы факторы и особенности трансформации их роли в партийно-политической системе Британии в 2010–2022 гг. В первую очередь, внимание уделено причинам и последствиям формирования коалиционного правительства Консервативной партии и Партии либеральных демократов в 2010 г., а также влиянию выхода из ЕС на положение и политику третьих и малых партий в стране. Исследование ограничено анализом роли Партии либеральных демократов, Партии независимости Соединенного Королевства, Шотландской национальной партии и Демократической юнионистской партии. Главный вывод статьи состоит в том, что роль третьих и малых партий в партийной системе Британии в рассматриваемый период постоянно менялась. Вначале она росла, эпизодически оказывая существенное влияние на политику, но с 2015 г. в политической жизни снова доминируют консерваторы. Несмотря на противоречия внутри партии, говорить о смене этой тенденции пока преждевременно.

Ключевые слова: партийная система Британии, коалиционное правительство, брекзит, кризис двухпартийности, третьи и малые партии.

DOI: 10.31857/S0201708322050151

EDN: gnwiye

Двухпартийная система, исторически сформировавшаяся в Британии, имеет ряд неоспоримых преимуществ. Она обеспечивает относительную политическую стабильность и высокую степень управляемости, служит надежным барьером на пути к власти радикальных группировок крайне правого или левого спектра, создает условия для предсказуемой политической деятельности. Как следствие, британский бипартизм стал примером для подражания во многих странах мира.

Вместе с тем следует иметь в виду, что эта система постоянно эволюционирует под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов. Важным индикатором состояния двухпартийной системы является изменение места и роли в ней третьих и малых партий. В истории Соединенного Королевства можно отметить несколько кризисных этапов, на которых они пытались предложить альтернативу стратегиям двух ведущих политических сил страны, ставя под сомнение их способность изменить ситуацию к лучшему. Так, во время Великой депрессии 1929–1933 гг. аристократ и политический деятель О. Мосли, занимавший министерский пост в лейбористском Кабинете Р. Макдональда, не только предложил свой план борьбы с экономическим кризисом, но и создал сначала политическое объединение «Новая партия», а позже Британский союз фашистов.

В 1970-х гг. на фоне затяжного экономического кризиса, превратившего Британию в «больного человека Европы», снова наметилась тенденция к усилению роли третьих и малых сил, что ярко проявилось на всеобщих выборах 1983 г. По их итогам альянс Социал-демократической партии и Либеральной партии получил больше 7 млн голосов избирателей (всего на 676 тыс. голосов меньше, чем Лейбористская партия Британии (ЛПВ))¹. В связи с этим в научных и экспертных кругах получила популярность концепция о переходе Британии к системе «двух с половиной партий».

В период с 2010 по 2022 гг. можно выделить три фактора, оказавших серьезное влияние на британскую партийную систему: экономический кризис 2008–2011 гг., брекзит и пандемия COVID-19. Третьи малые партии вновь оказались востребованы, причем не только с точки зрения предоставления альтернативных стратегий в условиях кризиса, но и как инструмент оппозиционного давления на ведущие политические силы страны.

Успех Партии либеральных демократов и формирование коалиционного правительства

По итогам всеобщих парламентских выборов 2010 г. Партия либеральных демократов (ПЛД) совершила впечатляющий прорыв, проведя в Палату общин 57 депутатов². Консерваторы, получившие 306 мест из 650, для формирования правительства были вынуждены договариваться с либеральными демократами о создании коалиции. Сложилась ситуация, выходящая за рамки привычного политическо-

¹ 1983 General election results summary. URL: <https://www.ukpolitical.info/1983.htm> (дата обращения: 16.08.2022)

² UK Election Statistics: 1918-2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 02.07.2022)

го процесса в Британии. В последний раз коалиционное правительство формировалось в 1945 г., тогда военный Кабинет оказался крайне непрочным и просуществовал всего два месяца. Коалиционное правительство Кэмерона-Клегга продержалось весь пятилетний срок полномочий парламента. Неслучайно в этот период вновь стала популярной возникшая в конце XX в. идея о формировании «двухсполовинной» партийной системы.

ПЛД шла на выборы 2010 г. с программой, в которой одним из главных обещаний была налоговая реформа, которая должна была «вернуть деньги обратно в карманы» граждан¹. Программа консерваторов была в этом смысле больше ориентирована на предпринимателей и менее «социально ориентированной»: тори, прежде всего, обещали снизить корпоративный налог, что отражало ориентацию партии, скорее, на представителей крупного бизнеса². Важно также отметить, что выборы проходили на фоне экономического кризиса 2008–2011 гг. ВВП Британии в 2009 г. упал почти на 10%, сократились темпы роста производства, выросла безработица³. Население устало от кризиса и финансовых трудностей, что создавало в обществе запрос на государственную помощь. Это позволило ПЛД заручиться большой поддержкой избирателей. Отметим, что проведение налоговой реформы, в рамках которой планировалось не облагать налогом первые 10 тыс. ф. ст. дохода, стало единственным обещанием в блоке «экономика», которое ПЛД удалось полностью реализовать в рамках коалиции с тори⁴.

В связи с формированием коалиционного правительства по итогам всеобщих выборов 2010 г. эксперты прогнозировали усиление процесса эрозии двухпартийности в стране. Профессор Эссекского университета Д. Сандерс называл установившуюся тогда партийную систему «несбалансированным многопартизмом», причиной которого стало растущее разочарование населения в лейбористах и консерваторах [Sanders, 2016: 107]. Однако всеобщие парламентские выборы 2015 г. стали для либеральных демократов провалом. Партия получила 7,9% голосов избирателей и всего 8 мест в Палате общин (для сравнения: в 2010 г. ПЛД заняла в ней 57 мест)⁵.

Таким образом, ослабление позиций основных партий не стало долгосрочной тенденцией. Ал. А. Громыко рассматривает результаты выборов 2010 г. как относи-

¹ Liberal Democrat Manifesto 2010. URL: <https://www.markpack.org.uk/files/2015/01/Liberal-Democrat-manifesto-2010.pdf> (дата обращения: 30.06.2022)

² The Conservative manifesto at a glance. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2010/apr/13/conservative-manifesto-at-a-glance> (дата обращения: 30.06.2022)

³ The Labour Market Story: The UK Following Recession. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/344439/The_Labour_Market_Story_-_The_UK_Following_Recession.pdf (дата обращения: 02.07.2022)

⁴ How much of the Liberal Democrats' 2010 election manifesto was implemented? URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/apr/15/how-much-of-the-liberal-democrats-2010-election-manifesto-was-implemented> (дата обращения: 02.07.2022)

⁵ UK Election Statistics: 1918–2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 02.07.2022)

тельно успешные для консерваторов и отмечает, что при всех сложностях работы коалиционного правительства, «стабильность британской партийно-политической системы сохранялась на достаточно высоком уровне. О вызревании условий для досрочных парламентских выборов или о масштабном внутривнутриполитическом кризисе в стране речь всерьез не шла» [Дилеммы Британии: поиск путей развития..., 2014: 154]. Эта точка зрения также подтверждает мысль о несостоятельности популярной в 2010-е гг. идеи о формировании «двухсполовинной» системы. Напротив, эти выборы стали началом возвращения традиционной двухпартийной системы. Уверенная победа консерваторов на выборах в 2015 г., а также резкое сокращение представительства третьих партий в Палате общин это убедительно доказали¹. В то время как тори умело интегрировали в свою предвыборную программу вопрос о возможном выходе Британии из Евросоюза, ПЛД, напротив, всячески подчеркивала проевропейскую позицию партии: «Мы останемся преданными членами ЕС, чтобы завершить создание единого рынка в таких областях, как онлайн-торговля, энергетика и сфера услуг, а также чтобы помочь в заключении международных торговых соглашений ЕС, что откроет возможности для британского бизнеса»².

В условиях роста популярности идеи брекзита такая стратегия не могла быть востребована большинством избирателей. Более того, против ПЛД играло то, что партия согласилась на формирование коалиции с тори. Часть электората либеральных демократов восприняла это как предательство. Комментируя поражение партии на выборах, бывший депутат британского парламента от ПЛД Норман Ламб отметил: «Суть в том, что мы потеряли доверие. Когда партия теряет доверие людей, они ее больше не слушают»³. Исследователи Д. Каттс и Э. Расселл также считают, что согласие ПЛД вступить в коалицию с консерваторами сильно подорвало позиции партии [Cutts, Russell, 2015: 86]. На выборах в 2017 г. и в 2019 г. ПЛД не удалось реабилитироваться – она получила в Палате общин 12 и 11 мест соответственно⁴.

Формирование коалиционного правительства в 2010 г. стало для партийной системы Британии проверкой на прочность, но опасения по поводу ее возможной трансформации в «двухсполовинную» не оправдались. ПЛД так и не смогла удержать за собой статус политической силы, способной составить реальную конкуренцию ведущим партиям страны и таким образом полностью изменить конфигурацию партийной системы. С 2015 г. страна вернулась к стабильной двухпартийности при лидерстве тори.

¹ UK Election Statistics: 1918–2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 02.07.2022)

² Liberal Democrat Manifesto 2015. Stronger Economy. Fairer Society. Opportunity for Everyone. URL: <https://www.markpack.org.uk/files/2015/04/Liberal-Democrat-2015-general-election-manifesto-federal-party-version.pdf> (дата обращения: 02.07.2022)

³ The strange death of the Liberal Democrats. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/jul/12/strange-death-of-liberal-democrats-leadership-vote> (дата обращения: 20.06.2022)

⁴ UK Election Statistics: 1918–2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 02.07.2022)

Взлет и упадок Партии независимости Соединенного Королевства

На правом фланге политического спектра Британии наиболее ярко проявила себя Партия независимости Соединенного Королевства (ПНСК), которая продвигала идеи национализма и евроскептицизма.

По итогам парламентских выборов в 2010 г., партия не получила мест в Палате общин, но заручилась поддержкой почти 920 тыс. (3,1%) избирателей. Это был четвертый результат среди всех партий, которые принимали участие в выборах¹. Из-за действующей мажоритарной системы относительного большинства, которая значительно ограничивает потенциал третьих и малых партий, ПНСК не могла рассчитывать на справедливое распределение мест в Палате общин, но количество избирателей, отдавших за партию свой голос – не менее репрезентативная статистика, которая показала, что в стране увеличивается количество евроскептиков (на выборах в 2005 г. ПНСК получила в полтора раза меньше голосов)².

Вопрос о необходимости выхода Британии из ЕС был главным в предвыборной кампании ПНСК. В рамках теледебатов на выборах 2015 г. тогдашний лидер партии Н. Фарадж, комментируя позицию своих оппонентов по вопросу о том, как можно улучшить контроль за миграционными потоками в Британию, отметил: «Что мы можем сделать для повышения контроля над миграцией, находясь в составе ЕС? Я скажу Вам. Ничего! У нас полностью открыты границы для стран-членов Евросоюза и для стран еврозоны... все они хотят повысить свой уровень жизни... мы должны строить один дом каждые семь минут только для того, чтобы справиться с нынешним уровнем миграции... мы должны взять под контроль границы... 77% британцев хотят, чтобы мы что-то с этим сделали»³. В результате ПНСК добилась относительного успеха: партии удалось получить одно место в Палате общин⁴. Конечно, учитывая действительно большую популярность евроскептицизма в стране (63% британцев считали себя евроскептиками⁵), такой результат сложно считать по-настоящему убедительным. Успех ПНСК был вновь сильно ограничен мажоритарной системой относительного большинства: по количеству голосов избирателей ПНСК заняла третье место (12,6% голосов)⁶. Но можно утверждать, что в 2015 г. идеи ПНСК (в первую очередь, необходимость выхода Британии из ЕС) отражали позицию большого количества британцев.

¹ National Results 2010. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/shared/election2010/results/> (дата обращения: 10.12.2021)

² UK election results: UKIP fails to secure seats. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2010/may/07/ukip-election-results> (дата обращения: 20.06.2022)

³ The ITV Leaders' Debate Live. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vc6YH4-ИHME> (дата обращения: 20.06.2022)

⁴ UK 2015 general election results in full. URL: <https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2015/may/07/live-uk-election-results-in-full> (дата обращения: 20.06.2022)

⁵ Briggs M. (2015) Euroscepticism on the rise in UK. URL: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/euroscepticism-on-the-rise-in-uk/> (дата обращения: 25.06.2022)

⁶ Там же.

С уходом Н. Фараджа с поста лидера партии в 2016 г. начался упадок ПНСК. Крайне неубедительно партия выступила на выборах 2017 г.: она потеряла свое единственное место в Палате общин и вернуться в парламент ей больше не удалось¹. Результаты на выборах в 2017 г. и 2019 г. показали, что после проведения референдума продолжать спекулировать на этой теме и получать поддержку избирателей достаточно сложно. Профессоры О. Хит и М. Гудвин считают, что жесткая позиция по вопросу брекзита позволила консерваторам победить на выборах в 2017 г., поскольку они смогли привлечь на свою сторону почти четыре миллиона консерваторов, которые проголосовали за ПНСК в 2015 г. [Heath, Goodwin, 2017].

Несмотря на недолгую популярность ПНСК, ее роль все же была значительной, особенно с точки зрения влияния партии на основные политические силы. Исследователи из Манчестерского университета Дж. Эванс и Дж. Меллон считают, что именно взлет ПНСК заставил Д. Кэмерона пообещать избирателям провести референдум о членстве Британии в ЕС [Evans, Mellon, 2019: 84]. Эту точку зрения разделяют и некоторые российские англоведы, которые указывают на то, что Д. Кэмерон решился на проведение референдума из-за оттока однопартийцев в ПНСК и «под нажимом заднескамеечников» [Будущее Большой Европы..., 2020: 143]. В этом контексте отчасти именно рост общественной поддержки ПНСК стал одним из факторов, которые привели к тому, что лидер консерваторов инициировал плебисцит о членстве Британии в ЕС.

В 2018 г. на политическом ландшафте страны появилась альтернатива и в определенном смысле преемница ПНСК – Партия Брекзита (с 2021 г. – «За реформы в Соединенном Королевстве»), основанная тем же Н. Фараджем. В 2019 г. она принимала участие в своих первых парламентских выборах, по итогам которых получила 2% голосов избирателей. Партия выступила за «чистый брекзит» (*Clean-Break Brexit*) без длительного «переходного периода, многолетних распрей с Брюсселем и проволочек с контролирующими политическими органами ЕС»², т.е. за выход Британии из Евросоюза без соглашения. Партия Брекзита не завоевала мест в Палате общин, но заручилась поддержкой 644 тыс. голосов избирателей (в 28 раз больше, чем получила ПНСК)³. Это стало важным подтверждением того, что значительная часть британцев все же выступала за жесткий вариант брекзита.

В 2021 г. у партии сменился лидер: им стал бизнесмен Р. Тайс. Он заявил о намерении выдвинуть 600 кандидатов от этой политической силы на будущих всеобщих парламентских выборах, которые запланированы в 2024 г.

По словам Р. Тайса партия нацелена в первую очередь на борьбу с тори, называя консерваторов «партией высоких налогов и зарегулированности»⁴. Оценить перспек-

¹ UK Election Statistics: 1918–2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 25.07.2022)

² Contract with the people // URL: <https://www.thebrexitparty.org/wp-content/uploads/2019/11/Contract-With-The-People.pdf> (дата обращения: 10.04.2022)

³ UK results: Conservatives win majority. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2019/results> (дата обращения: 25.06.2022)

⁴ Reform UK tones down culture war rhetoric and targets Tory voters. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2021/oct/01/reform-uk-tones-down-culture-war-rhetoric>

тивы партии на данном этапе весьма сложно, однако она вряд ли останется незамеченной в следующей предвыборной гонке.

ПНСК, несмотря на недолгий взлет и резкий упадок в рассматриваемый период, действительно была феноменом своего времени. Брекзит обнажил многие проблемы в партийной системе страны, и рост влияния ПНСК в этом контексте был особенно показателен. Ее упадок из-за неспособности выиграть борьбу с тори за голоса евроскептиков тем не менее не стал смертельным приговором. Проект Н. Фараджа переродился в новую партию «За реформы в Соединенном Королевстве». Следующие всеобщие парламентские выборы покажут, насколько успешной была эта попытка.

Шотландская национальная партия: первая среди региональных

В рассматриваемый период менялась роль не только общенациональных, но и региональных партий, которые становились все более заметными политическими силами в Вестминстере.

Шотландская национальная партия (ШНП) стала главным триумфатором среди третьих партий на всеобщих парламентских выборах 2015 г., получив 56 мест в Палате общин и увеличив свое представительство в парламенте почти в 10 раз (в предыдущем созыве партия получила всего 6 мест)¹. Таким образом ШНП (партия изначально региональная) стала третьей силой в Палате общин. Такой результат стал возможен благодаря тому, что ШНП сумела перетянуть голоса у Лейбористской партии, которая потеряла часть электората из-за поддержки, оказанной коалиционному правительству Кэмерона-Клегга в ходе референдума о независимости Шотландии в 2014 г. Тогда либеральные демократы призывали шотландцев голосовать против отделения от Соединённого Королевства [Работяжев, 2015: 57]. Взлет партии шотландских националистов был обеспечен также тем, что в регионе традиционно проевропейски настроенный электорат. В предвыборном манифесте ШНП обещала обеспечить членство в ЕС независимо от того, какое решение будет принято на возможном референдуме².

В 2016 г. ШНП удалось добиться принятия Акта о Шотландии, согласно которому регион получил расширенные налоговые полномочия, в том числе право самостоятельно определять размер подоходного налога для шотландцев³. Это во многом стало следствием референдума о независимости Шотландии в 2014 г., по итогам которого против независимости высказались 55,3% проголосовавших⁴. Центральная власть должна была учесть сам факт проведения референдума и небольшой перевес в голосах как сигнал к тому, что Шотландия не отказывается от своих претензий на независимость. Однако на выборах в 2017 г. ШНП получила всего 35

and-targets-tory-voters (дата обращения: 25.06.2022)

¹ UK elections 2015 results. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2015/results> (дата обращения: 25.07.2022)

² Scottish National Party – Manifesto 2015. URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/wmatrix/ukmanifestos2015/localpdf/SNP.pdf> (дата обращения: 22.06.2022)

³ Scotland Act 2016. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/11/section/13> (дата обращения: 25.07.2022)

⁴ Scottish referendum result. URL: <http://scotlandreferendum.info/> (дата обращения: 25.07.2022)

мест в Палате общин (на 21 место меньше, чем в предыдущем созыве)¹. В этот раз обещание провести референдум о независимости оказалось неудачной предвыборной стратегией, и лидер ШНП Н. Стерджен назвала его одной из причин провала².

На выборах в 2019 г. партия реабилитировалась, улучшив свой результат на 8,1% голосов, выиграв 48 мест в Палате общин. Этот результат показывает, что в случае проведения референдума идея независимости Шотландии теоретически может получить большую поддержку населения [Cameron, 2021]. Таким образом, несмотря на постоянные изменения в уровне поддержки, ШНП в рассматриваемый период все же сохранила за собой статус третьей силы в стране.

Кроме того, ШНП – главная политическая сила Шотландии. В 2021 г. в регионе прошли выборы в Шотландский парламент, на которых ШНП в очередной раз показала высокий результат, завоевав 64 места из 129 (четвертая по счету победа ШНП на местных парламентских выборах) [Еремина, 2020]. Такой высокий уровень доверия среди шотландцев говорит о том, что ШНП лучше своих соперников – консерваторов, лейбористов и либеральных демократов – приспособилась сначала к реалиям деволуции, а затем сумела сориентироваться в долгой и непростой дискуссии по вопросу выхода Британии из ЕС.

Однако ШНП обладает недостаточным весом в Палате общин при большинстве у консерваторов, чтобы рассчитывать на успех своей переговорной позиции, суть которой изначально состояла в отказе от выхода из ЕС. Поэтому, будучи партией оппозиционного давления с ограниченными ресурсами, ШНП ставит перед собой задачу получить от центра как можно больше преференций для региона, что должно обеспечивать им поддержку электората. Интересы ШНП в ходе брекзита были полностью проигнорированы, регион не получил компенсацию за экономические и финансовые потери³. Стоит признать, что уступки, на которые идет Вестминстер, не являются масштабными настолько, чтобы считать их победой Холируда в борьбе за суверенитет.

В рассматриваемый период ШНП успешно выступала как на всеобщих, так и на региональных выборах. Однако в последние годы партии становится сложнее спекулировать на теме референдума о независимости. Во-первых, провести референдум без одобрения Лондона Шотландия не может (в январе 2020 г. он официально отклонил эту просьбу). Во-вторых, отрицательный результат на референдуме 2014 г. и опросы общественного мнения последних лет показывают, что в шотландском обществе нет однозначной поддержки независимости [Cameron, 2021]. Если новый референдум все же состоится, и шотландцы снова проголосуют против отделения, ШНП окажется в крайне затруднительном положении. Использовать угрозу независимости в качестве давления на власть и как элемент предвыборной кампании может быть рискованной стратегией.

¹ Election 2017. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2017/results/>, Election 2019. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2019/results> (дата обращения: 25.07.2022)

² Nicola Sturgeon hints independence off agenda after SNP loses seats. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/09/nicola-sturgeon-hints-independence-off-agenda-catastrophic-losses> (дата обращения: 26.07.2022)

³ The Tory litany of broken Brexit promises. <https://www.snp.org/brokenbrexitpromises/> (дата обращения: 25.07.2022)

Роль Демократической юнионистской партии в дискуссии по брекзиту

Демократическая юнионистская партия (ДЮП) – североирландская партия, стоящая на позициях евроскептицизма и выступающая за единство Британии и Северной Ирландии. Несмотря на то что партийная система Северной Ирландии имеет свои региональные особенности, для нашей темы важно рассмотреть роль ДЮП с точки зрения ее места в раскладе сил в Палате общин.

По итогам выборов в 2010 г. партия получила 8 мест в парламенте, сохранив результат на следующих выборах в 2015 г.¹ В 2017 г. ДЮП получила на два места больше и заключила с тори соглашение, которое позволило консерваторам получить необходимое парламентское большинство². Всеобщие парламентские выборы 2017 г. оказались не очень успешными для консерваторов. Сложилась ситуация, при которой крупнейшая политическая сила страны смогла получить абсолютное большинство только благодаря поддержке малой партии³.

В дискуссии об условиях выхода Британии из ЕС один из наиболее сложных вопросов касался североирландской проблематики и выработки правил таможенного контроля в регионе. ДЮП выражала обеспокоенность тем, что в случае сохранения открытой границы между Республикой Ирландией и Северной Ирландией, регион фактически останется в таможенном союзе и настаивала на том, чтобы по итогам брекзита был обеспечен ее полноценный выход из ЕС⁴.

Оппозиция обвиняла Т. Мэй в том, что она зависит от позиции юнионистов. Так, во время парламентских дебатов депутат от ШНП Айан Блэкфорд указал, что «премьер-министр была вынуждена отказаться от первоначального варианта сделки из-за ДЮП и поспешила обратно в Лондон. Правительству пришлось переписать соглашение, чтобы получить одобрение ДЮП. Нам действительно нужно задаться вопросом, кто управляет Великобританией: Арлин Фостер (лидер ДЮП – Т.Н.) или почтенный член парламента от округа Мейденхед (имеется ввиду Т. Мэй – Т.Н.)?»⁵. Однако на важнейшем парламентском голосовании по законопроекту о выходе Британии из ЕС в 2019 г. все 10 депутатов-юнионистов (наряду со 118 депутатами от фракции консерваторов) проголосовали «против» проекта Т. Мэй⁶. Аргументировали они это тем, что правительство не достигло достаточного прогресса, чтобы развеять опасения партии о вероятном постоянном союзе Северной Ирландии

¹ Election 2010 Results. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/shared/election2010/results/> (дата обращения: 25.07.2022)

² Election 2017 Results. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2017/results/> (дата обращения: 25.07.2022)

³ Election 2017 Results. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2017/results/> (дата обращения: 25.07.2022)

⁴ Democratic Unionist party will not support May's deal in vote. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/12/democratic-unionist-party-will-not-support-mays-deal-in-vote> (дата обращения: 15.07.2022)

⁵ Brexit Negotiations. Volume 633: debated on Monday 11 December 2017. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2017-12-11/debates/965E3010-41F6-4353-A2CC-2F5A6C31495F/BrexitNegotiations> (дата обращения: 02.07.2022)

⁶ European Union (Withdrawal) Act main Motion (Prime Minister). URL: <https://votes.parliament.uk/Votes/Commons/Division/562> (дата обращения: 02.07.2022)

дии с ЕС¹. Таким образом, ДЮП встала на сторону той фракции консерваторов, которая проголосовала «против» проекта Т. Мэй. После этого голосования премьер-министр потерпела поражение в парламенте еще дважды и, так и не сумев предложить Палате общин проект Соглашения, который получил бы поддержку большинства, покинула пост лидера тори и главы правительства.

В 2019 г. в Британии состоялись всеобщие парламентские выборы, на которых тори при поддержке юнионистов выступили с программой «Сделаем брекзит реально-стью»². ДЮП рассчитывала, что благодаря альянсу с тори им удастся добиться учета своей позиции. Однако финальная версия Соглашения о выходе Британии из ЕС предполагала новую редакцию Североирландского протокола, по которому граница между Северной Ирландией и Республикой Ирландией оставалась свободной от таможенных проверок, а товары, пересекающие границу между Британией и Северной Ирландией, должны подвергаться проверкам, чтобы защитить единый рынок ЕС³. Тогда позиция ДЮП, которая выступала за отмену Североирландского протокола, не была учтена.

На фоне дискуссии по протоколу в Северной Ирландии накалилась политическая обстановка и обострились внутрипартийные разногласия в ДЮП. Брекзит и Североирландский протокол привели к «кризису юнионизма» в регионе, что ставит под вопрос будущее Северной Ирландии в составе Соединённого Королевства [Британия после брекзита..., 2021: 106]. Еще больше ситуацию усложнили итоги региональных выборов 2022 г., на которых впервые победу одержала националистическая партия Шинн Фейн – главный идеологический противник ДЮП⁴. Партия отказалась назначать министров и формировать региональное правительство, пока со стороны Лондона не последуют «решительные действия» по пересмотру Североирландского протокола⁵. Для разрешения кризиса в июне 2022 г. Палата общин вынесла на рассмотрение законопроект о создании «зеленого коридора» для товаров, следующих из Британии в Северную Ирландию, которые не предназначены для Республики Ирландии. Большинство депутатов поддержало законопроект⁶. Однако

¹ Шинн Фейн (североирландские националисты) выступают за особый статус Северной Ирландии и сохранение свободной торговли с ЕС.

² The Conservative and Unionist Party Manifesto 2019. Get Brexit Done: Unleash Britain's Potential. URL: https://assets-global.website-files.com/5da42e2cae7ebd3f8bde353c/5dda924905da587992a064ba_Conservative%202019%20Manifesto.pdf (дата обращения: 15.07.2022)

³ Protocol on Ireland/Northern Ireland. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840230/Revised_Protocol_to_the_Withdrawal_Agreement.pdf (дата обращения: 20.07.2022)

⁴ Northern Ireland Assembly Election Results 2022. URL: <https://www.bbc.com/news/election/2022/northern-ireland/results> (дата обращения: 29.08.2022)

⁵ DUP to block formation of Northern Ireland power-sharing executive. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2022/may/09/dup-to-block-formation-of-northern-ireland-power-sharing-executive> (дата обращение: 29.08.2022)

⁶ Northern Ireland Protocol Bill. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2022-06-27/debates/2FA67D37-816A-4F05-AFE2-AFD4CC4D4B5F/NorthernIrelandProtocolBill> (дата обращения: 02.07.2022), Northern Ireland Protocol Bill Division 53: held on Wednesday 20 July 2022. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2022-07-20/division/1C972E86-DF10-436B-9FFD-FCD249920B25/NorthernIrelandProtocolBill?outputType=Party#party-noPlaidCymruNoes> (дата обращения: 02.07.2022)

ДЮП продолжает оказывать давление на Лондон, считая такие уступки недостаточными. Нынешнее руководство ДЮП намерено отстаивать свою позицию до полного пересмотра протокола. Лидер юнионистов Дж. Дональдсон подчеркивает, что парламент стоит перед конкретным выбором, потому что «Североирландский протокол и Соглашение Страстной пятницы не могут существовать вместе. Одно серьезно вредит другому. Протокол подрывает межобщинный консенсус, на основе которого действуют политические институты» в Северной Ирландии¹.

Таким образом, будучи региональной партией и получая в рассматриваемый период в среднем 8 мест в Палате общин, ДЮП тем не менее оказывала большое влияние на обсуждаемые вопросы². С одной стороны, проект Соглашения Т. Мэй не был бы принят Палатой общин даже при полной поддержке ДЮП. С точки зрения влияния партии на внутривнутриполитический дискурс, ДЮП обостряла дискуссию по вопросу о брекзите и не добавляла консерваторам поддержки в условиях серьезного общественно-политического кризиса. В то же время ДЮП, несмотря на ее скромное место в общевеликобританской повестке, можно считать весьма успешной в отстаивании своих региональных интересов, хотя они потерпели поражение на последних выборах в Ассамблею Северной Ирландии.

Выводы

В период с 2010 по 2022 гг. партийно-политическая система Британии пережила явную трансформацию под влиянием новых вызовов – экономического кризиса 2008–2011 гг., референдума о независимости в Шотландии и брекзита. Роль третьих и малых партий в партийной системе была неоднозначной и все время менялась. В разное время в зависимости от обстоятельств и конъюнктуры одни политические силы этой категории теряли свое влияние, другие, напротив, увеличивали. Несмотря на постоянно колеблющийся вес третьих и малых партий, они все же остаются важной частью политической системы.

Очевидным стал рост популярности и влияния ПЛД и ПНСК, который показал изменение настроений в обществе по таким острым вопросам, как брекзит, но и заставил основные партии стать более гибкими. Однако взлет этих партий был кратковременным и не стал тенденцией. Всеобщие парламентские выборы 2015 г. продемонстрировали, что опасения по поводу сохранения стабильности партийной системы были преувеличены и, несмотря на растущую популярность третьих и малых партий в начале 2000-х гг., в 2015 г. произошел возврат к двухпартийности: две ведущие политические партии страны в сумме получили в Палате общин 562 места из 650³. Несмотря на глубочайший кризис, в котором оказалась партийная система

¹ DUP rebuffs UK appeal to restore power sharing in Northern Ireland. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/jun/14/dup-rebuffs-uk-appeal-to-restore-power-sharing-in-northern-ireland> (дата обращения: 29.08.2022)

² The Election. The Statistics. How the UK voted on May 1st. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/special/politics97/news/05/0505/stats.shtml> (дата обращения: 02.07.2022), General Election 2015. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2015/results> (дата обращения: 02.07.2022)

³ UK Election Statistics: 1918-2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 02.07.2022)

в начальном периоде выхода страны из ЕС, тори смогли обеспечить себе лидерство. Попытки ПЛД увеличить свое влияние в системе за счет коалиции с тори стали для партии началом упадка. Итоги выборов 2017 г., вопреки тому, что ни одной из партий не удалось обеспечить себе абсолютное большинство в Палате общин, подтвердили возврат к доминированию двух основных партий (консерваторы и лейбористы в сумме получили 82,3% голосов избирателей)¹.

ПНСК смогла добиться относительного успеха в 2015 г., однако он был коротким и носил скорее ситуационный характер. Более того, именно кризис, вызванный референдумом о членстве в ЕС, привел к укреплению двухпартийной системы. Таким образом, ПЛД и ПНСК, громко заявившие о себе, так и не смогли занять по-настоящему важное место в партийно-политической системе Британии. Партия «За реформы в Соединенном Королевстве», будучи преемницей ПНСК, только начинает свой путь, однако уже сейчас можно сказать, что в предвыборной кампании на будущих парламентских выборах она будет заметной политической силой.

Довольно ярко проявили себя региональные партии. Брекзит обострил межпартийные противоречия и проблемы, которые долгое время находились на заднем плане или решение которых затягивалось. ШНП снова поставила вопрос о независимости Шотландии, но референдум 2014 г. показал, что большая часть населения региона против этого. Поэтому значительных успехов в дискуссии с Лондоном ШНП не достигла и свою роль партии оппозиционного давления исполняет не совсем удачно.

Более эффективно действовала ДЮП, которая сумела добиться начала процесса пересмотра Североирландского протокола, что говорит о ее большом влиянии на политическую повестку в стране. Партия проиграла последние региональные выборы, однако активно отстаивает свою позицию и не соглашается на компромиссы. Не исключено разрешение кризиса на условиях ДЮП, учитывая заинтересованность Лондона стабилизировать ситуацию в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Британия после брексита (2021) Под ред. К.А. Годованюк. Ин-т Европы РАН, Москва. 184 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386

Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона. (2020) Под ред. М.В. Ведерникова, А.К. Ивановой. ИЕ РАН, Москва. 316 с. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/978-5-98163-166-5>

Дилеммы Британии: поиск путей развития. (2014) Под ред. Ал.А. Громько (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. «Весь мир», Москва. 480 с.

Еремина Н.В. (2020) Феномен Шотландской национальной партии. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-shotlandskoy-natsionalnoy-partii/> (дата обращения: 23.07.2022)

Работяжев Н.В. Лейбористская партия в постблэровский период и причины её поражения на выборах 2015 г. Ход, итоги и последствия всеобщих парламентских выборов 2015 г. в Великобритании. (2015) Под ред. Е.В. Ананьевой. Доклады Института Европы РАН. № 319. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/319.pdf> (дата обращения: 25.07.2022)

Briggs M. (2015) Euroscepticism on the rise in UK. URL: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/euroscepticism-on-the-rise-in-uk/> (accessed: 25.06.2022)

¹ UK Election Statistics: 1918-2019 – A century of elections. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-7529/> (дата обращения: 02.07.2022)

Cutts D., Goodwin M., Heath O. et al. (2020) Brexit, the 2019 General Election and the Realignment of British Politics. *The Political Quarterly*. Vol. 91. No 1. pp. 7–23.

Cutts D., Russell A. (2015) From coalition to catastrophe: the electoral meltdown of the Liberal Democrats. *Parliamentary Affairs*. Vol. 68. No 1. pp. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.1093/pa/gsv028>

Cameron D. (2021) SNP falls short of a majority in Scottish election but aiming for independence referendum. URL: <https://macmillan.yale.edu/news/snp-falls-short-majority-scottish-election-aiming-independence-referendum> (accessed: 28.07.2022)

Evans G., Mellon J. (2019) Immigration, Euroscepticism, and the rise and fall of UKIP. *Party Politics*. Vol. 25. No. 1. pp. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068818816969>

Harris J. (2015) The strange death of the Liberal Democrats. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/jul/12/strange-death-of-liberal-democrats-leadership-vote> (accessed: 20.06.2022)

Heath O., Goodwin M. (2017) The 2017 general election, Brexit and the return to two-party politics: An aggregate-level analysis of the result. *The Political Quarterly*. URL: <https://kar.kent.ac.uk/63903/1/Heath%20Goodwin%20PQII%20PDF%20%281%29.pdf> (accessed: 20.06.2022) DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12405>

Sanders D. (2016) The UK's Changing Party System: the Prospects for a Party Realignment at Westminster. *Journal of the British Academy*. No 5. pp. 91–124. DOI: <https://doi.org/10.5871/jba/005.091>

The Labour Market Story: The UK Following Recession. (2014) The UK Commission for Employment and Skills Briefing Paper. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/344439/The_Labour_Market_Story-_The_UK_Following_Recession.pdf (accessed: 02.07.2022)

Webb P., Bale T. (2021) *The Modern British Party System*. Oxford: Oxford University Press. 384 p.

Transformation of the Role of Third and Minor Parties in the Political and Party System of Great Britain in 2010–2022

T.V. Nazaruk*

*Graduate student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies, National Research University Higher School of Economics
11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, Russia, 109028*

**E-mail: nazaruct@mail.ru*

Abstract. In the period under review, several significant events took place that resulted in a broad socio-political crisis in British politics. General elections were held four times including two snap elections. Withdrawal of the UK from the EU was one of the main issues that divided both society and political elite. The main struggle was traditionally been between Conservative and Labour party. However, in the context of turbulence in the political life, the role of third and minor parties has also changed, which until recently often remained outside the focus of analyses of British politics. The article examines specific features of the transformation of third and minor parties' role in the UK party-political system in 2010–2022. It focuses on the causes and consequences of the formation of a coalition government of the Conservative Party and the Liberal Democrats in 2010, as well as the impact of Brexit on the position and politics of third and minor parties in the country. The research is limited to the analysis of the role of the Liberal Democrats, the UK Independence Party, the Scottish National Party and the Democratic Unionist Party. The author concludes that the role of third and minor parties in the British party system has been constantly changing. Initially it grew, episodically exerting a significant influence on the country's politics but Conservative party seems to dominate political life despite the intra-party struggle.

Key words: British party system, coalition government, Brexit, crisis of two-party system, third and minor parties.

DOI: 10.31857/S0201708322050151

EDN: gnwiye

REFERENCES

Britaniya posle brekzita [The United Kingdom after brexit]. (2021) Pod. red. K.A. Godovanyuk. In-t Evropy RAN, Moscow. 184 p. (in Russian) DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386

Budushchee Bol'shoj Evropy. Perspektivy razvitiya makroregiona [The Future of Greater Europe Perspectives on Macro-Regional Development]. (2020) Pod red. M.V. Vedernikova, A.K. Ivanovoj. IE RAN, Moscow. 316 p. (in Russian) DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/978-5-98163-166-5>

Dilemmy Britanii: poisk putej razvitiya [Dilemmas of Britain: Search for paths of Development]. (2014) Pod red. A.I.A. Gromyko (otv. red.), E.V. Anan'evoj. «Ves' mir», Moscow. 480 p. (in Russian)

Eremina N.V. (2020) Fenomen Shotlandskoj nacional'noj partii [The Phenomenon of the Scottish National Party]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fenomen-shotlandskoy-natsionalnoy-partii/> (accessed: 23.07.2022) (in Russian)

Rabotyazhev N.V. Lejboristskaya partiya v postblajrovskij period i prichiny eyo porazheniya na vyborah 2015 g. [The Labor Party in the post-Blair period and the reasons for its defeat in the 2015 elections]. Hod, itogi i posledstviya vseobshchih parlamentskih vyborov 2015 g. v Velikobritanii. (2015) Pod red. E.V. Anan'evoj. Doklady Instituta Evropy RAN. № 319. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/319.pdf> (accessed: 25.07.2022) (in Russian)

Briggs M. (2015) Euroscepticism on the rise in UK. URL: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/euroscepticism-on-the-rise-in-uk/> (accessed: 25.06.2022)

Cutts D., Goodwin M., Heath O. et al. (2020) Brexit, the 2019 General Election and the Realignment of British Politics. *The Political Quarterly*. Vol. 91. No 1. pp. 7–23.

Cutts D., Russell A. (2015) From coalition to catastrophe: the electoral meltdown of the Liberal Democrats. *Parliamentary Affairs*. Vol. 68. No 1. pp. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.1093/pa/gsv028>

Cameron D. (2021) SNP falls short of a majority in Scottish election but aiming for independence referendum. URL: <https://macmillan.yale.edu/news/snp-falls-short-majority-scottish-election-aiming-independence-referendum> (accessed: 28.07.2022)

Evans G., Mellon J. (2019) Immigration, Euroscepticism, and the rise and fall of UKIP. *Party Politics*. Vol. 25. No. 1. pp. 76–87. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068818816969>

Harris J. (2015) The strange death of the Liberal Democrats. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2015/jul/12/strange-death-of-liberal-democrats-leadership-vote> (accessed: 20.06.2022)

Heath O., Goodwin M. (2017) The 2017 general election, Brexit and the return to two-party politics: An aggregate-level analysis of the result. *The Political Quarterly*. URL: <https://kar.kent.ac.uk/63903/1/Heath%20Goodwin%20PQII%20PDF%20%281%29.pdf> (accessed: 20.06.2022) DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12405>

Sanders D. (2016) The UK's Changing Party System: the Prospects for a Party Realignment at Westminster. *Journal of the British Academy*. No 5. pp. 91–124. DOI: <https://doi.org/10.5871/jba/005.091>

The Labour Market Story: The UK Following Recession. (2014) The UK Commission for Employment and Skills Briefing Paper. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/344439/The_Labour_Market_Story_-_The_UK_Following_Recession.pdf (accessed: 02.07.2022)

Webb P., Bale T. (2021) *The Modern British Party System*. Oxford: Oxford University Press. 384 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327

**ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО:
ЧТО ОЖИДАЕТ ЕВРОПУ И МИР**

© 2022 **НЕЙМАРК Марк Афроимович***

*Доктор исторических наук, профессор
Кафедра политологии и политической философии
Дипломатическая академия МИД России
119034, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, строение 1
E-mail: mark.neimark@mail.ru SPIN-код: 2491-0280

Поступила в редакцию 08.04.2022

После доработки 14.06.2022

Принята к публикации 08.07.2022

Ключевые слова: геополитика, стратегическая безопасность, Европа, США, Китай, Россия, новый мировой порядок.

DOI: 10.31857/S0201708322050163

EDN: gnwtua

Новые вызовы и угрозы вызывают растущую озабоченность во властных структурах Евросоюза и политологических сообществах стран-членов. Резкое усложнение геополитических и геоэкономических реалий императивно ставит перед профильными аналитиками задачу переосмыслить прежние и предложить новые подходы, адаптированные к кардинально изменившимся условиям.

Решению этой задачи посвящена опубликованная в 2021 г. в Париже книга Т. Гомара «Невидимые войны. О грядущих геополитических вызовах» [Gomart, 2021]. Ее автор – известный европейский политолог-международник, директор парижского Института международных отношений, обладатель премии за лучшую книгу во Франции по геополитике 2020 г. и премии Академии моральных и политических наук. С европейского ракурса он рассматривает совокупность проблем и тенденций, которые прямо или опосредованно сказываются уже сейчас на перспективах мирового развития. Их осмысление в книге вызывает особый интерес в условиях, когда отношения ЕС-Россия, по оценке Постоянного представителя РФ при ЕС В.А. Чижова, скорее напоминают метро: «Мы движемся в темноте от станции к станции: к сожалению, очень медленно» [Чижов, 2021].

Глобализация: особенности макросистемных трансформаций

Методологический подход и оценочные позиции Т. Гомара во многих случаях отличаются от привычных концептуальных шаблонов, схем и моделей, используемых на Западе в анализе процессов глобализации и контр-тенденций в их развитии. Он придает первостепенное значение критике «уникальной незаметной системы, на которую опираются США для контроля над базовыми звеньями глобализации». Благодаря доллару и национальной юрисдикции, распространяемой на весь мир, а также военному превосходству США «сохраняют опасную власть как над созданием тех или иных структур, так и над их развалом» [Gomart, 2021: 251]. Так было в период президентства Д. Трампа, так осталось и при Дж. Байдене: автор как будто предвидел фиаско созданных Вашингтоном в Афганистане структур после их поспешного вывода из Кабула, а также формирование в другом регионе по явной инициативе США нового военно-политического союза AUKUS.

Примечательно, что именно в рамках анализа мирополитических процессов, связанных с глобализацией, возникает сложная задача – выявить, пожалуй, впервые, невидимые механизмы соперничества великих держав. В глобальном масштабе модели управления, потребления и поведения начинают конкурировать между собой в результате сочетания желаемых трансформаций технологического прогресса и трансформаций нежелаемых, прежде всего – деградации окружающей среды [Gomart, 2021: 10]. Именно в рамках такого специфического сочетания, прогнозирует автор, усилится конкурентное соперничество великих держав. Геополитические зависимости будут смещаться под давящим воздействием экологических, демографических, санитарно-эпидемиологических и технологических факторов. «Европа еще не осознала в должной мере то, с чем ей приходится сталкиваться сегодня и от чего прямо зависит ее место на международной арене» [Gomart, 2021: 11].

Пандемия COVID-19 нарушила баланс отношений между Азией и Западом, но главное – закрепила разрыв между КНР и США, «завершая тем самым сорокалетний цикл развития, который модифицирует саму природу глобализации». За этот период произошел мощнейший промышленный и технологический переток из США, Западной Европы и Японии в Китай, позволивший Пекину прямо оспаривать верховенство Вашингтона. Реакция американской власти на пандемию наглядно показала степень ее дезорганизации в масштабе всей страны. Самым значимым, глубинным последствием коронакризиса Гомар считает ускоренное размывание западноцентричности в мировой политике и все большее разнообразие подходов в осмыслении процессов современной глобализации. Он критикует европейцев и особенно французов за их провинциализм, их сосредоточенность в рамках глобализации главным образом на европейском строительстве и на трансатлантических связях, которые переживают глубокий кризис. В восприятии европейцев «глобализация сводится к западноцентричности, универсальное значение которой все больше оспаривается с самых разных сторон» [Gomart, 2021: 15]. Сегодня наблюдается прямо противоположный процесс, и «происходит уже не столько внедрение “универсальных ценностей” на Востоке, сколько “азиатских ценностей” на Западе» [Gomart, 2021: 17].

Фокус авторского анализа на ускоренном размывании западнцентричности в тесной прогностической увязке с процессами глобализации и контртенденциями в ее развитии со всей очевидностью свидетельствует о подвижках в стратегическом мышлении определенного сегмента европейского политологического сообщества и о растущем понимании им глубинной сути трансформации мирового порядка.

Свет и тени цифровизации

В современном, все более усложняющемся мире цифровизация экономики и политики приобретает геостратегическое значение. Резко возрастающая сопряженность сугубо технологических и мирополитических процессов стала одним из важнейших факторов глобальной политики. Оптимизация цифровых стратегий выходит в приоритеты международных, региональных, государственных и международных повесток.

Именно поэтому в разных контекстах в книге рассмотрен феномен цифровизации, причем, не только как неотъемлемая часть глобализации, но и как один из важнейших гарантов ее дальнейшего перехода на более углубленные и еще не до конца осознанные форматы. С 2005 по 2016 гг. приток информации увеличился в 80 раз; отныне, по прогнозам, он будет удваиваться каждые полтора года. Уже не конкурентная борьба, а война за первенство в получении информации становится особенностью трансформационных процессов в глобальном пространстве. Финансовое, технологическое и политическое могущество таких крупнейших компаний как *Facebook*¹, *Microsoft* и *Apple* стало символом мировой цифровой экономики. При этом почти половина баз данных находится в США. В Европе они сосредоточены в основном в коридоре Лондон – Амстердам – Париж – Франкфурт-на-Майне и на морском побережье, куда выходят наиболее значимые глубоководные кабели. В ближайшее пятилетие в мире будет насчитываться 150 млрд цифровых терминалов, что в 20 раз больше, чем людей на планете. Коронакризис еще больше подталкивает мировую экономику в сторону цифровых платформ. Все это усиливает всевластие наиболее развитых стран в ущерб отдельных государств, неспособных адаптироваться к новой технологической среде.

Особое внимание в книге уделено искусственному интеллекту, рассматриваемому как «новый инструмент могущества, который придает решающее преимущество государству, способному овладеть им» [Gomart, 2021: 154]. В мире усиливается гонка за талантами. Так, США намерены привлечь в Кремниевую долину 0,0001% наиболее талантливых специалистов из 7,7 млрд проживающих на планете, т.е. 770 тыс. человек с повышенными профильными компетенциями. Внедрение искусственного интеллекта ускоряет роботизацию и автоматизацию промышленного производства и создает четко выраженное геороботизационное пространство, включающее Китай, Южную Корею, Японию, Германию и США. Последние три страны доминируют на рынке промышленных и медицинских роботов с высокой

¹ С 4 марта 2022 г. социальная сеть *Facebook* (запрещенная в России экстремистская организация) заблокирована Роскомнадзором на территории РФ (прим. редакции).

добавочной стоимостью. Автоматизация и использование дистант-интеллекта существенно меняет положение дел с наемным трудом, особенно в третичном секторе наиболее развитых стран. Дистант-работа серьезно скажется на средних классах, которые могут оказаться в эпицентре политических и социальных потрясений в западных странах. Все более значимым фактором является то, что для использования искусственного интеллекта требуются исходные комплектующие и прежде всего полупроводники, в производстве которых доминируют США. В 2018 г. дефицит полупроводников в Китае составлял 12% всех импортируемых в страну товаров. Учитывая геоэкономическое и геополитическое превосходство Вашингтона в сфере технологий, в КНР поставлена задача обеспечить ее суверенную независимость в производстве полупроводников к 2025 г. Целевая установка предельно проста: использование искусственного интеллекта должно стать приоритетным направлением развития страны. Вместе с тем в китайском экспорте уже произошли большие изменения, касающиеся, в частности, поставок за рубеж технологий «умного города», что свидетельствует о том, что «отныне Китай уже не только мастерская мира, но и технологическая лаборатория» [Gomart, 2021: 160]. В целом же развитие системы 5G – составная часть политики технологически развитых стран, ставящая цель обеспечить им превосходство в мире за счет достижений в сфере цифровизации.

Таким образом, цифровая среда обоснованно рассматривается как меняющееся электронно-сетевое пространство социальных, геоэкономических и геополитических отношений с акцентом на современный опыт использования международно-политических компонентов и механизмов цифровизации. Вместе с тем автор мог бы прогностически укрупнить геополитические последствия цифровизации в столь актуальном сегодня контексте формирования нового мирового порядка. Не будет преувеличением утверждать, что она существенно скажется на его параметрах и особенностях. Цифровая суверенность, доминирование или, наоборот, зависимость станут во многом определяющими факторами мирового развития. С цифровизацией связано, несомненно, формирование нового качества различных форматов взаимодействия, соперничества и противоборства в мировой политике и международных отношениях. Регулятивное воздействие цифровизации на развитие мирополитических процессов будет усиливаться по нарастающей. Цифровая парадигма уже сегодня глобализирована настолько, что не будет преувеличением говорить о цифровизации геополитики.

Грозы и угрозы в киберпространстве

Современное киберпространство являет собой сгусток противоречий, геополитических размежеваний и прямой конфронтации. Новые кибервозможности беспрецедентно повышают многочисленные, прежде всего, ядерные риски. Выработка общего понимания киберугроз для ядерного сдерживания и стратегической стабильности приобретает экзистенциальное значение. Как отмечается в прогнозном докладе разведсообщества США «Глобальные тенденции 2040», именно адаптация к этим и другим новым вызовам и угрозам «станет как императивом, так и ключевым источником преимуществ всех действующих сил в мире» [Global Trends 2040, 2021].

Отправной точкой анализа предстоящих действий Евросоюза в этой сфере служит обобщенная констатация автора: ЕС потерпела поражение в битве за средства цифровизации. Поэтому в гонке за новые технологии интегрированная Европа делает ставку на поиске ее эффективной инновационной модели, учитывающей особенности борьбы вокруг персональных данных. Этика и регулирование не заменяют различным отраслям промышленности профильные инвестиции, политическую поддержку, быстроту принятия решений и их реализацию. Тем не менее регулирование «останется привилегированным средством ЕС в его попытках противостоять влиянию американских цифровых платформ». Принятый в 2018 г. Генеральный регламент ЕС о защите данных предписывает выступить в защиту граждан Евросоюза как «личностей, которых они непосредственно касаются», в то время как в США эти данные принадлежат информационно-цифровым платформам, активно их накапливающим. Стержневая проблема Евросоюза, претендующего на стратегическую автономию, – невозможность отождествлять статус физического лица и положение личности, которую затрагивают накопленные на нее данные. Если первый случай подпадает под четкую государственную юрисдикцию, то во втором случае – все персональные данные оказываются одновременно еще и на многочисленных частных серверах, локализованных в разных местах. Поэтому ЕС будет вынужден пересмотреть свой прежний подход в этом вопросе, стремясь обеспечивать защиту персональных данных в комплексной увязке обоих случаев [Gomart, 2021: 171].

В современном мире кибербезопасность стала ключевой сферой, где соперничают частные компании разных стран, поддерживающие тесные связи с властными структурами. Происходит взаимопереплетение их целей и интересов, в результате чего доступ к личному пространству, личной жизни граждан становится все более свободным, как и к постоянно расширяющимся государственным базам данных. Так, реконфигурация государственно-частного партнерства в вопросах кибербезопасности стала одной из центральных задач созданной в США Комиссии по киберпространству, учрежденной Законом о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону в 2018 г.

В той мере, в которой объединение, накопление и использование баз данных является огромным преимуществом, обеспечение их защищенности становится приоритетной задачей государств, компаний и самих граждан. Т. Гомар выделяет в кибербезопасности три слоя: материальный (физическая инфраструктура, реальное значение которой возрастает по мере развития интернета); слой логистики и систем ее эксплуатации и когнитивный («семантический» слой). Первые два слоя соотносятся с пользователями, а третий – с его содержательным наполнением [Gomart, 2021: 165]. Именно эти слои киберпространства подвергаются нарастающим атакам, последствия которых могут сказываться на населении того или иного государства и на его властных структурах. Автор выделяет следующие виды информатак: шпионаж, преступность, дезинформация и саботаж. Шпионаж в сфере информатизации и цифровизации, осуществляемый преимущественно, но не только разведывательными службами, дополняет и усиливает их традиционную деятельность. Киберпреступность сводилась до середины 1990-х гг. к действиям отдельных хакеров. Уже в первом десятилетии XXI в. их сети организуются на профессиональных

началах: вымогательство финансовых ресурсов поставлено на поток, используются и другие, самые разнообразные преступные средства. Единообразие изъянов систем информатизации различных государств позволяет киберпреступным группам действовать эффективно. Избирательные кампании становятся мишенью операций по дезинформации, проводимых, в частности, в социальных сетях. Саботаж в сфере информатики осуществляется путем проникновения в системы противника и установления в них специальных устройств, активируемых в заданный момент в целях подрыва той или иной инфраструктуры.

Конкретизируя современные кибертехнологии, Т. Гомар называет наиболее эффективные из них: слежку, цензуру, кибератаки, закрытие сетей и точечные преследования – все то, что ускоренно ведет к созданию «всевидающего ока капитализма». Яркий тому пример – американская «глобальная система слежки», использование которой «наделяет США уникальными преимуществами перед другими крупными державами». Так, 80% трафика интернета во Франции проходит через США. Прогностический вывод Т. Гомара: воздействие американских цифровых платформ на экономическую и политическую жизнь «будет иметь прямые последствия для Европы» [Gomart, 2021: 168–170]. Оснований для такой оценки у автора достаточно.

Ближе к футурологии: новая гонка вооружений

То, что происходит сегодня в сфере вооружений, выглядит все более футуристично. Автор обоснованно использует инновационное понятие «военно-цифровой комплекс», отражающее беспрецедентные технологические изменения, которые во много определяют сущностное содержание, формы и параметры грядущего мирового порядка. Постоянное балансирование между технонационализмом и техноглобализмом подпитывает и усиливает технологическое противоборство между Вашингтоном и Пекином.

Прорывные технологические достижения в военной области могут изменить место государств в мировой иерархии. Учитывая свои ограниченные возможности по сравнению с Китаем и США, европейцы не могут позволить себе ошибиться в выборе приоритетных направлений научно-технологической революции и соответственно секторов, где инвестиции будут наиболее эффективными. В документе «Шоки будущего», подготовленном Генеральным секретарем по обороне и национальной безопасности Франции, обозначены те области, в которых к 2030 г. ожидаются технологические прорывы, ведущие к прорывам стратегическим. Это гиперзвуковое оружие, космическое оружие, принтерная печать в трех измерениях, биология синтеза, нейронауки, криптография, робототехника и автономные системы.

Автор уделяет повышенное внимание гиперзвуковому оружию, поскольку его разработка Россией, Китаем, США и Индией создает опасность отставания Европы в этой области. Только эти страны, наряду с Францией, имеют профильные целевые программы развития. Особенность стратегического подхода Москвы, Пекина и Парижа в том, что они «рассматривают гиперзвуковое оружие в рамках ядерного

сдерживания. США же предусматривают его использование для упреждающего конвенционального удара» [Gomart, 2021: 181].

Само по себе технологическое превосходство не всегда влечет за собой превосходство военное, отмечает Гомар. Сказываются и другие факторы: здоровье армии, ее натренированность, моральный дух, организация, качество военной доктрины и умения армейского руководства. Степень подготовленности к войне, способность противостоять террористическим, эпидемиологическим и экологическим вызовам и угрозам также определяют статус державности и мощи государства. Конечно, перво-степенное значение имеет финансовый потенциал страны, реальные возможности ее военного бюджета и уровень эффективности стратегического планирования.

Этим критериям и параметрам отвечают очень мало стран. В 2019 г. военные расходы первых пятнадцати стран мира – 1 трлн 433 млрд долл., причем совокупная доля четырех европейских стран (Великобритании, Франции, Германии и Италии) составляла всего 12%. Первое место по военным расходам занимают США, далеко опередившие Китай, Саудовскую Аравию, Россию и Индию. Что же касается Европы, то в целом ее военные бюджеты за последние полвека снизились с 3-4% ВВП до 1-1,5%, достигнув исторического минимума. Показателен пример Франции: с 1991 по 2001 г. ее военный бюджет уменьшился на 18% при том, что госдолг страны увеличился с 35% ВВП в 1991 г. до 60% в 2001 г., а в декабре 2019 г. превысил символическую планку в 100%. Впоследствии этот показатель существенно возрос в связи с пандемией. Автор критикует те европейские страны, которые не мыслят свою оборону в отрыве от Вашингтона, считая, что тогда им гарантирована безопасность. «Коалиции, сформированные США для вторжения в Афганистан в 2001 г., затем в Ирак в 2003 г., от участия в которых отказались Франция, Германия и Россия, наглядно показывают проявления этой зависимости европейцев от США» [Gomart, 2021: 178].

Новой тенденцией в битве за космос становится участие в ней частных игроков, которые, как, например, Э. Маск объявили о переходе от освоения космического пространства к его эксплуатации. Сопряжение усилий государства и частного сектора в США становится отныне органичной частью американской гонки вооружений. В последние годы США инвестируют огромные средства в космос, который они рассматривают как первооснову собственного военного превосходства, продолжая при этом обвинять Россию в милитаризации космического пространства.

В этих условиях интегрированная Европа вынуждена глубоко переосмыслить свою политику в космическом пространстве, которая является «залогом ее стратегической автономии» [Gomart, 2021: 194]. При том, что за последние два десятилетия ей удалось добиться многих технологических успехов: реализовать в конкуренции с американской GPS, российской Глонасс и китайской Beidou проект самой точной в мире (полметра) геолокации, программу наблюдения за земной поверхностью «Коперник», проект наблюдения за космическим пространством и движением объектов в нем, обеспечиваемый работой свыше 2 тыс. спутников; автономную правительственную космическую связь между государствами ЕС.

Тем не менее, констатирует Т. Гомар, Евросоюзу не удалось достичь цели, зафиксированной в 2000 г. в Лиссабоне – «стать самой конкурентной экономикой знаний и

самой динамичной, растущей силой в мире в 2010 г.». В последнее десятилетие Евросоюз уступил свои передовые позиции Китаю. Перед ЕС стоят две проблемы: первая – обеспечить переход от инновации к коммерциализации в глобальном масштабе; вторая – устранить разрыв между гражданской и военной областями, который утрачивает свою значимость в условиях цифровизации [Gomart, 2021: 196–197].

Все более усложняющаяся динамика трансатлантических отношений вносит новые коррективы в представления самих европейцев о возможностях, потенциале и перспективах обеспечения системы безопасности в Европе. Заметно увеличивается число европессимистов, сомневающих в готовности и даже способности США гарантированно обеспечить Европе всеохватный «оборонный зонтик», соответствующий современным вызовам и угрозам. В этих условиях концепция «стратегической автономии» становится все более значимой для Брюсселя, учитывая отнюдь не мелкие геополитические диссонансы с Вашингтоном. Рассчитанная на самостоятельное укрепление европейской безопасности, она выходит на первый план оборонительной стратегии интегрированной Европы. Первоначальный лозунг-призыв обрести полноценную субъектную геополитическую роль постепенно превращается в один из приоритетных пунктов ее внешнеполитической повестки. Перевод в практическую плоскость идеи оборонной идентичности ЕС усиливает, несомненно, его разногласия с НАТО и, соответственно, с США.

В этой связи обоснованной представляется точка зрения тех представителей российского политологического сообщества, кто считает, что будущее стратегической автономии Евросоюза будут определять инициативность или бездействие национальных государств, их готовность потратить политический капитал или занять выжидательную позицию, политическое лидерство или стремление переложить ответственность на других [Громыко, 2021: 14].

Международный терроризм и преступность: старые вызовы – новые проблемы

В разделе, посвященном этой теме, Т. Гомар старательно уходит от наиболее распространенных на Западе оценочных суждений и схожих обобщений. Он исходит из того, что международный терроризм и транснациональная преступность представляют собой скрытые угрозы и потому борьба с ними является «прежде всего войной разведок», поскольку она ведется с военизированными группами, поддерживающими тайные связи со многими странами. «В конечном счете разведслужбы могут рассчитывать только на свои силы, несмотря на то что борьба против терроризма предполагает их взаимодействие. Правил здесь придерживаются редко даже между союзниками, поскольку обмен разведывательной информацией может произойти со странами, которые сами являются объектом разведок других внешних сил» [Gomart, 2021: 205]. В критической тональности выдержана оценка деятельности западных разведок, прежде всего американской, которые не уделили должного внимания к появлению исламского фундаментализма. Создание «Аль-Каиды»¹ Усама Бен Ладеном

¹ Запрещенная в РФ террористическая организация (прим. редакции).

в Афганистане в 1988 г. прошло незамеченным. Несмотря на нападение в 1993 г. на Международный торговый центр в Нью-Йорке, лишь спустя шесть лет американские спецслужбы приступили к серьезному изучению столь важной проблемы. «11 сентября стало знаковым подтверждением их провала».

Специфика же Евросоюза объясняется тем, что разведслужбы действуют автономно в суверенных рамках стран-членов. Абсолютно бесперспективно, по мнению автора, пытаться создать интегрированную европейскую разведывательную структуру. Другое дело – обмен информацией и даже проведение совместных антитеррористических операций в отдельных ситуациях и в случае общей угрозы. «Именно это может стать приоритетным направлением [деятельности разведок в ЕС]» [Gomart, 2021: 222].

Обращаясь, что естественно, к деятельности французской внешней разведки, автор на основе открытых данных конкретизирует – по степени важности – шкалу ее приоритетных целей и задач: борьба с терроризмом в тесной взаимосвязи с Генеральной дирекцией внутренней безопасности и армией; борьба с распространением ядерного, баллистического, радиологического, химического и биологического оружия; борьба с незаконной миграцией; противодействие киберугрозам; защита технологических и научных достижений; политическая разведка. Из этого перечня приоритетов следует, что борьба с терроризмом имеет особое значение для Франции: с 2012 г. в ней произошли 19 терактов, а 32 акции джихадистов были предотвращены спецслужбами. Обезглавленный в 2020 г. на выходе из школы учитель Самуэль Пати замкнул список 264 жертв террористов во Франции.

Экономический и социальный кризис, усугубленный пандемией, усиливает по нарастающей транснациональную преступность. Она концентрируется, по оценке автора, в пяти основных сферах. Во-первых, это производство контрафактной продукции, особенно электроники, драгоценностей, медикаментов и одежды. Совокупность этой продукции оценивается в 3,3–10% всей мировой торговли. Во-вторых, торговля людьми и обеспечение незаконной миграции, ежегодный доход от которых, по данным ООН, превышает 32 млрд долл. В-третьих, это экологическая преступность: торговля редкими птицами и животными, рогами носорога, бивнями слона, плавниками акулы и т.д. В-четвертых, контрабандная торговля антиквариатом, исчисляемая ежегодно в 6 млрд евро. По данным Интерпола, число украденных предметов искусства в 2019 г. превысило 50 тыс. В-пятых, что особенно опасно, это торговля оружием: более одного миллиарда единиц легкого стрелкового оружия находится в обороте в мире, из которых 84% – на руках гражданского населения. Особое место занимает торговля наркотиками, приносящая преступным группировкам огромные прибыли. По данным профильной службы ООН, 275 млн человек хотя бы однажды приняли наркотики, что составляет 5,6% населения мира в возрасте от 15 до 64 лет [Gomart, 2021: 208–210].

Выводы

Автор настолько погружен в столь важную проблематику, к отдельным аспектам которой он возвращается вновь и вновь в различных разделах книги, что не-

редко это выглядит как структурная разбалансированность текста, мешающая его целостному восприятию.

Т. Гомар актуализирует, конечно, с учетом насущных потребностей Евросоюза и Франции, значение стратегического мышления, приобретающего в условиях трансформации мирового порядка особое практико-политическое значение. Из книги следует, что грядущие перемены – это уже не заоблачное будущее: устаревшие модели политического и военно-политического бытия уходят в прошлое.

Тревожная озабоченность автора будущим интегрированной Европы, усугубленная последствиями ковидной пандемии, тем не менее не выдержана в заведомо пессимистических тонах. Скорее, ее можно выразить в сдержанной критической формуле, предполагающей серьезную адаптационную перенастройку стратегии ЕС с учетом глобальных перемен в мире: в целом все идет хорошо, но лучше не становится.

Его оценочные суждения вызывают тем более повышенный аналитический интерес, что в значительной степени отражают обобщенные точки зрения отнюдь не единичных авторитетных представителей политологического сообщества стран Евросоюза. Т. Гомар связывает благоприятные стратегические перспективы развития ЕС, в частности, с необходимостью обновления концепции и практики экономических санкций и инновационной разработки мер реагирования на ожидаемые американские и китайские санкции против ЕС. Похоже, что поучительные уроки антироссийских санкций, экстраполируемые в расширенном геополитическом и геоэкономическом масштабе на самих себя, все больше беспокоят европейцев.

Кризис либеральной модели миропорядка прямо, если не сказать фундаментально, затронул Евросоюз. Его глобальная стрессоустойчивость перед лицом новых геополитических, геоэкономических и эпидемиологических вызовов и угроз явно ослабевает, несмотря на концептуальное нововведение-заявку на «принципиальный прагматизм», зафиксированную в Глобальной стратегии ЕС в 2016 г.

В оценке геополитических перспектив Франции, которой в книге уделяется значительное место, отметим выделенную автором чрезмерную сосредоточенность на внутренних проблемах, которая мешает пониманию ее руководством стратегических намерений других акторов мирополитических процессов. В их осмыслении вместо жестко обозначенного концептуального подхода предлагается использовать подход сугубо прагматический, с максимальным учетом существующих реалий, опирающийся на качественный анализ конкретных фактов и достоверной информации о намерениях противников, партнеров и нейтральных игроков. При этом, похоже, автор исходит из принципа: ничто так не усложняет отношения, как попытка их упростить. Новые стратегические горизонты для него означают отказ от старых миражей.

Грядущие геополитические вызовы, исходные тенденции которых проявляются уже сегодня, будут прежде всего связаны с «невидимыми», как это явствует из названия книги, войнами за контроль над людьми, их сознанием и поведением. Воздействие скрытых пружин глобализации станет усиливаться по нарастающей на все и на всех. Это определит специфику представлений о мире и войне, внутренней и внешней политике, гражданской и военной сферах. В «невидимых войнах» на первый план выйдут кибероперации, еще более масштабные экономические санкции, информационные баталии и дезинформация. Именно информационное превосходство будет способно нарушить стратегические планы противника.

Вопрос лишь в том, окажется ли прав в обозначенном контексте Франсуа де Ларошфуко, утверждавший еще несколько веков назад, что «не так благотворна истина, как зловердна ее видимость».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громько Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и евроцентризмом. *Современная Европа*. № 4. С. 10–25.

Чижов В.А. (2021) Вопреки препятствиям диалог продолжается, *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vopreki-prepyatstviyam-dialog-prodolzhaetsya/> (дата обращения: 26.11.2021)

Global Trends 2040. A more contested world (2021) A publication of the National Intelligence Council, Office of the Director of National Intelligence. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (дата обращения: 26.11.2021)

Gomart, T. (2021) *Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques*. Paris: Editions Tallandier, 317 p.

REFERENCES

Global Trends 2040. A more contested world (2021) A publication of the National Intelligence Council, Office of the Director of National Intelligence. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed: 26.11.2021)

Gomart, T. (2021) *Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques*. Paris: Editions Tallandier, 317 p.

Gromyko Al. (2021) Sub'ektnost Evrosouza – mezdu atlantismom i evrozentrismom [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 10–25. (In Russian).

Tchizov V.A. (2021) Vopreki prepyatstviyam dialog prodolzhaetsya [Despite the obstacles the dialogue continues]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnim delam*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vopreki-prepyatstviyam-dialog-prodolzhaetsya/> (accessed: 26.11.2021) (In Russian).

What awaits Europe and the World in the Near Future

M.A. Neimark*

Doctor of Science (History), Professor

Department of Political Science and Political Philosophy

Diplomatic Academy of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, build. 1, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034

***E-mail:** mark.neimark@mail.ru *SPIN-code: 2491-0280*

(Review of the book: Gomart, T. (2021) Guerres invisibles. Nos prochains défis géopolitiques. Paris: Editions Tallandier, 317 p.)

Key words: geopolitics, strategic security, Europe, USA, China, Russia, new world order.

DOI: 10.31857/S0201708322050163

EDN: gnwtua

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

- 08.00.00 – экономические науки;
- 22.00.00 – социологические науки;
- 23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

